

АЛЕКСАНДР И РУДАЗОВЫ

ПАРГОРОНСКИЕ БАЙКИ.
ТОМ 2

Александр Рудазов

Паргоронские байки. Том 2

«Автор»

2021

Рудазов А. В.

Паргоронские байки. Том 2 / А. В. Рудазов — «Автор», 2021

Чем больше вокруг тьмы, тем ярче кажется свет. Паргорон, древний мир демонов, утопает во мраке и кишит чистым злом, но тем уютней и веселей в «Соелу», лучшем заведении на много миров вокруг. Его хозяин – сам Паргоронский Корчмарь. Гостеприимнейший из гостеприимных, непревзойденный повар, друг и рассказчик, он уже второй день принимает у себя назойливых гостей, развлекаая их и потчуя яствами, но видит с их стороны лишь черную неблагодарность... – Янгфанхофен, если ты так ставишь вопрос, то мы можем и уйти. – Да сидите, сидите. Сейчас я начну следующую историю...

© Рудазов А. В., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Магия крови	6
Интерлюдия	54
Рождение демона	56
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Александр и Ксения Рудазовы

Паргоронские байки. Том 2

Магия крови

6625 год до Н.Э., Парифат, империя Великого Змея, Ильтохидена.

С болота поднимались испарения. Душистые лианы склоняли щупальца прямо к веранде. Госпожа Эстерляка возлежала на раскаленном топчане, и ее капюшон чуть заметно раздувался.

Кеннис опасливо держался поодаль. С самого утра хозяйка была не в духе, и юноша боялся привлечь ее внимание. Боялся прогневить.

О, за пятнадцать лет рабства у кобринской чародейки он прекрасно научился бояться! На собственной шкуре узнал, что это такое – страх перед чешуйчатой госпожой!

– Кеннис! – раздалось старческое шипение. – Кеннис, негодный мартышонок, куда ты запропал?! Подай мне молока!

Юноша торопливо подлетел с кувшином и наполнил плошку. Эстерляка приникла к ней безгубым ртом, со свистом всасывая жидкость. Раздвоенный язык кобринов слишком тонок, и пить по-человечески эти холонокровные не могут.

Кеннис смотрел на хозяйку с собачьей преданностью. Во всяком случае, так казалось самой хозяйке.

Эстерляка, как и большинство кобринов, плохо разбиралась в гримасах лишенных чешуи. Мягкая кожа на лице Кеннисе казалась ей противной, как лягушачье брюхо, и первое время она лупила своего раба просто так – потому что вызывал гадливость.

Но потом Эстерляка привыкла и стала даже находить удовольствие в поглаживании теплого человеческого тела. Также ей нравилось оставлять царапины на его нежной шкурке, хотя раздражало, что Кеннис от этого вскрикивал, а иногда плакал. Шестилетний ребенок не мог взять в толк, отчего его забрали у матери и отдали новой хозяйке.

Но потом Кеннис привык, что он теперь любимец высокородной чародейки. Ему понравилась сытная еда, просторный дом и возможность нежиться на пуховой перине. Эстерляка, у которой раньше не было разумного питомца, смотрела на него с насмешкой. Сначала она собиралась поиграть с человеческим детенышем годик-другой, а там выкинуть на улицу или отдать кому-нибудь из подруг.

Но потом как-то раздумала. Сама не заметила, как привыкла к этому нелепому существу. Он так смешно бегал на своих кривых ножках, так потешно лопотал своим толстым языком. К тому же подруг очень веселили его ужимки и попытки говорить на истинном наречии.

Со временем Кеннис, конечно, научился говорить. Даже очень складно для мягкоротого. А по мере того, как он вырос, Эстерляка все сильнее к нему привязывалась. Ее стали развлекать беседы с питомцем, она ходила с ним на прогулки и играла в подвижные игры.

Спустя еще некоторое время оказалось, что Кеннис – существо сообразительное. Ради забавы Эстерляка попробовала научить его читать – и Кеннис очень быстро запомнил все буквы, а затем и начал складывать их в слова.

После этого у него появилась обязанность. Мальчик читал хозяйке вслух. Эстерляка полюбила засыпать под его тоненький голосок, и страшно злилась, если Кеннис прерывал чтение прежде, чем ее уносили крылья Повелителя Сна.

А поскольку бесполезную литературу старая чародейка не переносила, читал Кеннис в основном исторические хроники, книги по волшебству, энциклопедии и бестиарии. Иногда Эстерляке приходило желание расспрашивать, понимает ли он сам что-нибудь из прочитан-

ного – и он высказывался на удивление толково. Кобринка впервые видела такой интеллект в млекопитающем.

– Унеси это, – велела Эстерляка, допив молоко. – Смешай мне болеутолитель.

Кеннис молча отошел к лекарственному стеллажу. Он уже несколько лет знал наизусть все травы, а самые простые снадобья мог делать почти с закрытыми глазами.

Кора белой ивы, корень имбиря, розмарин, душица, перечная мята и мандрагоровы яблоки. Все перемешать, истолочь, заварить в кипятке, добавить каплю меда – и готов отвар, на несколько часов отгоняющий самую сильную боль.

Эстерляка уже не могла без этого средства. Старухе недавно перевалило за триста. Конечно, кобрины живут вдвое дольше людей, а кобрины-чародеи вообще редко умирают раньше двухсот, но три полноценных века даже для них – срок изрядный.

– О, отлично!.. – торопливо приникла она к пиале со снадобьем. – Мне это было нужно. Ты нашел ответ на мою загадку?

– Прана, госпожа, – мягким голосом ответил Кеннис. – Я убежден, что верный ответ – прана. Энергия жизни.

– Ты так думаешь? – приподнялась на топчане Эстерляка. – И почему же?

– Любая другая эфирия недостаточно плотна и густа. А магия крови...

– А-а!..

– Виноват, змеиное колдовство, – торопливо поправился Кеннис. Хозяйка не любила, когда волшебство кобринов называли магией крови. – Змеиное колдовство требует отдавать не меньше, чем принимаешь. По крайней мере в равных пропорциях, а лучше – больше, чем получаешь...

– В самом деле? – чуть раздула капюшон Эстерляка. – И в чем же тогда прибыль подобной волшбы?

Кеннис запнулся. Это что – вопрос с подвохом? Он не был уверен.

Теперь, когда ему уже двадцать лет с хвостиком, хозяйка редко поднимает на него руку, но иногда все еще случается. И особенно ее гневит, если он не преуспевает в заданных ею уроках.

– Конечно, в чем-то ты прав, – подняла взгляд кверху костлявая старуха. – Жизнь – суровая госпожа. Она всегда забирает больше, чем дает. Энтропия сопровождает любые наши действия. Едва ты родился, как сразу начинаешь умирать. Мы не чувствуем хватки смерти на своем горле, но она никогда не уходит, и с каждым годом только усиливается. Какие бы усилия мы ни прилагали, сколько бы ресурсов ни тратили, мы всегда оказываемся в проигрыше. Хотя бы чуть-чуть. Поэтому единственное, на что мы смеем надеяться – свести потери к минимуму. Именно этому посвящено змеиное колдовство.

– Очень пессимистичный подход, госпожа, – деликатно произнес Кеннис.

– Я стара и одной ногой в могиле, – глотнула еще снадобья чародейка. – Но вернемся к твоей задаче. Прана, ты говоришь. Что это значит? Как осуществляется жертвоприношение?

– Самый простой метод – прямой. Кровь. Она течет по всему телу, и в ней больше праны, чем где бы то ни было. Выпустить ее – и выпустишь силу. Обернешь эфирию энергией.

– Хм-хм... вижу, ты подготовил свой урок, волосатый мартышонок... Но сможешь ли ты это показать?

Кеннис глубоко вдохнул и достал ритуальный нож. Он боялся этих занятий, хотя когда-то сам их спровоцировал. Еще в детстве, читая книги вслух, он все чаще рисковал сам открывать рот, задавать вопросы – и если вначале старуха грубо его обрывала, то потом начала изредка отвечать. Ей стал любопытен живой интерес раба-питомца. И по мере того, как Кеннис узнавал новое, она и сама все охотнее его учила.

Теперь он уже не выпрашивал знания по крупяцам. Теперь их в него вливали полной мерой. Эстерляка будто задалась целью выяснить – может ли человек приобщиться к тайнам Змея.

Вообще-то, это никогда не запрещалось. Никто же не станет запрещать учить кролика рисовать? Просто кобрины считают теплокровных неполноценными. Не способными овладеть волшебством.

Кеннис собственной кровью доказывал, что это не так.

Алая жидкость капала из его запястья – и вспыхивала, не долетая до земляного пола. Эстерляка следила за этим с жадным любопытством. Когтистые пальцы чуть заметно подрагивали, раздвоенный язык подергивался – чародейка безмолвно вторила чарам ученика.

Сначала ничего не происходило. Но потом земляной пол треснул, и из него показался стебель. Очень быстро проросший, он поднялся по стене лианой, выпустил ветви и тут же раскрыл огромные белые цветы.

– Это для тебя, госпожа, – промолвил Кеннис.

Эстерляка прерывисто заклекотала, словно птица. Так кобрины выражают удовольствие. Смеются, можно сказать.

– Хорошо, хорошо, – сказала она. – Да, так действует змеиное колдовство. Магия жизни. Отдавая – получаешь. Чем больше отдашь – тем больше получишь. Прана – ценный ресурс, и энергии в ней много. Но... если хочешь получить что-то серьезней цветка, отдать придется очень много...

– А это обязательно должна быть собственная прана? – с деланным безразличием спросил Кеннис.

– Не обязательно. Но чужая гораздо хуже. Нет ощущения сродства. Нет истинной жертвенности. Чтобы вырастить такой цветок, тебе пришлось бы выпустить чью-то кровь до капли... или отдать всего несколько капель своих.

– А сколько нужно отдать, чтобы вернуть тебе молодость, госпожа? – спросил Кеннис, внимательно глядя на старуху.

– У тебя столько нет, мартышонок! – рассмеялась Эстерляка. – Ты молодой, сильный... ты проживешь еще несколько десятилетий... Думаю, если я прирежу тебя, то продлю себе жизнь на добрых полгода... но это какой-то неравноценный обмен, ты не согласен? Десятки лет в обмен на полгода...

– А если я отдам эти десятки лет добровольно? – еще внимательнее уставился на нее Кеннис.

– Хм... тогда дольше, конечно... Но такому колдовству ты еще не выучился. Кобрин сложнее растения... но все, хватит. Поди прочь, я устала.

– Почитать тебе перед сном, госпожа?

– Не надо... сегодня не надо...

Эстерляка оперла голову на костяшки пальцев, и на ее глаза опустились белесые пленки. Старуха уже много лет не линяла, а это значило, что она носит последнюю чешую. Ее зрение с каждым годом ухудшалось. Она оттягивала неизбежное колдовством, но его требовалось все больше и больше, а сил оставалось все меньше и меньше.

Глядя на хозяйку, Кеннис попятился и вернулся в свою каморку. Тут было чуть менее жарко и влажно, чем в остальном бунгало. Стены и пол из камня, почти что сухо, а на кровати даже перина.

На ней лежал Тварька. При виде Кенниса он повернул клювастую башку, противно зашипел и попытался убить взглядом.

– Ты опять напрудонил на постель? – устало спросил юноша, поднимая василиска за мясистый гребень.

Тот зашипел еще свирепее. На редкость злобная рептилия, совершенно необучаемая и тупая. Он жил у Эстерляки еще до Кенниса и даже спустя пятнадцать лет страшно ревновал к новому питомцу.

– Маленький урод, – заглянул Тварьке в глаза Кеннис. – Если убьешь меня – кто будет кормить тебя и менять лоток?

Несущие смерть очи василиска не моргали. Он изо всех сил старался убить Кенниса. Он старался убить всех, кого видел. Однажды чуть не убил себя самого, забравшись на трюмо и заглянув в зеркало.

Когда-то у Эстерляки была утятня. Как и все кобрины, старуха обожала яйца. Но потом туда проник Тварька и с остервенением уморил всех уток. Эстерляка в тот раз чуть не утопила василиска в болоте, а у Кенниса появилась пуховая перина.

Единственная польза от Тварьки за все эти годы.

Когда Кеннис в самый первый раз встретился с ним взглядом, то чуть не умер. Сердце на секунду остановилось – а потом Эстерляка отдернула Тварьку.

Но во второй и третий раз было уже менее болезненно. А где-то к седьмому разу у Кенниса просто немного посвербело под загривком.

Неприятная это процедура – привыкать ко взгляду василиска. Да и рискованная очень. Но это был единственный способ для Эстерляки держать под одной крышей обоих питомцев. Это у кобринов иммунитет врожденный – потому они и держат василисков дома, разводят как охотничьих зверей.

Кеннис слышал, что если сбегает раб-человек, по следу просто пускают василиска. Сам он их взглядов давно уже не боялся, но о побеге никогда не думал. Что ему делать там, на болотах Ильтохидены? До другого селения брести несколько часов, и это тоже будет кобринское селение. Возможно, плантация, где его просто схватят и заставят резать рогоз. Кобрины делают из него муку.

Так что он отволок Тварьку к мискам, подлил ему воды и сыпанул сушеной рыбы. Как обычно, василиск едва не откусил ему палец, когда начал клевать корм. Встал он при этом так, что задница оказалась в поилке – и не преминул туда какнуть. Потом начал пить оттуда как ни в чем не бывало.

– Как вы еще не вымерли-то, тупые твари? – вздохнул Кеннис. – Кабы не кобрины, давно бы вас не было уже.

Тварька почувствовал, что Кеннис обращается к нему, и клюнул в палец ноги. Его страшно бесило, что рядом ходит что-то живое. Дикие василиски истребляют вокруг себя все, поэтому живут обычно в пустынях.

Они просто сами их создают. Убивают всех взглядом, да вдобавок источают смертельный яд. Но домашним василискам ядовитые железы удаляют еще в детстве, пока те слабые.

Кроме кормления Тварьки у Кенниса была еще куча обязанностей. Нужно было менять травяной настил, чистить от тины сваи и подводные кладовые, проверять сети, готовить хозяйке еду и встречать все более редких пациентов. Раньше к Эстерляке часто ходили за снадобьями и на лечение, но сейчас старая чародейка практически отошла от дел.

– Киль мраганах! – донеслось снизу клокочущее шипение. – Эстерляка тарши!

Кеннис торопливо сбежал по лестнице. У порога стоял один из последних пациентов старухи – господарь Иссенк. Он жил неподалеку, страдал от грибка и каждую луну приплывал за порцией снадобья.

– Мир вам, господарь, – поклонился Кеннис. – Сегодня ваша кожа выглядит лучше.

– Иссешк тихара, – довольно ответил Иссенк. – Суррушу ти трааш. Менхе, Кеннис, менхе!

Толстый кобрин принадлежал к жреческой касте и принципиально не говорил на низком кобринском. Только на драконьем, священном языке Великого Змея. Кеннис его худо-бедно понимал, но свободно изъясняться все еще не выучился.

– Одну минуточку подождите, господарь, – попросил он. – Госпожа Эстерляка уже приготовила вашу эссенцию, сейчас я ее принесу.

На самом деле приготовил ее сам Кеннис, еще утром. Эстерляка уже две луны не вставала с постели и не прикасалась к своим порошкам. Всю работу за нее выполнял раб-питомец.

Но пациентам об этом не говорили. На Кенниса большинство из них смотрели благожелательно, как на смышленного зверька, но вряд ли согласились бы принять от него лечение. Это как-то дико.

Получив снадобье, Иссенк оттолкнулся от дна шестом и поплыл в сторону базара. Остров Ильтохидена – это сплошные топи, которые так любят кобрины. Города они все же обычно строят на сухих участках, но мелкие селения раскидываются прямо на воде, во всю ширь. По ним плавают на лодках или ездят на гигантских варанах.

Кроме Иссенка за снадобьями сегодня никто не явился. Засобирался дождь, небо заволокло тяжелыми тучами. Закончив дела по дому, Кеннис уселся на веранде под навесом, закинул в рот горсть засахаренных бобов и стал смотреть вдаль. Время от времени он касался воздуха и оставлял тончайшее, чуть заметное чароплетение.

Под шум дождя Кеннис задремал. Проснулся, когда солнце уже почти село. Кобрины обычно спят в полдень, когда жарче всего, и ночью, когда всего прохладней. Их время жизни – утренние и вечерние сумерки.

Странно, что хозяйка его не разбудила. Кеннис знал Эстерляку, она непременно ела после пробуждения пару сырых яиц, и если раб с ними запаздывал – визгливо верещала на все бунгало.

И в самом деле странно. Кеннис заволновался, еще раз посмотрел на солнце, и побежал к другой веранде – той, где стоял топчан госпожи.

Ему даже не понадобилось подходить вплотную. Судя по неестественной позе и выпавшему изо рта языку, старая кобринка отдала Великому Змею душу.

Кеннис замер. Внутри все похолодело.

Его забрали от родителей в пять лет, и он их практически не помнил. Госпожа Эстерляка была единственным существом, которое он мог назвать своей семьей. Она часто была с ним груба, порой и поколачивала, но в целом относилась лучше, чем могла бы кобринская чародейка к жалкому теплокровному.

А теперь ее нет. Конечно, она и без того прожила вдвое дольше, чем большинство кобринов, но он все же надеялся, что чар старухи хватит еще хоть на несколько лет.

Не хватило. И нужно позаботиться о похоронах. Нужно позвать кого-нибудь... родственников или хоть того же Иссенка. Он жрец, он осуществит ритуал погребения, принесет жертвы, позаботится об имуществе... минуточку.

А что будет с ним?

Во-первых, существует шанс, что его принесут в жертву богам ночи. Это часто делают с рабами после смерти хозяев. Но даже если нет, даже если жизнь ему сохранят... какой она будет? Большинство людей в Ильтохидене работает на плантациях. Домашних рабов держат немногие. И вряд ли новый хозяин позволит ему читать книги, изучать колдовство...

– Что будем делать, Тварька? – печально спросил он василиска, клюющего ногу хозяйки. – Да не жри ты ее! Тварька, урод, имей уважение к мертвым!

Не без труда оторвав Тварьку от трупа, Кеннис чуть истерично рассмеялся и снова задумался. Эту зверюгу точно либо принесут в жертву, либо выкинут в болото. Василиски все тупые и злобные, но Тварька – особенно выдающийся экземпляр.

Родни у Эстерляки почти не было. Друзей тоже. В былые годы к ней заходили на чай подружки-чародейки – такие же старые мегеры, как она сама. Кенниса тогда еще часто ставили на стульчик и заставляли декламировать стихи – а бабки клекотали, раздували капюшоны от смеха.

Но это было пятнадцать лет назад. За это время две наперсницы Эстерляки скончались, а одна уехала куда-то в Эхидену, высиживать дочкины яйца. Последние года три хозяйка Кенниса вековала в одиночестве.

А родня... где-то у Эстерляки есть внук. Или даже правнук – она была такой древней, что чешуйки выпцвели. Юные кобрины линяют три-четыре раза в год, взрослые – один или два раза, старики – раз в несколько лет, а совсем дряхлые вообще перестают это делать.

И Кеннис не знал, как с этим внуком или правнуком связаться. В последний раз тот навещал бабушку пару лет назад – приплыл, погостил несколько дней и уплыл восвояси. На Кенниса он смотрел, как на ходячий предмет мебели.

Немного подумав, Кеннис уволок Эстерляку на чердак. Кобрины высушивают и мумифицируют своих мертвецов, а потом погребают в стеклянных саркофагах.

Если спросят – он просто решил справиться своими силами. Он тупой раб, полуживотное. Он не знает правильных обычаев.

Кеннис все сделал как нужно. Выпрямил тело хозяйки, спрятал язык в рот, скрестил руки на груди и тщательно обмыл. Разжег огонь в жаровенке и бросил смесь душистых трав. Это прибьет запах разложения.

Пусть пока будет так. Кеннису нужно время подумать.

Когда он спустился и запер люк, Тварька жалобно заворковал, чего раньше не делал. Возможно, даже тупой василиск смекнул, что теперь только Кеннис стоит между ним и голодной смертью.

– Что, Тварька, жрать хочешь? – хмыкнул юноша. – Теперь уже не такой наглый? Ладно, на. Мы с тобой товарищи по несчастью... ай, тля, урод!..

Тварька вырвал у Кенниса крысу, едва не оттяпав при этом палец. Утащив добычу, он повернулся и бешено зыркнул на человека. Снова попытался убить взглядом.

– Не получается? – жалостливо ответил ему Кеннис. – Тварька, ты тупой. Тупой Тварька.

– Как же он ужасно обращается со своим животным, – неодобрительно произнес Дегатти.

– Сразу видно фамиллиарчика, – покачал головой Янгфанхофен. – А если бы у тебя было настолько тупое и злобное животное – как бы ты с ним обращался?

– У меня было, – сказал Дегатти. – Помнишь, я рассказывал про котенка? Когда он оклемался и подрос, то обоссал все углы и ободрал всю мебель. Я даже думал, что он болен, но он оказался просто мудилой.

На самом деле положение у Кенниса было незавидное. Он какое-то время мог делать вид, что хозяйка еще жива – она все равно давно ни с кем не общалась. Но рано или поздно кто-нибудь заметит неладное. И когда его спросят, почему он сразу не доложил о ее смерти – что он ответит?

Так что Кеннис решил попытаться бежать. Куда-нибудь подальше. На другой конец Ильтохидены или вообще на континент... хотя там тоже правят кобрины. Им принадлежит вся Сурения и все моря вокруг нее.

Так что бежать придется очень далеко. Нужны будут деньги, нужны будут припасы, нужно будет оружие... нужны будут объяснения, почему человек путешествует один, без хозяина-кобрины.

Ну или без объяснений, если будет стоящее оружие. Просто не заходить в поселения, передвигаться в полдень или глухими ночами, когда кобрины спят. Сторожевые василиски Кеннису не страшны... имеет ли смысл брать Тварьку с собой?

Если его тут бросить, он точно сдохнет. Ядовитые железы у него удалены, а убийственного взгляда кобрины не боятся. Начнет охотиться на скот и домашнюю птицу – сразу прибьют. Да и не умеет Тварька сам о себе заботиться, он домашний василиск.

И Кеннису было его немного жалко. Все-таки пятнадцать лет делили стол и кров.

К тому же при всей его бесполезности василиск есть василиск. Даже без ядовитых желез – более смертоносного зверя еще поискать. Почти что живое оружие.

Оружия, кстати, Кеннис в доме не нашел. Только столовые ножи, да большой серп для рубки тростника. Оно и понятно – к чему оружие дряхлой чародейке?

Так что он собрал только припасы и ценности.

Утащить всю библиотеку Эстерляки Кеннис не надеялся, в ней было больше сотни книг. Он отобрал лишь несколько самых важных, самых полезных. В основном про волшебство и лекарственные травы – остальное пусть пропадает.

Золота и серебра у старухи оказалось мало. По меркам чародеев она была небогата. Кеннис опустошил и без того скудную кубышку, вскрыл сундучок с древними украшениями и присвоил скальпель с перламутровой ручкой. Другие колдовские инструменты тоже забрал.

Обыскав все, Кеннис сходил на базар и вернулся нагруженный, как гигантский варан. Лавочники хорошо знали раба-питомца Эстерляки и давно не удивлялись, что тот ходит за покупками один.

Было очень необычно готовить завтрак только для себя. Очень странно не слышать постоянно окриков старухи. Не носиться сломя голову то с молоком для нее, то с яйцами, то с болеутолителем, то с книжкой почитать. Делать что захочется.

Поев и передохнув, Кеннис уже собирался уйти, но тут заглянул клиент. Случайный странник, который маялся животом. Конечно, он ожидал, что его примет сама чародейка, но Кеннис заверил его, что госпожа Эстерляка ни с кем не видится, однако сейчас же сделает ему целебную микстуру.

Смешал он ее сам, конечно. Немного зверобоя, коры крушины, чабреца и ветрогонки. Один из самых простых рецептов. Выпив заваренную в воде смесь, странник сразу почувствовал себя лучше, расплатился и отбыл.

После этого Кеннис уже спокойно мог уходить, но тут как раз стал просить еды Тварька. Потом Кеннису показалось, что с чердака пахнет разложением, и он полез проверять. Сам не заметил, как задержался там, повторяя элементарное кровное чароплетение. Почему-то казалось, что Эстерляка еще может его видеть и слышать, что она кивает одобрительно, хвалит своего теплокровного ученика.

Потом лучшее время для побега прошло, и Кеннис решил остаться уж до завтра. Тем более, что он задумался насчет гигантского варана. Лодка у Эстерляки была, но маленькая, много не нагрузишь. Даже при том, что он бросает большую часть книг... жаль, кстати. «Хроники народа Великого Змея» ему могут в дороге пригодиться, там есть сведения по географии и даже карты. Сильно устаревшие, книге больше полувека – но это все же лучше, чем ничего.

А на следующий день Кеннис решил запастись в дорогу снадобьями. Магия кобринов способна на многое, но часто ее применять нельзя, а то кровью истечешь. Может, поэтому Эстерляка и предпочитала обычные травяные настои, для которых никакие чары не нужны.

Так что он решил наварить их побольше. Тех, что могут долго храниться. Укрепляющие, придающие сил, отгоняющие сонливость... кое-каким нужно настаиваться несколько дней, но ему ведь спешить некуда. В селении никто не заметил, что живущая на отшибе чародейка скончалась.

И так Кеннис все откладывал и откладывал, находил все новые причины еще побыть в бунгало, в котором прожил пятнадцать лет... пока к веранде не подплыла лодка, с которой спрыгнул молодой рослый кобрин с огромным капюшоном.

– Бабусь!.. – весело окликнул он. – Встречай гостя!

У Кенниса оборвалось сердце. На негнущихся ногах он вышел к внуку (или правнуку?) Эстерляки, с трудом склонил голову и пролепетал:

– Госпожа почивает, молодой господин. Приняла снотворящий эликсир.

– А, ну пусть почивает, – махнул рукой кобрин. – Вещи мои в комнату отнеси. Тварька, отвали!..

Василиск радостно пытался оторвать гостю палец ноги. Тот без жалости пнул его, и злобный ящер с шипением отпрыгнул.

– Что ж она никак не утопит эту гадину? – проворчал внук, потрясая ногой.

Кеннис торопливо отнес его вещмешок в гостевую комнату. Лодку загнал под мостки и привязал. В его голове метались мысли. Он выиграл всего час-другой, внук быстро заметит неладное. Надо либо хватать в охапку все ценное и бежать куда подальше, либо... взгляд упал на крошечный пузырек с алой жидкостью.

– Не желаете теплого взвара? – поднес он внуку дымящуюся чашу. – Дожди сегодня холодные...

– Давай, – принял к чаше губами кобрин. – М-м, неплохо. Как тебя там... Кинис?.. сваргань-ка мне что пожевать. Бабка долго еще проспит? Дело у меня к ней.

– Думаю, еще пару часов, господин, – спокойно ответил Кеннис, глядя на подрагивающее горло человекоящера. – Вы пока тоже можете отдохнуть... прилечь. Сейчас приготовлю вам обед.

– Ишь ты, распоряжается тут... – хмыкнул внук. – Хотя мысль хорошая. Устал я что-то с дороги...

Капюшон стал опадать, глаза кобрины заволокло белыми пеленами. Растянувшись на топчане, он заснул – и проспит точно до самого вечера. Кеннис подлил в напиток такую дозу снотворящего, что хватило бы на виверну.

В какой-то миг у него мелькала мысль и о смертельной отраве. Но ее он отбросил. Одно дело – беглый раб, укравший хозяйские вещи; и совершенно другое – беглый раб, убивший свободного кобрина. Во втором случае искать будут гораздо усерднее, и если найдут – на пощаду можно даже не надеяться.

Так что он просто покидал вещи в лодку, которую давно приготовил. Хурджин с чистой водой, сушеную рыбу и мясо, рогозовые сухари, фляги с эликсирами, деньги и ценности, узелок с книгами, ножи и другие инструменты, самодельную пращу и, немного поколебавшись, Тварьку. Пригодится, а то в этих болотах аллигаторы встречаются.

Тварька не преминул прыснуть на хурджин с водой. Хорошо, что тот был плотно закрыт.

Шестом Кеннис работал быстро. У него есть несколько часов форы – потом хозяйский внук проснется, начнет искать его или бабушку, в конце концов заглянет на чердак... В бунгало не так уж много помещений, найти высохшую мумию будет несложно.

Поэтому весь первый день Кеннис вообще не отдыхал. К счастью, план побега он разработал уже давно, просто непростительно затянул с его выполнением. Он сразу взял курс в сторону от селений, но не слишком далеко от большой дороги. Нужно добраться до побережья, а сделать это по топям и бурьянам будет невозможно.

Увы, местность Кеннис знал плохо. Почти всю жизнь провел в этом конкретном селении... Кеннис так и не узнал его названия.

– Кеннис прожил там пятнадцать лет, но не знал названия селения?.. – приподнял бровь Дегатти. – Янгфанхофен, ты это сейчас серьезно?

– Ладно, ладно, подловил, – развел руками Янгфанхофен. – Это я названия не знаю.
– Янгфанхофен, ты что же, пытался нас обмануть? – поразился Бельзедор. – Ввести в заблуждение деталями своего рассказа? Как же не стыдно, ай-яй-яй.

Неважно, как называлось то селение. Оно больше не имеет значения, Кеннис его покинул. Безвозвратно.

Но это была единственная часть империи Великого Змея, которую он худо-бедно знал. Что за его пределами – только слышал. Ему было известно, что они с Эстерлякой жили в Ильтохедене – огромной островной провинции, сплошь покрытой мангровыми болотами. Она отделена проливом от континента Сурения, который весь принадлежит кобринам. На другом берегу большой полуостров Эхидена, и где-то там находится столица.

Какие есть на свете другие континенты и острова, Кеннис понятия не имел. Кобринов это не интересовало, так что узнать было неоткуда. Но ему вполне хватит и Сурении. Надо только найти местечко, где кобринов поменьше, а людей – побольше.

Первое время ему везло. Он двигался пустынными водами и вовремя прятался в манграх, когда замечал вдали лодку или варана. Пожертвовав толикой крови, Кеннис окутал себя отводящими взгляд чарами – очень слабыми, но все-таки рассеивающими ненужное внимание.

Ни с кем встречаться он не собирался. У кобринов нет понятия «свободный человек». Людей в их империи не меньше, чем самих кобринов, но все без исключения – рабы. Так что Кенниса обязательно спросят, почему он один, где его хозяин.

Он добрался до побережья на четвертый день пути. Вода понемногу становилась все чище и глубже, потом лодку как-то незаметно подхватило течение небольшой речки – а на закате Кеннис увидел впереди море.

Припасов у него было еще много. Он пополнил запасы пресной воды, отдал Тварьке подстреленную из пращи птицу и направил лодку на большую воду.

Кеннис быстро понял, что плавать по морю – это совсем не то же самое, что по болоту или даже реке. Шест здесь сразу стал бесполезен. Дно скрылось где-то в глубине. Пришлось доставать из нижнего отделения весла, а шест вставлять в гнездо на носу и крепить на нем парус. Попутный ветер Кеннис наколдовал сам – капли крови срывались с ранок на запястье и обращались воздушными порывами.

На карте пролив, разделяющий Сурению и Ильтохидену, казался совсем узким. Но оказалось, что карта даже отдаленно не передает реальных масштабов. Кеннис три дня плыл на запад, держал курс на заходящее солнце – и совсем выбился из сил, когда впереди наконец замаячила полоса тверди.

Тварька при виде ее радостно защелкал клювом, заметался вдоль бортика. Морские просторы его пугали.

По другую сторону пролива местность была уже не такая болотистая. Причалив, Кеннис задумался, бросить ли лодку и пуститься пешком или же поплыть севернее, поискать реку. Плыть южнее он не собирался – там точно будет много рек, но именно там начинается Эхидена, где кобрины кишмя кишат.

Во всяком случае, Кеннис так слышал.

Он все-таки поднялся севернее, добрался до реки и поплыл вверх по течению. Но река оказалась совсем короткой – уже на второй день превратилась в широкий ручей, а к началу третьего Кеннис сел на мель. Пришлось все-таки оставить лодку с частью припасов и идти пешком.

Так начались долгие и трудные странствия Кенниса. Пять лет он бродил по просторам Сурении, нигде не находя приюта. В восточных степях, с которых он начал путь, людей жило довольно много, но они говорили на непонятных языках, странно одевались и либо служили кобринам, либо платили им дань.

Кеннис среди них выглядел домашней уткой, попавшей в стаю диких. Слишком сытый, слишком ухоженный, слишком образованный. Когда люди узнавали, что он был кем-то вроде питомца, над ним издевались, называли кобринским отродьем. В одном селении забросали камнями, и они с Тварькой еле сумели спастись.

Для Тварьки Кеннис соорудил колпачок с наглазниками. Злобный василиск по-прежнему пытался убить всех, кого видел. Кеннис не раз и не два порывался его бросить, прогнать, но Тварька противно шипел и тащился следом. В каком-то смысле он привязался к человеку, и его каждый раз становилось жалко.

Чем дальше Кеннис уходил на запад, тем реже встречались кобрины. Это все еще была империя Великого Змея, но здесь господа-рептилии уже только властвовали над бесчисленными рабами-теплокровными. Люди трудились на полях, растили скот, покорно кланялись чешуйчатым хозяевам, но по факту были скорее крепостными, чем рабами.

Кеннис перевалил через древние горы Мардахай, где видел огненных великанов – муспеллов. Добрался до юго-западных берегов Сурении, где кобрины вели нескончаемую войну с народами гигантских артропод – арахнидами и апинидами. Но в конце концов дорога привела его на северо-запад, к цветущим долинам Средиземной реки. Там измотанный путник решил остаться – хотя бы на время.

Но это по-прежнему была империя Великого Змея. Здесь по-прежнему на холмах стояли замки кобринов-предстателей, что свысока смотрели на жалких теплокровных крестьян. Любой человек имел господина.

Но к людям Кеннис больше и не стремился. Его никогда не манило общество, а за пять лет скитаний он окончательно от него отвык. В этой части континента хватало дремучих лесов – в одном из них Кеннис и скрылся. Черный медведь, которого встретил Тварька, сдох от одного взгляда василиска, и Кеннис занял его берлогу.

Тридцать два дня он прожил в ней, в сотый раз перечитывая свои драгоценные книги, тренируясь в магии крови и тщетно пытаясь дрессировать Тварьку. А на тридцать третий день, отправившись к ручью, он узнал, что в этом лесу уже обитает один отшельник.

Они стояли по разные стороны журчащих струй и смотрели друг на друга. Молодой человек в грязной набедренной повязке и старый огр с кольцом в носу. Кеннис казался спокойным, но его пальцы крепко стискивали пращу, а взгляд искал в кронах Тварьку. Летал василиск плохо, но перепархивать с ветки на ветку умел и в последнее время все чаще сопровождал Кенниса так.

Огр прочистил горло. Кеннис невольно шагнул назад. Горные великаны были почти вдвое выше этого уродца, но их Кеннис видал только издали. А сейчас огру хватит четырех широких шагов, чтобы схватить Кенниса и... чем там питаются огры?

– Грыхмы-ых, – произнесло чудовище. – Ыргы хы-ыр арг-ра.

– Не понимаю, – осторожно ответил Кеннис.

– А, кобринский, – осклабился огр. – Его тут мало кто знает. Как тебя прозывают, человек?

– Кеннис. А тебя?

– Дзо. Местный людь называть меня старичина Дзо. Ты нужно зелье или ты охота?

Кеннис перевел взгляд на пращу, которую рассматривал и огр. Потом до него дошла суть вопроса, и он уточнил:

– Зелье? Ты чародей?

– Мал-мала колдовать, – обнажил кривые клыки огр. – Ты хотеть зелье? Я давать, если есть что на обмен. Какой хотеть?

– Зелья я варить и сам умею, – отказался Кеннис. – Хотя... а какие у тебя есть?

– Лисий язык. Покатушка. Очарование. Знаю-но-не-скажу. Хороший будь. Испить-чтобы-не-больно. Дурманный рай. Отгони-злой-дух. Много что есть, человечек. Старичина Дзо сам варить.

– Слушай... а ученик тебе не нужен случайно? – внезапно для себя спросил Кеннис.

– Ученик?..

– Или слуга. Мне... я...

– А. Беглый. Раб кобрина, да? – прищурившись, сказал Дзо. – Знаю такой людь. Дзо сам был раб однажды. Давно. Недолго. Ты хочешь прятаться?

– Я хочу научиться колдовать, – признался Кеннис. – Узнать о магии побольше.

– Ты взрослый, – покачал головой Дзо. – Поздно учи.

– Я уже немного умею! – поспешил Кеннис. – Вот, смотри!

Он повторил фокус с выращиванием лиан. Это у Кенниса получалось лучше всего и крови требовало довольно мало.

– О, кобринский волшба? – удивился Дзо. – Красивый цветы. Но ты еще и не огр. Магия огр не для людь. Я не учить.

– А я тоже знаю разные зелья. Кобринские.

– Хорошо. Знай.

– Учить все равно не будешь?

– Не буду.

Кеннис вздохнул. Дзо тоже вздохнул, растирая землю огромной ножищей. Нелепый, толстокожий, с огромным пузом и нависающим лбом, огр совсем не походил на чародея. Но грязный оборванец вроде Кенниса походил на него еще меньше.

– Слуга нужен, – еще раз вздохнув, сказал Дзо. – Мал-мала собирать трава. Дзо трудно, лапа большой, корявый. Спина старый, не гнется.

– Где ты живешь? – радостно спросил Кеннис. – Я тут, недалеко, у меня там книги и... и животного еще.

– Животину любить, – осклабился огр. – Вкусный. Какой животное?

– Ва... василиск.

– О, василиск?.. Не любить. Шкура твердый, мясо гадкий. Глаза больно шпарят.

– Он в колпаке! – торопливо добавил Кеннис. – Глаза завязаны, я за ним слежу! А если надо – совсем прогоню или даже... нет, только прогоню... но можно оставить?

– Иди за старичина Дзо, человечек, – вздохнул огр.

Жил он не так уж и далеко, только с другой стороны ручья. Как и Кеннис, старый огр почти каждый день ходил за водой, так что рано или поздно они бы точно встретились. Дождавшись, пока беглый раб сбегает за книгами и прочим скарбом, Дзо отвел его к своей хижине.

Та явно стояла тут уже много лет... если не веков. Кеннис немного знал про огров, но слышал, что живут они почти вчетверо дольше кобринов, а люди рядом с ними вообще однодневки. А судя по внешности и глубоким морщинам, старичине Дзо может быть уже лет пятьсот.

Сколоченная из необструганных стволов, хижина была просто огромной... для человека. Почти в два с половиной раза выше Кенниса, Дзо едва не задевал головой потолок и двигался осторожно, обходя кровать и табуреты. Кеннис же чувствовал себя так, словно попал во дворец.

Старичина Дзо выделил ему кладовку. Вытащил оттуда какую-то древнюю, заплесневелую рухлядь, долго кряхтел и перебирал эти обломки пыльных эпох, а потом с сожалением отволоч самое испорченное к мусорной куче. Остальное же затолкал под кровать, с трудом раздвинув ящички, мешки и бонбоньерки.

– Нижний полка – живи, – показал Дзо. – Верхний – клади добро.

Кеннис кивнул. Кладовка, куда сам огр не мог даже втиснуться, человеку вполне годилась вместо комнаты. Тесноватой, но все же больше каморки, в которой Кеннис жил у Эстерляки. А поскольку отделений в кладовой было два, у Кенниса получился целый дом.

В первый же день он с помощью Дзо пробил дыру в верхней полке и принялся мастерить лестницу. Доделав – обустроил на верхней полке спальню, а на нижней – мастерскую.

Огр наблюдал за этим с любопытством. Кеннис уныло подумал, что опять становится кем-то вроде питомца. К тому же в голове все еще сидели мысли о том, чем питаются огры... хотя этот вроде не людоед. Кенниса сожрать не пытался, в доме нет ничего подозрительного. Кеннис смотрел очень внимательно, готовясь задать стрекача.

Огр это явно заметил и втихомолку посмеивался.

Вместо человечины на обед у Дзо оказалась оленина. Варилась в огромном котле на медленном огне. Причем не целиком, а тщательно разделанная, приправленная какими-то травами и залитая каким-то кислым соусом. Запах шел очень приятный, и Кеннис невольно потянул носом. Он-то уже давно ел что попало и часто сыром.

Гости нормального роста у Дзо явно бывали, хотя и редко. Почесав лысую башку, он поставил к столу один из своих огромных табуретов, положил сверху пустой ящик, а на него водрузил обычный человеческий стул. Сидеть на такой высоте было боязно, зато теперь столешница оказалась точно вровень с руками Кенниса.

Накормив нового слугу, старик объяснил ему обязанности. Те сводились к уборке и сбору трав. Возможно, иногда охоте. Хождение за водой огр оставил за собой – Кеннис все равно не дотащил бы его огромные ведра. За собой он оставил и готовку, явно не доверяя кулинарным способностям человека.

Жил Дзо далеко от людей. Но через несколько дней оказалось, что он не строгий отшельник. Оставив хижину на новом слуге, огр сложил накопившиеся снадобья в большой короб и куда-то ушел. Вернулся лишь трое суток спустя, без снадобий, зато с кучей разных мелочей.

Довольно ухмыляясь, Дзо доставал из короба соль, муку, тростниковый сахар, круглые ноздреватые сыры и огромное кольцо куриной колбасы. В его лапище оно выглядело не таким уж и огромным, но пахло волшебным.

Еще из короба появилась крынка сливочного масла, переложенные соломой яйца, несколько копченых гусиных туш и целый мешок бататов. А на самом дне обнаружился сверток, который Дзо бросил Кеннису.

Одежда. Это была новая одежда. Дешевая, скверного покроя и великоватая Кеннису, но это все-таки была новая туника, чистая и не рваная. Под ней был еще и кусок льняного полотна, моток шерстяной нити и деревянные геты. Кроме того, в свертке нашлись кое-какие мелочи человеческого размера – швейная игла, ножницы, кружка, ложка с вилкой, писчее перо.

Особенно Кеннис обрадовался перу. Это означало, что Дзо все-таки решил чему-то его учить. Вряд ли ему хочется, чтобы слуга записывал за ним мудрые мысли или составлял списки продуктов.

Вилка и ножницы тоже пригодятся. А вот игла, кружка и ложка у Кенниса были свои, прихваченные еще из бунгало Эстерляки. Впрочем, запасные не помешают.

От благодарностей старичина Дзо отмахнулся. Судя по отдельным обмолвкам, в округе его хорошо знали – люди и даже кобрины. Снадобья он варил действенные, спрос на них был всегда, а брал он за них немного, и в основном еду, да кое-какие вещи. Золото огра-колдуна не интересовало.

Так и начался новый период жизни Кенниса. У нового хозяина и учителя. Дзо быстро смекнул, что маленький помощник с ловкими пальцами – штука небесполезная. Ему действительно было уже тяжело нагибаться, да и травы он своими лапищами сильно портил. Со временем Кеннису стали доверять и приготовление ингредиентов.

И только к котлу Дзо его долго не допускал – не из недоверия, а из-за размеров очага. Кеннису обязательно приходилось вставать на табурет, иначе он просто не мог заглянуть через край. А уж гигантская поварешка огра была ему вовсе неподъемной.

Уже через полгода Кеннис свободно говорил на огрском. Дзо плоховато знал кобринский, коверкал слова – зато на своем родном изъяснялся красиво и витиевато. Да и вообще оказался говорлив, любил поболтать и тоже с интересом слушал, как Кеннис читает вслух кобринские книги.

У самого Дзо книга нашлась одна-единственная. Огромный древний гримуар с пожелтевшими страницами. В нем были, наверное, тысячи рецептов зелий, описания трав и еще какой-то раздел, страницы которого давным-давно сшили нитками.

Когда хозяин отлучался, Кеннис украдкой растягивал их и пытался подглядеть, но читать по-огрски он еще толком не научился, да и увидеть так получалось немного. Вытянуть нитки не получалось, ножницы их тоже не брали.

Не страницы же рвать.

Сам Дзо отказывался говорить, что в этой части книги. Только хмурил брови и говорил, что это недобрая волшебба, знать ее не надо. От этого Кеннису становилось только любопытней, но до поры он терпел.

Его собственные знания огра не заинтересовали. Он был уже слишком стар, чтобы учиться чему-то новому. Из опять же отдельных обмолвок Кеннис вывел, что раньше Дзо много путешествовал, а родился вообще где-то далеко за океаном, но в этом лесу осел так давно, что даже кобринов тут еще не было.

– А другие огры тут были? – спросил Кеннис.

– Были и есть, – ответил Дзо. – Просто переселились поужнее, к морю. Но я слишком старый, переезжать не хочу. Здесь меня все знают, и я всех знаю. Это мой лес. Тут я живу уже четвертый век, тут и умру.

Ему действительно оказалось уже пятьсот лет. Даже пятьсот пятьдесят. Для Кенниса, которому не было еще и тридцати, это звучало невероятно.

В который раз он задумался над тем, насколько короткоживущи люди. Даже в сравнении с кобринами они сильно обделены, а уж рядом с ограми или великанами...

Змеиное дерьмо, да его и Тварька переживет! Кеннис не был уверен, сколько лет тупому василиску, но знал, что живут они страшно долго.

Хотя... Кеннис обернулся к Тварьке, сосредоточенно расклевывавшему собственный помет. Этот конкретный василиск может его и не пережить.

Вообще-то, даже удивительно, что он все еще жив.

– Тварька, это твое дерьмо, – без особой надежды сказал Кеннис. – Не ешь его.

Тварька услышал голос хозяина и пошел на него, тихо и нежно клекоча... а потом со всей дури шарахнул клювом в ногу! Кеннис взвыл от боли, пнул василиска и пошел накладывать повязку.

А старичина Дзо смотрел на это и чуть слышно рокотал от смеха.

Постепенно Кеннис начал по крупницам узнавать колдовство огров. Дзо его толком не учил, но все-таки ронял отдельные слова, показывал какие-то мелочи – а пыливый ум человека все запоминал.

Это оказалось совсем не то же, что волшебба кобринов. Здесь не требовались жертвы, не требовалось платить собственной праной. Вместо этого огры обращались за помощью к потаенным, глубинным сущностям. Тем, кто живет за незримой завесой.

– Всего полторы тысячи лет назад они правили этим миром, – рассказывал Дзо. – Мир был тогда совсем другим. Я ту эпоху не застал, но мой прапрадед видел ее самый конец, когда был ребенком. Он рассказал об этом своему внуку, моему деду – а тот рассказал мне.

– Что же это за сущности такие? – жадно спрашивал Кеннис.

– Не надо тебе об этом знать, – покачал головой огр. – Никому не надо об этом знать.

Кеннис закатил глаза. Он терпеть не мог эту черту старичины Дзо. Возбуждать любопытство, но не давать ответов. Заканчивать разговор как раз когда становится действительно интересно.

Но потихоньку Кеннис все-таки собирал знания. Дзо иногда шептал что-то в сложенные ладони, и оттуда рассыпались будто искры. Из них слышалось лепетание, звонкий смех, а Кеннис, глядя исподволь, замечал призрачные очертания.

Кем бы ни были эти духи, они не делали для Дзо ничего материального, зато делились сведениями. Благодаря им старик всегда точно знал, какие и где нужны снадобья. Один раз он так послушал своих искорок и сразу засел варить отвар из листьев малины, а закончив – быстро куда-то ушел.

Иногда случалось и наоборот. Однажды Дзо, послушав духов, вытолкал Кенниса и Тварьку из хижины, приказав погулять где-нибудь до вечера, а лучше – до завтра. Собирать травы, выгуливать василиска... что сам захочешь. Кеннис, разумеется, решил подсмотреть, но те же самые щебечущие духи доложили Дзо и об этом. Тот резко распахнул окно как раз когда под ним сидел слуга и очень злым голосом сказал, что если уж в такой малости нельзя на Кенниса положиться, то не лучше ли им совсем расстаться?

Так Кеннис и не узнал, кто там приходил к старому огру. Но кто-то точно приходил – когда он вернулся, то почувствовал чужой запах. Кеннис даже рискнул выпустить несколько капель крови, погадать по этому запаху... но прочесть сумел немного.

Обращаться к другой стороне Дзо научил Кенниса только на четвертый год. Очень неохотно и совсем чуть-чуть. Огр недовольно морщился, когда видел, как Кеннис призывает своего первого духа, жертвуя каплю крови. Кобринское и огрское колдовство как-то очень гармонично сочетались... пусть дух и явился какой-то буйный, громкий.

В первый раз часто выходит не то, что задумано.

– Плохая идея, – покачал головой Дзо. – Кровь не привлекает добрых духов. Добрым нужны хлеб, вино, молоко. То же самое, что нужно нам самим. Духи любят, когда делятся трапезой. А злые духи видят трапезу в тебе самом!

В тот день уроков больше не было. И вообще Дзо остался расстроен. Духа-то он прогнал, но долго потом ходил по лесной поляне, собирал птичьи трупки. Вопль нечисти, что явилась отведать крови Кенниса, убил дюжины две пернатых.

После этого Дзо целый год учил Кенниса только новым снадобьям. Микстурам от боли в животе, мази от лишая, средствам от скотских хворей. Хотя как учил... Кеннис все эти снадобья умел варить давным-давно. Некоторые – еще до встречи со старичиной Дзо.

На шестой год Дзо все-таки снова вернулся к урокам огрского колдовства. Он показал Кеннису свой главный секрет – скрытый в стенной нише меч. Тонкий и очень изящный клинок, который в руке огра казался стилетом.

– Это Похититель Душ, – сказал Дзо. – Меч одного из тех, кто когда-то правил этим миром. Он пролил немало крови, и в нем все еще дремлет злая сила.

– Можно?.. – невольно потянулся к оружию Кеннис.

– Нет, – отдернул его огр. – Он хранится тут с тех пор, как стоит эта хижина. И будет храниться дальше. Не трогай его никогда.

Опять старик сделал то, что так раздражало в нем Кенниса. Дал попробовать крохотный кусочек и тут же отнял остальное блюдо. Зачем он вообще показал этот меч, на кой обнаружил перед Кеннисом тайную нишу?! Пусть бы и дальше лежал там, если его все равно нельзя даже коснуться!

После этого Кеннис все чаще стал задерживаться в лесу дольше необходимого. Он по-прежнему собирал для старика травы, но теперь еще и пытался совершать те ритуалы, что

успел подсмотреть. Экспериментировал. Упрямо искал способ соединить колдовство огров и кобринов.

Потому что к молоку и хлебу духи либо не являлись, либо приходила такая мелочь, ради которой не стоило и возиться. Зато на кровь... о, на кровь сразу что-то прилетало. Кеннис теперь был осторожней, цедил прану по капле и сразу прекращал ритуал, если чувал нечистое. И иногда... иногда ему удавалось поговорить с тем, что являлось.

Ему было страшно интересно. С той стороны его все сильнее манило что-то неописуемое, недостижимое, но бесконечно прекрасное. Он жаждал это узреть – и ответы были там, в книге старого колдуна.

Кеннис уже почти решился поставить вопрос ребром, потребовать от учителя чего-то осязаемого – но как раз тут он встретил девушку. Вышел во время поисков трав к поляне – и увидел пастушку, ищущую убежавшего ягненка.

Она была не особенно хороша собой. Коренастая, рябая, с близко посаженными глазами. Но это была девушка – а Кеннис уже шесть лет не видел девушек.

Да и вообще людей, если на то пошло.

Он и раньше редко их видел. Сначала жил на положении почти что питомца, потом был изгоем, скитался вдали от всех. Но все-таки и в том, и в другом периоде Кеннису иногда доводилось видеть женщин – и каждый раз при их виде сердце билось чуть сильнее.

Он не совсем понимал, что его в них притягивает. У кобринов это совсем иначе, они холодные и откладывают яйца. К тому же еще когда он был мальчиком, Эстерляка что-то с ним сделала... Кеннис не был уверен, что именно. Она не учила его этому ритуалу и отказывалась о нем говорить.

Но с тех самых пор у него не возникало нормальных для мужчины желаний. При виде девушек Кеннис ощущал что-то смутное, непонятное... но не более того. Как нежное чувство, которое возникает, когда берешь в руку птенца. Он теплый, мягкий, у него быстро-быстро бьется сердце, и его приятно гладить... но потом ты его просто отпускаешь и идешь дальше. Не хочешь оставить его себе навсегда.

Разумеется, Кеннис знал, как это должно быть. Ему все-таки перевалило уже за тридцать, он видел деревенских с их жизнью и обычаями. Знал, откуда берутся дети.

Но от отсутствия их у себя не страдал.

И все же чего-то ему не доставало. Возможно, чары Эстерляки со временем стали выветриваться, но сейчас он смотрел из-за кустов на эту пастушку – и ощущал странное желание. Что-то вроде пульсации внизу живота. Ему хотелось подойти к девушке, заговорить с ней, коснуться...

И тут голень пронзило острой болью. Тварька в очередной раз попытался расклевать Кеннису ногу до кости.

– Какая же ты злобная тупая тварь, – вздохнул он, поднимая рептилию за гребень. – Кабы суп из василиска не был как помой... жил хозяин б без тебя счастлив и спокоен...

Тварьке стишок не понравился. Он гнусно заверещал и попытался сорвать колпачок лапой. Конечно, у него ничего не вышло – Кеннис крепил эту штуку надежно. Без нее вокруг Тварьки падали бы мертвыми все птицы, белки и обезьяны.

Так что василиск просто снова клюнул Кенниса, обдал тугой горячей струей и с воплями пустился бежать.

– Тварька, прости! – крикнул ему вслед Кеннис. – Прости, что молча не сносил все это! Надеюсь, ты будешь счастлив и свободен, пока не сдохнешь с голоду!

Тварька вернулся.

– Возможно, Кеннис был первым в мире фамиллиарщиком, – задумчиво произнес Бельзедор. – Вы только посмотрите, какая у него образовалась связь с Тварькой.

– *Василиски – полуразумные существа, – покачал головой Дегатти. – Они гораздо умнее собак и дельфинов и совсем немного не дотягивают до единорогов. Конечно, он все понимал.*

– *Мне сложно в это поверить. У меня есть василиски. Они все примерно такие же, как этот Тварька.*

– *Животным нужна любовь и правильное воспитание, – наставительно произнес Дегатти. – А я представляю, как их воспитывают у вас, в Империи Зла.*

Из-за всех этих криков пастушка заметила за кустами Кенниса и очень испугалась. Но она не сразу убежала. Сначала робко окликнула незнакомца, а когда тот выпрямился... тоже не убежала. Кеннис ведь не был каким-то жутким оборванцем, совсем не походил на разбойника или бродягу. Он был чисто одет, аккуратно подстрижен, да и рожей обладал смазливой.

Эстерляка в свое время не взяла в дом кого попало, а выбрала самого симпатичного детеныша. У кобринов совсем другие представления о красоте, но они тоже ценят правильные черты лица, идеальные пропорции тела... в общем, Кеннис был очень хорош собой.

Но когда пастушка увидела орущего во всю глотку василиска... в северо-западных провинциях империи Великого Змея эти чудовища встречались редко, но встречались. И все прекрасно знали, что при виде их нужно сразу отвернуться и бежать сломя голову. Встретившись с василиском взглядом, умрешь почти наверняка, причем расстояние их злой силе не помеха.

– Тварька, из-за тебя я никогда не женюсь, – беззлобно сказал Кеннис. – И тунику теперь стирать. О, грибочек!

Кровавик бахромчатый. Один из самых ядовитых грибов в этих краях. Однако если его выварить, истолочь и смешать с порошком имбиря – получится средство для мужской силы. А если добавить еще и белый уголь – будет средство от поноса.

Секреты природы занимали Кенниса сильнее секретов девушек, поэтому он быстро забыл о пастушке, которая так и не нашла в тот день своего ягненка. Набрав полный туес трав и грибов, ученик колдуна вернулся в хижину, которая в тот день пустовала. Старичина Дзо в очередной раз отправился обходить окрестные села.

В последнее время ему давалось это все труднее. Огр ощутимо сдавал. Как и Эстерляка до него, он поддерживал жизнь чарами, но, как и у Эстерляки, они постепенно переставали действовать.

Природу невозможно обманывать слишком долго. Кеннис знал заклинание для превращения в летучую мышь, он мог обернуться ей в любой момент... но всего на несколько минут. В подсознании по-прежнему оставалось твердое знание: я не мышь, я человек. И как только это знание перебарывало заклинание... пуф-ф!.. снова человек.

Магия ведь по своей сути – обман. Иллюзия. Попытки сломать естественный порядок вещей. Но чем сильнее ты его ломаешь, чем глубже вмешиваешься, тем больше магии для этого нужно. Сколько бы ни чародействовала старуха-кобринка, сколько бы ни колдовал старичина Дзо, они не могли избавиться от знания того, сколько им лет на самом деле.

И это знание разрушало чары.

Кенниса это с каждым годом волновало все сильнее. У него нет впереди пяти веков, как у огров. Нет и хотя бы полутора веков, как у кобринов. Нет, ему осталось коптить небо жалкие несколько десятилетий. Он всего лишь человек.

И вернувшись домой, Кеннис осторожно приоткрыл нишу, что показал на днях Дзо. Похититель Душ. От него веяло могильным хладом, но Кеннис не боялся смерти. В каком-то смысле она его даже притягивала... так притягивает самый страшный страх, от которого все же не можешь оторвать взгляда.

Он взялся за рукоять – и с ним будто кто-то заговорил. В голове зазвучал злобный шепот.

Кеннис вздрогнул. Ему не понравилось услышанное. Это было похоже на шепотки тех духов, что так охотно слетались на кровь. Липкое бормотание, обещание всех возможных благ... но у них плохо получалось скрывать свои истинные мотивы. За сладкими речами проступал голод.

Такие вещи Кеннис всегда хорошо чувствовал.

В тот день он положил Похититель Душ на место и закрыл нишу. Запоздало к Кеннису пришла мысль, что Дзо мог наложить на тайник какие-то чары, и теперь он вернется, все узнает и выкинет ученика из дома. До возвращения учителя Кеннис был как на иголках, не находил себе места.

Но Дзо, похоже, ничего не узнал. Во всяком случае, ничем не показал этого. Более того – спустя несколько дней он научил Кенниса воплощать призываемых духов.

Пока дух – обычный дух, он мало что может для тебя сделать. Только что-то подсказать, ободрить, напугать... пугать, конечно, он будет уже не тебя, а кого-то другого. Чтобы духу сделать нечто большее или хотя бы стать зримым, ему нужно облечься в плоть. Хотя бы отчасти.

Кеннис тут же предложил использовать магию крови. Змеиное колдовство. В его голове уже выстроилась схема: несколько капель крови – толика праны – недолговечное, но действенное подобие тела.

Но Дзо это предложение отверг с гневом. Вместо этого он выучил Кенниса лепить для духов искусственные вместилища. Из травы и веток, из земли и воды. На его глазах оживил крохотную фигурку и заставил плясать на столе.

Это по-прежнему было не то, к чему Кеннис стремился, но это было уже что-то. И следующие четыре года он терпеливо постигал тайны колдовства огров... пока Дзо не объявил, что научил человека всему, что знал сам.

После этого Кеннис надолго впал в задумчивость. День за днем он продолжал собирать травы и помогать по хозяйству дряхлеющему огру, а про себя размышлял, что делать дальше. Он не знал точно, в какую луну родился, но полагал, что в сезон летних дождей. И тот уже скоро наступит – весенняя сушь заканчивается. Значит, Кеннису без малого тридцать семь лет.

Тридцать семь лет. Половина жизни для обычного человека. А Кеннис все еще ничего не добился. Питомец кобринской чародейки, нищий бродяга, слуга огра-отшельника... что за никчемное он ведет существование?

И что ожидает его впереди?

Конечно, он может остаться здесь. Старичина Дзо не прогонит. Можно хоть до седых волос быть его слугой... хотя по сути рабом. Он ведь не платит Кеннису за работу, а только кормит.

Хотя с другой стороны – раб не может уйти. А Кеннис может. В любой момент. Значит, он не раб.

Кто же тогда – опять питомец? Как у Эстерляки? Или что-то вроде члена семьи, только неравноправного? Как бы приемный сын? Но Кеннис сомневался, что Дзо так его воспринимает.

А если уйти из лесу, то опять придется скитаться. Внешний мир – это по-прежнему империя Великого Змея, где есть только господа и рабы, причем все господа покрыты зеленой чешуей. Старичина Дзо как-то выпал из этой системы, но он колдун-отшельник, да еще и огр. Местный кобрин-предстатель просто закрывает на него глаза.

Колдуном Кеннис теперь и сам быть может. И очень недурным. Он уже сейчас умеет больше, чем старичина Дзо... если не учитывать тайные знания, которыми огр упорно отказывается делиться.

Вообще-то подло с его стороны. Кеннис служил ему почти одиннадцать лет. Ни разу ни в чем не позволил себя упрекнуть. Дзо прекрасно знал, чего Кеннис хочет, ради чего выполняет

все его приказы, но ведь нет. Он поделился с учеником только крохами. Никчемной ерундой, бесполезным мусором.

Итак, в какой же момент Кеннис пришел к решению украсть у огра заветный клинок? Сложно сказать. Пожалуй, это желание созревало в нем несколько лет. Год за годом зрела обида на старика, что отказывался учить своим тайным знаниям, но при этом постоянно на них намекал.

К тому же Похититель Душ у Дзо все равно лежит без пользы. Да и мал он слишком для лапищи огра. Кеннису вот как раз по росту, отличный двуручный меч... хотя рукоять скорее от одноручного.

Так или иначе, будет только справедливо, если клинок перейдет к тому, кто будет им пользоваться.

И когда эта мысль окончательно сформировалась, Кеннис дождался, когда Дзо в очередной раз уйдет, неторопливо собрал вещи, переоделся во все чистое и открыл секретную нишу. Нож у клинка не было, но Кеннис уже смастерил себе спинную перевязь.

– Пошли, Тварька, – сказал он, устраивая меч поудобнее. – Пойдем куда-нибудь... хм, погоди-ка.

Его взгляд упал на книгу. Единственную книгу старого огра, в которую тот записывал все свои рецепты. Кеннис так и не добрался до тех страниц, что сшиты ниткой, которую не берут ножницы. За минувшие годы он еще несколько раз подступался к этому разделу, пробовал и так, и эдак, но ничего не выходило.

Теперь он решил попытаться в последний раз. Вытащил из-за спины клинок, стараясь не обращать внимания на шепот в голове, провел лезвием по нити... и та лопнула!.. Чары Похитителя Душ оказались сильнее!

Кенниса обуяла жадность. Он слишком долго облизывался на эти страницы, как геккон на муху. И теперь он торопливо раскрыл огромную книгу и стал листать грубый толстый пергамент. Сидя на своем высоком стуле, Кеннис вчитывался в рукописный текст и пытался понять его смысл... тот пока что ускользал.

Он так зачитался, что не расслышал бухающих шагов. Старичина Дзо ходил медленно и тяжело, так что обычно Кеннис узнавал о его приближении загодя.

Но сегодня он спохватился лишь когда заскрипела дверь. Отпрянул от книги... но было слишком поздно. Огр уставился на своего слугу, изумленно распахнул рот...

«Он убьет тебя!» – прозвучал в голове бесплотный голос. – *«Бей первым!»*

Кеннис чиркнул ногтем большого пальца по подушечке указательного. Взмахнул рукой – и капли крови обернулись шквалом чистой смерти. Поток гасящего жизнь света.

Старичина Дзо его такому не учил. Это Кеннис подцепил у Эстерляки. Магия крови – это магия праны. Свою прану легко использовать, чтобы выжигать ее в других. За последние годы Кеннис отточил это искусство и давно перестал брать в лес прашу.

Но одного заклинания на огра не хватило. Тот лишь пошатнулся, изо рта старика брызнула кровь... но он был еще жив! Его губы изогнулись... сейчас изречет заклятие!..

Меч дернул Кенниса вперед. Он не заметил, как спрыгнул со стула, как метнулся к огру... как вонзил клинок в отвисший живот. В руках что-то полыхнуло, Похититель Душ будто издал сытое урчание – а старичина Дзо повалился мертвым.

– Змеиное дерьмо... – растерянно молвил Кеннис, отпуская рукоять.

Он вдруг понял, что старый огр не нападал, а просто хотел что-то сказать.

– Тварька, не жри его, – упавшим голосом велел он, оттаскивая василиска.

Кеннис закрыл глаза и прислушался. Попытался воззвать к духу погибшего учителя. Хотел даже оросить его тело кровью, принести погребальную жертву, но одумался. Старичина Дзо такого не любил.

– Я не хотел, – на всякий случай сказал Кеннис. – Я случайно.

И пошел в чулан за лопатой. Яму предстояло копать здоровенную...

Конечно, куда он после этого не ушел. Зачем? Тут у него уже было все, что нужно для жизни. Если кто-то из местных селян придет и станет спрашивать, куда делся огр-колдун, Кеннис просто скажет, что скончался. Дзо был глубоким стариком, так что в естественности смерти вряд ли кто-то усомнится.

Но никто не приходил. День шел за днем, а Кенниса никто не беспокоил. Припасов в погребе и сухой кладовке было еще много, а дичи и грибов хватало в лесу. Окончательно превратившись в отшельника, Кеннис старательно расшифровывал записи покойного чародея.

Правда, он уже не надеялся найти в них то, чего больше всего желал. Дзо старел, Дзо умер. Дзо явно не был бессмертным.

А Кеннису все сильнее хотелось жить вечно.

Год минул, за ним второй и третий. Четвертый сменился пятым, а там наступил и шестой. И на его исходе Кеннис, которому стукнуло уже сорок три, наконец-то нашел то, что искал.

Тайные записи Дзо были полностью посвящены общению с духами. Той их части, что не только общение, но нечто большее. Там говорилось, как впускать духов в собственное тело, как силой заставлять их себе служить. Рассказывалось о существах, что суть темные духи, постоянно облаченные в плоть.

О демонах.

Опасное знание, темное. Кеннис давно это понял. Но он столько лет угробил, его добиваясь, что не мог пойти на попятную.

Какие у него альтернативы? До конца жизни влачить жалкое существование в лесной хижине? Кеннису обрыдло быть в этом мире никем, стелиться ниже мха.

К тому же за неимением других собеседников он все эти годы разговаривал с мечом. Честно говоря, Похититель Душ был немногим умнее Тварьки, и слышны были его речи лишь когда Кеннис брался за рукоять... зато он многое повидал. Сотни битв жили в памяти этого клинка, и он видел Камень, когда на нем еще не было людей.

Правда, Похититель Душ называл его не Камнем, а Житницей. И Кеннису не очень нравилось это слово.

Была полночь, когда он начал ритуал, к которому шел всю жизнь. Была полночь, когда он встал под главным стволом древнего баньяна, очертил на земле круг и оросил его кровью.

– Кровь испитая тобой – моя, – звенели во тьме слова. – Отведав ее – обрекаешь себя на обещание. Я говорю, что отдам остаток лет своих, если получу за то жизнь иную, жизнь высшую. Взойду на высоты облачные, богам уподоблюсь. Спущусь во Шиасса недра, мертвым в глаза загляну. Как впитывает земля мою кровь, так впитаешь ты мою волю и подчинишься ей, и дашь мне то, что я желаю.

Воздух затрещал. Уши Кенниса заложило, его словно обволокло незримой подушкой. В глазах зарябило, показалось, что за стволами баньяна кто-то появился... но нет, то лишь тени в лунном свете... но кто их отбрасывает?!

Собравши всю волю в кулак, он поднял руку – и плеснул снова кровью наземь, а другой частью вымазал собственную переносицу.

– Персты окровавленные сим прилагаю, – дрогнувшим голосом продолжил он чтение. – Оскверню землю кровью, если будет воля твоя на то. Да переполнится эта земля кровью, и да не будет на ней места богам и духам, но только мне, одному мне. Будет эта кровь знаком для тебя, и станет она символом союза, который заключим мы. Напейся моей крови и сделай меня подобным себе!

Раздался звонкий смех. Кеннис вздрогнул, резко повернулся – нет, рядом никого не было. Но он ясно слышал... и тени стали гуще...

А потом зашевелились стволы. Ползучие лианы стали изгибаться, будто змеи. Над лесом поднялись испуганные птицы, из всех щелей полезли насекомые, а под ногами закопошились черви. Кеннису становилось все страшнее, но он продолжал оставаться в ограждающем круге.

– ...дурак... – донеслось откуда-то приглушенное. – ...убийца и дурак...

– ...не знает, что делает...

Земля и небо как будто вздрогнули. Кеннис почувствовал на себе взгляд – тяжелый, гнетущий взгляд. Будто весь мир воплотился в одном гигантском глазе – и этот глаз уставился на него, Кенниса.

Туман становился плотнее. Луна скрылась. Откуда-то донесся звон бокалов и тарелок, душераздирающий хохот и визг. Словно толпа злых духов пировала и потешалась над Кеннисом. А над всем этим возвышался кто-то огромный и жуткий, с пылающими очами. Он поднял окровавленный тесак, и Кеннис вскрикнул... но тень уже сгинула.

И вот тогда из мрака и дыма выступила она. Гибкий силуэт. Прекрасная обнаженная женщина в окружении других таких же, угодливо изгибающихся. Они сразу принялись рвать цветы и траву, плести венки, украшать себя и свою госпожу.

– Посмотрите, посмотрите, какой красавчик! – похотливо хихикнула одна.

– Красавчик, выйди из круга! – добавила другая.

– Идем к нам, идем!

Их владычица с интересом глядела на сжавшегося Кенниса. Ее язык на миг высунулся из рта и облизнул нижнюю губу. Глаза загорелись, как у хищного зверя.

– Лесной воздух Житницы опьяняет, – простонала она, томно потягиваясь. – Хотя и не так, как твоя жертва, как твоя кровь... Но выйди же из круга. Ты позвал меня на свидание, но отчего-то жмешься в нерешительности.

– Выйди, выйди! – верещали другие демоницы.

Одна бросила точно на голову Кенниса венок – и вот он преодолел черту легко. Цветы обернулись гадюками, и Кеннис закричал, отбросил их прочь... едва не выпав из круга.

Демоницы метнулись вперед, зашипели. Их клыки на глазах удлиннились, когти вытянулись...

– Адья, Лизия!.. – гневно окрикнула их госпожа. – Куда?!

Демоницы отшатнулись, снова льстиво заулыбались. А их владычица подошла к дереву, встала у самой черты и провела ногтем по воздуху. В нем осталась светящаяся линия.

– Так зачем же ты позвал меня? – спокойно спросила она. – Ты сам произнес заклинание. Я здесь. Чего ты желаешь?

Кеннис не смел раскрыть рта. Честно говоря, он понятия не имел, кто к нему явится. Ритуал, что он разработал, объединив колдовство огров и кобринов, взывал не к кому-то конкретному, а просто к кому-нибудь могущественному, способному дать все, что пожелаешь.

– Кто ты? – наконец хрипло спросил он.

– Кто я? – улыбнулась обнаженная красавица. – Об этом пусть лучше говорит молва.

– Владычица Пороков! – подползла ближе одна из демониц. – Прекраснейшая из прекрасных!

– Совершенная! – вторила ей другая демоница. – Несравненная! Царица суккубов и всех прочих детей ночи!

– А как твое имя? – сглотнул Кеннис, прижимаясь спиной к стволу.

– Сам назови имя! – подалась вперед одна из фрейлин Владычицы Пороков. – Ты сам нас позвал!

– Правила вежливости! В Житнице о них уже позабыли?

Но Кеннис не мог назвать имени. Он его не знал. Он вообще удивился тому, в каком виде воплотились его чаяния.

– Он не знает, – шепнула госпоже одна из демониц. – Он растерян.

– Я вижу, – снисходительно кивнула та. – Самоучка. Неограниченный алмаз. Творец, сумевший воззвать к прекрасному в порыве вдохновения. Так чего же ты желаешь от Совиты, смертный?

– А, так это Совита, – кивнул Бельзедор. – Я так и подумал, но не был уверен до конца. А почему явилась именно она, если имя не называлось?

– Призыв был неконкретный, – пожал плечами Янгфанхофен. – Он просто искал любого демолорда, согласного откликнуться. А мы там как раз играли в омбредан – Кхатарканданн, Бекуюн, Совита и я. Из нас четверых интерес проявила только Совита.

– То есть вместо Владычицы Пороков к Кеннису мог явиться Паргоронский Корчмарь? – удивился Бельзедор.

– Вся история вашего мира сложилась бы иначе, скажи? – ухмыльнулся Янгфанхофен.

– М-м-м... вечной жизни!.. – выпалил Кеннис. – Могущества!.. Власти над людьми!..

– Как и все, – с легким разочарованием произнесла Совита. – А ты всегда так сильно трясешься, или это я тебя напугала? Не бойся. Выйди из круга – и получишь желаемое.

– Он похож на маленькую собачонку! – хихикнула одна из демонниц.

– Ага, маленькую злую собачонку! – рассмеялась другая. – Власти!.. Могущества!.. Мозговую косточку!..

Совита залилась смехом, но тут же взмахнула рукой – и демонницы резко замолчали.

– Не слушай их, мой суженый, – сказала она Кеннису. – Женщины всегда женщины, даже если демоны. Но ты-то не такой, верно? Ты мужчина, у которого есть цель. Мне нравятся такие. И раз ты сумел призвать Владычицу Пороков – ты уже очень могущественен. Я помогу тебе добиться еще большего. Ну же... иди ко мне. Иди к своей Темной Невесте. Не бойся.

Ее голос... завлекал. Обволакивал. Отдавался эхом внутри черепа.

То была не магия – Кеннис бы ее почувствовал. Совита просто была столь прекрасна, столь восхитительна... ее нестерпимо хотелось коснуться. Кожа демонницы будто пылала – но это был тот жар, что вызывает ответное чувство.

И Кеннис почувствовал, как распялется. Фрейлины Совиты извивались вокруг госпожи, покрывали алебастровую кожу поцелуями, ласкали пальцами и языками лоно... они парили в воздухе, словно законы природы вовсе на них не действовали. Ублажая владычицу, демонницы распалились сами и теперь зазывали смертного.

– Идем к нам, Кеннис! – томно звали они. – Идем к нам!

– Мы научим летать и тебя! – жарко обещали они. – Ты будешь ходить по воздуху, как по земле!

Он не помнил, чтобы называл свое имя. Но сейчас его это не волновало. Слишком небывалое зрелище открывалось взору неискушенного мужчины.

– Скорее, Кеннис! – молили его демонницы, облизывая губы, уши и брови. – Мы изнемогаем! Только ты можешь унять наш жар! Выйди из круга!

– В этой жизни иногда нужно идти на риск, чтобы получить желаемое, – сказала Совита, раскинувшись в завлекательной позе. – Я понимаю, что ты боишься и не доверяешь нам. Но не бойся. Обещаю – ты не раскаешься. Мы все сейчас хотим одного и того же... ты ведь хочешь того же, чего и мы?

И да, Кеннис именно этого и хотел. В конце концов – ради чего он все это затеял, ради чего осуществил ритуал? Ему пришлось пролить немало крови, чтобы увидеть ту, кого он сейчас видит.

– Ты уже заплатил свою цену, – уверила его Совита. – Мне вполне достаточно того, что я уже получила. Теперь будет только справедливо, если ты получишь вознаграждение. Ты при-

звал Владычицу Пороков – и я исполню три самых заветных твоих желания. Произнеси их – и иди ко мне.

– Вечной жизни! – повторил Кеннис, переступая черту. – Волшебства, какого больше нет ни у кого! И... и абсолютной власти над своим родом!

– Только лишь над своим, – хихикнула одна из демониц, тут же обвиваясь вокруг Кенниса. – А ты не чужд скромности.

– Он алчет всего того же, что и другие, – фыркнула другая. – У смертных никакой фантазии.

– Но это лишь подчеркивает его умеренность в желаниях, – добавила третья. – Их ведь нетрудно будет исполнить, Владычица?

– Нетрудно, – коснулась лица Кенниса Совита. – И меня это развлечет. Люблю делать... новое.

Она раскрыла рот... и Кенниса будто повлекло к ней ураганом. Он и опомниться не успел, как оказался в объятиях Владычицы Пороков. Та привлекла его к себе, впилась в губы сочным поцелуем... вокруг хохотали другие демоницы.

– Ты нравишься мне, смертный, – произнесла Совита, прижимаясь к Кеннису всем телом. – Я исполню твои желания. Все, что ты назвал... и еще одно, невысказанное.

И уж она его исполнила! Подробности излишни, все мы и так понимаем, что произошло той ночью. Это был первый раз в жизни Кенниса – и этот первый раз был с Владычицей Пороков.

Но он стал и последним. Излившись в Совиту, Кеннис вызвал у нее дикий стон... а потом она впилась зубами в его горло. Тело пронзило болью, на землю хлынула кровь... та текла бурным потоком, но он быстро начал слабеть.

И вместе с кровью из тела словно вытекало что-то еще. Что-то очень важное. Не прана, не жизненная энергия... нечто большее.

Кеннис попытался воспротивиться. Попытался бороться. Но Совита держала его мертвой хваткой – и ее нежные пальчики сжимали крепче стальных тисков.

– Ты тоже... кое-что... получишь... мой суженый!.. – простонала Совита, отрываясь от страшной трапезы. – Но только... одну... каплю!

Она куснула за палец саму себя – и капля крови демона упала на язык Кенниса. Уже умирающий, на последнем вздохе он услышал громкий хохот Совиты и ее последние слова:

– Надеюсь, тебе понравится исполнение твоих желаний!

Когда над лесом поднялось солнце, оно осветило следы ночной оргии. Трава была залита кровью, баньян словно разметало ураганом, меч Похититель Душ бесследно исчез, а на грязной земле лежал бледный труп в изодранной одежде. Кеннис был мертвее мертвого... но почему-то мог это осознавать.

Сердце не билось. Дыхания не было. Тело не слушалось. Не получалось шевельнуть даже пальцем. Кеннис не ощущал рук и ног. Он вообще ничего не ощущал.

Хотя нет. Он ощущал зуд на коже. День сегодня небывало жаркий. Кеннис родился, вырос и прожил всю жизнь в Сурении, он привык к зною... но сегодня что-то уж особенно сильно печет. И глаза режет.

Он бы давно встал и укрылся в тени, если б не был мертв. Кеннис почему-то ясно понимал – он умер, он холодный труп. То, что мысли по-прежнему роятся в голове – это какое-то недоразумение. Или козни Совиты... ох, не стоило ее призывать. С каким-то ледяным равнодушием Кеннис перебирал свои жизненные ошибки и отчетливо видел, что наделал их немало. Призыв Совиты – всего лишь последняя из них.

Интересно, как долго он здесь пролежит? Пока не сгниет? Пока его не найдут лесные падальщики? Или первым все-таки окажется случайный путник?

Нет, это вряд ли. Кеннис выбрал для ритуала самую глухую чашобу. Сюда никто никогда не забредает.

Солнце село и снова поднялось. И снова. И снова. Кеннис лежал все на том же месте. Его тело не разлагалось, и падальщики тоже его почему-то не трогали. Даже могильные черви.

Закончилась осенняя сушь и начался сезон зимних дождей. Кенниса все сильнее покрывала листва. На оскверненной кровью почве проросла новая трава и поднялись ростки молодых деревьев. Старый баньян не оправился, но его место заняли другие.

А Кеннис все лежал. Он не очень-то замечал, как бежит время. Осознавал, что минул целый год, но ему почему-то было все равно.

Единственной мыслью, что иногда все же беспокоила, была мысль о Тварьке. Интересно, какой смертью сдох этот тупой василиск? В том, что без хозяина он сдох очень быстро, Кеннис не сомневался.

– А Тварька правда сдох? – огорчился Бельзедор. – Жаль, я к нему уже привык.

– А судьба Кенниса тебя вообще не волнует? – упрекнул Янгфанхофен. – Слушай дальше.

О том, что Тварька жив и нашел хозяина, Кеннис узнал, когда ему на грудь шлепнулась птица. Следом с довольным клекотом запрыгнул василиск и принялся рвать еще теплую тушку.

Кеннис почувствовал кровь. Его ноздри раздулись... раздулись?.. Он год лежал, отличаясь от обычного трупа только присутствием сознания, но теперь его оросила кровь... и в этом трупе что-то пробудилось. Пальцы шевельнулись, глаза повернулись в орбитах. Очень медленно, даже с каким-то скрипом Кеннис уселся – и Тварька гневно закричал.

Губы Кенниса медленно разомкнулись. Он попытался что-нибудь сказать, но из глотки вырвался только свист. Оказалось, что речь без дыхания – это очень сложно.

А от изорванной Тварькой птицы шел удивительно сладкий, манящий запах. Кеннис сам не понял, в какой момент схватил ее, поднес ко рту и втянул кровь... прану. Он выпил кровь, но удовольствие ему принесла прана. Он это почувствовал.

– Спхрр... спасхрр... – выдавил он, усилием воли качая воздух мертвыми легкими. – Спахрсибо, Твррька...

Крови в птице было очень мало. И энергии в ней было мало. Ее хватило только на то, чтобы заставить этот труп снова двигаться – но он по-прежнему был очень слаб. Чувствуя себя немощным и больным, Кеннис поволок свою оболочку к хижине. Он надеялся, что ее никто не нашел за год.

Тварька потащился следом. Судя по тому, как он отощал, повязку ему удалось содрать далеко не сразу. Интересно, как он вообще это сумел?

Хотя... жрать захочешь – и не такое сумеешь. До этого-то Тварька мог рассчитывать только на падаль. Слепой и лишенный яда василиск... чудо, что он вообще выжил.

Кеннис взял Тварьку на руки и поплелся через лес. Тот в кои-то веки не попытался его убить. Во-первых, он тоже ослаб за этот год, а во-вторых... кажется, он перестал воспринимать Кенниса как живое существо.

Василиски стремятся превращать живое в мертвое, это заложено в их природе. К трупам они равнодушны.

Кеннис подошел к тому самому ручью, у которого двадцать лет назад встретился со старичиной Дзо. В текущей воде отразился Тварька, который мгновенно зажмурился.

Василиски инстинктивно не смотрят в воду. Иначе они гибли бы на первом же водоеме.

Но отраженный Тварька как будто висел в воздухе. Сам Кеннис в воде не отражался. Как странно.

И не только он, но и остатки одежды. За год туника и повязка наполовину истлели, да и служанки Совиты в свое время сильно их изодрали, но какие-то клочья на Кеннисе еще висели.

– Ладно, – пожал плечами Кеннис, решив заняться этим вопросом позже.

И шагнул через ручей... попытался шагнуть. Ноги отказывались идти вперед. Внутри засело непонятное отвращение к текущей воде. И кожу по-прежнему пекло так, как никогда не пекло при жизни. Жгло почти что огнем.

Но хижина была на другом берегу. Кеннис немного походил вдоль ручья, попытался вспомнить, нет ли где-нибудь через него моста... но его не было, конечно. Зачем мост через канаву глубиной в локоть, которую можно перемахнуть одним широким шагом?

Можно попробовать мост сделать. Или все-таки преодолеть этот непонятно откуда взявшийся страх. Кеннис зажмурился покрепче, разбежался... и в последний момент замер.

Он же помнил, что впереди ручей. Ему ужасно не хотелось его пересекать.

– Тварька, у меня беды с башкой, – сказал Кеннис василиску, безуспешно пытаясь шагать вперед. – Не получается.

Василиск посмотрел на него с неизбывным отвращением. Кажется, пришел его черед думать, что Кеннис – окиреть какой тупой. Взмахнув крыльями, он перепорхнул на другой берег и противно заклекотал.

Кеннис попытался просто залезть в ручей. Не пересекать, а просто погрузиться. Но текущая вода пугала на каком-то глубинном уровне.

В конце концов он решил соорудить мост. Хотя бы пока что. Потом он вернется к этой странной проблеме, но сейчас нужно добраться до дома.

Ломать ветки не получалось. Тело было слабым, как у новорожденного. Кеннис стал собирать упавшие, подволакивать их к ручью, но сразу понял, что занимается чепухой. Такой «мост» просто не выдержит его веса.

Но он все-таки перекинул одну ветку на другой берег... и вдруг увидел, что теперь может спокойно идти. Страх куда-то испарился. Он видел путь, видел линию, разрезавшую текущую воду – и этого хватило, чтобы преграда исчезла.

– Ну дела... – вздохнул Кеннис, перешагивая через ручей.

– Никогда не понимал, как это работает, – сказал Дегатти. – Почему вампиры не могут просто перейти через текущую воду, но могут – если через нее протянута хотя бы нить?

– О, это элементарный психологический фактор, – объяснил Янгфанхофен. – Вампир – это ведь суррогат демона. Слабое подобие. Ты ведь знаком с принципами защитного круга, мэтр Дегатти? Замкнутый контур, текущая мана... все верно? Для вампиров хватает простой воды. Если ее не пересечь чем-нибудь – вампиру будет очень сложно себя преодолеть.

– Объясняет, почему в Империи Крови было так много мостов, – задумался Бельзедор. – И все такие устрашающе величественные...

Часть припасов за минувший год испортилась. Но погреб был сделан добротно, так что многое и сохранилось. Вяленое мясо, сушеные грибы, запасы ямса... жаль только, что у Кенниса это все теперь не вызывало аппетита.

Он смотрел на еду. Понимал, что это еда. Чувствовал голод. Но взять это в рот у него желания не возникало.

Он все же попытался. Но вяленое мясо показалось безвкусным, как кора, а сушеные яблоки вызвали ощущение травы во рту. Усилием воли Кеннис запихал кое-что в пищевод и с трудом проглотил, но голод это не утолило.

Похоже, ему нужна кровь.

Тварька зато уплетал за обе щеки. Он подпрыгивал, вспархивал повыше, цеплялся клювом за подвешенное к крючьям мясо и стаскивал вниз.

Раньше бы старичина Дзо надавал ему пинков за такое. Да и Кеннис бы не позволил. Но теперь он не видел ничего интересного в этой сушеной плоти, так что смотрел равнодушно.

Пусть жрет, сколько влезет. Для кого это все хранить?

Усевшись в огромном кресле, Кеннис стал представлять все, что могло бы вызвать аппетит. Представил жареную баранину – поморщился от отвращения. Представил вареную – тоже не то. Представил свежую разделанную тушку – о, уже лучше. Представил живого дрожащего ягненка – и невольно облизнулся.

А потом представил человека. Вспомнилась та самая пастушка – пышущая жизнью, полнокровная девица... и Кеннис отчетливо представил, как вонзает зубы в ее артерию. В артериальной крови больше всего жизни, больше всего праны.

Кстати о зубах. Кеннис ощупал свои – да, это уже не человеческие зубы. Клыки сильно удлинились и заострились. Очень удобно, чтобы вонзить куда-нибудь и напиться... м-да.

Итак, Совита обманула его. Вместо исполнения желаний превратила в какую-то тварь. Ходячего мертвеца-кровососа.

Он хотел совершенно не этого. Сидя в пыльной хижине, Кеннис сверлил стену мрачным взглядом и думал, что впустую угробил кучу лет и саму жизнь. Убил учителя, призвал злых духов... и ради чего все?

Кеннис хотел быть бессмертным и могущественным. Великим чародеем, на которого все смотрят с восхищением. Он освободил бы людей из рабства и создал для них новую, счастливую империю.

А теперь он сидит в пыльной лачуге и пытается отогнать мысли о горячей крови.

– Надеюсь, ты выживешь самостоятельно, Тварька, – сказал Кеннис, поднимаясь на ноги. – Мне эта жизнь надоела. Пойду, убьюсь.

Обожравшийся василиск раззявил клюв и издал вялый клекот. Кажется, ему было все равно.

А Кеннис и в самом деле отправился убивать себя. Он решил, что зашел в тупик и стоит взглянуть, не лучше ли окажется на том свете. Для начала он взял веревку, сделал петлю, перекинул через сук, вскарабкался на огромный огровский табурет... и оттолкнул его.

Ничего. Кеннис качался в петле и размышлял, что сложно повеситься тому, кто не дышит.

Он об этом как-то не подумал. Еще не привык к тому, что стал ходячим мертвецом.

А теперь ведь еще и не освободишься. Кеннис бесконечно долго дрыгался, раскачивался и пытался перетереть веревку – но та оказалась паргоронски прочной. Он сам ее сплел по просьбе старичины Дзо – и уж расстарался в свое время, сделал веревку на славу.

Тогда он не рассчитывал, что будет на ней вешаться.

В петле Кеннис провисел добрых полдня. В конце концов веревка лопнула, он шмякнулся с высоты собственного роста – но боли не почувствовал. Какая уж боль у ходячего мертвеца.

После этого Кеннис вернулся в хижину, взял нож для разделки кроликов, как следует его наточил и перерезал себе горло.

Больно не было. Кровь не пошла. Из раны только заструился сизый дымок... а потом она стянулась. Не очень быстро – Кеннис почти час ходил, смешно хлюпая горлом, – но все-таки стянулась.

Ему стало интересно. Орудя ножом, Кеннис распотрошил себе брюхо и с любопытством стал рассматривать кишки. Тварька тоже подошел ближе и клюнул – но больше из вежливости. Плоть хозяина больше не вызывала у него аппетита. Он даже кхекнул и пару раз провел по полу лапой.

В теле Кенниса не осталось уязвимых органов. Он последовательно пронзил ножом сердце и висок, разрубил печень и на всякий случай селезенку. Попытался отпилить себе голову, но кухонным ножом не получилось.

– Меня лишили даже возможности умереть, – безучастно произнес Кеннис.

Иронично. При жизни он мечтал о том, чтобы та длилась вечно. Теперь, возможно, он действительно может жить... существовать вечно, но ему этого уже не хочется.

И его не отпускал голод. Кеннис таскался вокруг хижины, как унылое привидение, и пытался поймать что-нибудь живое. Расставлял силки, сидел в засаде с пращой – но всю живность давно распугал Тварька. Лесные обитатели накрепко затвердили, что здесь живет убивающий взглядом ужас – и стали обходить хижину стороной.

Кеннис пытался и колдовать, но в его жилах больше не было крови. Не было энергии для заклинаний. Все, что он теперь мог – готовить снадобья. И он даже сварил несколько очень мощных ядов, и нахлестался ими по самые ноздри. Но отравы, способная уложить бегемота, никак не подействовала на ходячий труп.

Кеннис попытался себя сжечь. Плоть превосходно горела, и он даже стал думать, что в этот раз получится. Какое-то время Кеннис действительно провел в облике кучи обгорелых костей.

Но сознание из этой кучи никуда не ушло. И на ней росло мясо, хотя и очень медленно. Одиннадцать дней понадобилось, чтобы снова начать ходить – но на двенадцатый день Кеннис уселся на пороге хижины и мрачно подпер кулаком щеку.

Что за горькая у него участь.

Доведенный до отчаяния, он решил попробовать утопиться. Конечно, он не дышит, так что шансов немного, но ведь его почему-то пугает вода. Может, это и есть уязвимое место той твари, в которую его обратили? Стоит проверить.

В котле старичины Дзо Кеннис мог поместиться целиком, но он не хотел топиться скрючившись. Он взял веревку, взял камень и пошел вдоль ручья. Ниже по течению тот становился все шире, пока не превращался в полноправную реку.

Берег с этой стороны был крутым. Кеннис несколько часов шагал, с неприязнью глядя на текущую воду. В теле по-прежнему сидела ужасная слабость, но усталости он не чувствовал. Тяжесть камня совсем не ощущалась.

Впереди показался мост. Довольно новый, ладно вытесанный. Кеннис уже много лет не уходил так далеко от лесной хижины и понятия не имел, что за люди тут живут. Ему подумалось, что вряд ли они будут рады ходячему мертвецу.

Хотя можно просто не говорить им, что он ходячий мертвец. Кеннис не мог увидеть себя в зеркале, но ниже шеи-то он себя видел. Кожа стала бледной и сухой, ногти слегка удлинились, а клыки заострились, но этого не заметно, если не раскрывать широко рот.

О, а вот и люди. Сидят на мосту с плетеной бутылочкой чего-то. Держат удочки. Пока Кеннис шел в их сторону, они смотрели все внимательней – и не столько на самого Кенниса, сколько на камень, который он привязал к поясу.

– Э-э, мужик, ты чего затеял? – опасливо спросил один, когда Кеннис подошел к мосту. – Ты это... не дури. Всегда есть другой выход.

– Да, тихо, тихо, – встал второй, выставя вперед руки. – Ты это... подумай. Пока жизнь не кончена, все можно решить.

– Моя жизнь кончена, – безучастно ответил Кеннис. – Ничего уже нельзя решить.

– Это тебе сейчас так кажется. Ну что тебя, баба, что ль, довела?

– Или долги, может?

– Ну это вся кирня, мужик. У кого этих проблем не было?

Кеннис только отмахнулся. Рыбаки опасливо посмотрели на него, один откашлялся и попросил:

– Ну ты это хотя бы тогда... Ты если твердо решил – иди уж в другое место, лады? А то здесь мы рыбу ловим.

– Да-да! – оживился второй. – Слушай, тут рядом омут один есть! Глубоченный!.. Пойдем, я тебя провожу!

– Тля, Арьян, да ты задрал со своими раками, – проворчал первый. – Тут человек топиться собрался, а тебе все раки твои.

– Так он же все равно ж топиться, хоть так, хоть эдак, – укоризненно посмотрел второй. – Чего добру зря пропадать? Это просто рациональное мышление.

– Пропитое у тебя мышление, а не рациональное, – сплюнул в воду первый. – Ни мозгов, ни нравственности.

Кеннис, дивясь рыбакам-философам, поспешил отойти подальше. Слишком отчетливо пульсировали жилки на их шеях.

Когда мост с людьми скрылся из виду, Кеннис искал такое место, чтоб глубоко было у самого берега, спустился по обрывистому склону, размахнулся... и швырнул камень. Это у него сделать получилось.

И ухнул за ним сам.

На какой-то момент им овладела паника. Тонуть все-таки оказалось страшно. В рот и ноздри хлынула мутная вода, руки и ноги запутались в водорослях, и Кеннис медленно пошел ко дну.

Глубина оказалась все-таки небольшая. Погружение быстро закончилось. Кеннис лег на дно, придавленный своим камнем, и задумался о том, что делать дальше со своей жизнью. Он сразу понял, что и эта попытка самоубийства – пустая затея.

Но из упрямства решил все-таки посидеть подольше. Мимо плавали рыбки, по дну ползали раки. Пару раз Кеннис видел мерцающие силуэты – видимо, речные духи. Кенниса они пока что не трогали.

А потом его нашел сом. Большой, старый, с оборванным усом. Он попробовал Кенниса на зуб, но решил, что тот еще недостаточно тухл.

А Кеннис задумался, насколько ухудшится его жизнь, если он переместится в желудок сома. Сохранится ли у него сознание и там? Останется ли оно при нем, когда он переварится?

Он хотел отогнать сома, сказать ему «кыш», но только забулькал.

Легкие заполнились водой, тело стало тяжелым. Кеннис развязал узел на поясе, избавился от камня и зашагал по дну – на другой берег.

Когда он вышел, наверху уже смеркалось. Мокрый и раздосадованный, он отправился домой, в опостылевшую хижину.

Тварька встретил его радостными воплями.

– Хоть кто-то рад мне в этой жизни, – устало сказал Кеннис. – Хотя бы ты.

На самом деле василиск просто хотел жрать. Кеннис, надеясь, что уже не вернется, оставил погреб открытым, но Тварька умудрился нечаянно захлопнуть крышку.

– Тупая скотина, – безучастно произнес Кеннис. – Так и норовишь сдохнуть. Я всегда был уверен, что переживу тебя, но ты и здесь меня уел.

Кеннис полистал книги, искал все, что касалось бы ходячих мертвецов. И снова полез в шкаф с травами – решил сварить еще одно снадобье. Старичина Дзо называл его «отгонил-злой-дух», и Кеннис надеялся, что на него оно тоже подействует.

Уверенность росла уже на стадии сбора ингредиентов. В состав входила черемуха и рябина – и Кеннис обнаружил, что теперь их запахи ему неприятны. Безобидные ягодки стали вонять так, что хотелось отпрянуть.

А еще хуже оказался третий ингредиент – самый обычный чеснок. От него у Кенниса аж глаза на лоб полезли. Голова закружилась, он едва не упал. Пришлось надеть старую пчеловодную сетку, которая валялась в чулане с тех пор, как Кеннис себя помнил. Да еще лицо обернуть тканью.

Сваренная из этих растений бурда походила на какой-то мерзотный компот. Следуя рецепту, Кеннис круто его посолил, добавил лука и редьки, дегтя и лошадиных фекалий, большой пучок крапивы, толченой осинового коры и хорошую порцию листьев чертополоха.

То, что получилось в итоге, убило бы и живого человека. Или, по крайней мере, надолго бы отправило в отхожее место. Кеннис с сомнением посмотрел на булькающие в котле помои, но все же зачерпнул целую чашку, зажал нос и выпил... попытался выпить.

Его стошнило почти мгновенно. Сознание поплыло, сваренное снадобье выплеснулось из рта. Кеннис заскреб пальцами по полу, уже жалея о том, что сотворил. Сразу стало понятно, что убить его эта дрянь не убьет, но испортить самочувствие еще как способна.

Варево оказалось мощное. До самого вечера Кеннис лежал на полу и хрипел. Дело было даже не во вкусе зелья, а в запахе. Пока Кеннис обонял этот смрад, руки-ноги не слушались, тело было словно ватным.

Но в конце концов он выполз из хижины. По шажочку, по чуть-чуть – но выбрался на свежий воздух. И тут довольно быстро пришел в себя, сумел подняться, опираясь на стену.

Проветривалась хижина долго.

– Почему он просто не использовал серебро? – не понял Дегатти.

– Мэтр Дегатти, это на современном Парифате даже детям известно, что лучшее средство против нежити – серебро, – разъяснил Янгфанхофен. – А в те былинные времена об этом никто не знал.

Даже если бы Кеннис и знал, как действует серебро на ходячих мертвецов, он просто не смог бы этим знанием воспользоваться. В хижине старичины Дзо не было ничего серебряного. Ни одной ложечки, ни одной монетки. Огру это все было просто не нужно, а украденное из дома Эстерляки Кеннис за пять лет странствий обменял на припасы. Он ведь в первую очередь тратил именно серебро, как менее ценное.

Зато Кеннис нашел кое-что другое. Он изучил все ингредиенты, что входили в состав мерзотного варева, и пришел к выводу, что почти все они вредны ему и по отдельности. Рябина, лук, чеснок, крапива, черемуха... все противно воняло или жгло кожу.

И только осина выпадала из картины. Кеннис спокойно мог ее нюхать, мог стоять рядом, мог держать в руках ветки.

Так почему же она в рецепте? Просто случайно?

Он даже лизнул кору языком – ничего. Отколол длинную острую щепку, уколол себя... и вот тут ноги подкосились, а перед глазами все поплыло.

Кеннис встал, отбросил кору и устало посмотрел на щепку.

– Какой же я нелепый, – печально сказал он. – Железом всего себя изрезал, в воде не утонул, в огне не сгорел... но блеваная осиновая заноза – и я едва не помер. Что ж, да будет так.

Оказалось, правда, что занозы все-таки недостаточно. Воткнув щепку поглубже, Кеннис потерял сознание, но через несколько часов очнулся. Требовалась деревяшка побольше и, наверное, в более уязвимом месте.

К этому времени его желание себя убить слегка ослабело. По большому счету это был просто первый импульс – а теперь он вполне привык и к такому существованию.

Но Кеннис всегда был упрям, так что решил продолжить. Целые сутки он трудился над осиновой ветвью, пока не вытесал из нее острый кол. Вогнать его самому себе в грудь не получалось, руки по-прежнему еле шевелились, поэтому Кеннис кое-как врыл кол в землю.

Потом он в последний раз накормил Тварьку. Убедился, что крышка погреба больше не захлопнется. Он бы снял ее совсем, но сил не хватало.

– Пока, Тварька, – попрощался он с василиском. – Давай уж дальше сам как-нибудь.

И упал грудью на кол.

Кеннис хорошо его заострил. Тот вонзился точно в сердце – и сознание померкло. Кеннис только еще успел порадоваться, что вот, наконец-то нашел средство... и еще немного порадоваться... и еще...

Потом до него дошло, что это странно – чему-то радоваться, когда ты без сознания. Кеннис с ужасом понял, что тело-то у него снова умерло... ну, стало еще мертвее обычного... но дух-то по-прежнему никуда не ушел! Он по-прежнему заперт в этом куске дохлой плоти!

Только теперь даже двигаться не может и видеть ничего не видит.

К счастью, продлилось это не слишком долго... вначале подумал Кеннис. Через некоторое время перед глазами забрезжил свет, руки снова шевельнулись, и он с трудом приподнялся.

А коснувшись груди, обнаружил, что осиновый кол успел сгнить. Превратиться в труху. Значит, он лежал тут... змеиное дерьмо, сколько он пролежал на этот раз? Две луны, три?... Целый год?... Сколько времени гниет осина?

Шаркая ногами, он вошел в хижину и увидел толстый слой пыли и опустошенный погреб. Тварьки нигде не было.

Усевшись на полу, Кеннис решил больше себя не убивать. Все равно не получается. Да ему и расхотелось уже.

– Если я не могу себя убить... – задумчиво произнес он в пустоту, – ...надо как-то жить дальше. Пойду, поем.

Он уже пытался ловить лесную дичь, но не очень усердно и только рядом с хижинкой. Теперь же Кеннис взялся за дело всерьез. Он ушел подальше, снова поставил силки, вооружился пращой и спустя всего сутки раздобыл двух жирных агути и куропатку. Тварька, похоже, куда-то откочевал, так что зверье стало понемногу возвращаться.

Куропатку Кеннис подбил камнем, так что в нее вонзил зубы сразу же. А вот агути поймал живыми – живыми же и притащил в хижину.

Первое, что он понял – кровь с мертвого тела ему не нравится. Она уже... пустая. В ней мало праны. Какие-то следы еще есть, конечно, с голодухи питаться можно и этим. Но это не то.

Значит, запастись кровью впрок не выйдет. Портиться будет очень быстро. Только охотиться, и пить желательно из живого... сосуда.

Второе, что он понял – животные годятся плохо, но все-таки годятся. Теплая кровь агути, которых Кеннис высосал досуха, голод утолила и сил придала. Однако он сразу почувствовал – эффект кратковременный.

Третье, что он понял – кровь бывает разного качества. Один агути был старым и больным, другой – молодым и бойким. И этот второй дал праны гораздо больше, хотя если взвесить кровь того и другого, то получилось бы почти одинаково.

Свежая тушка, теперь сытый Кеннис задумался, что ему делать дальше. Зачем он их свежует, собственно? Мясо ему больше неинтересно.

Может, Тварька еще вернется? Кеннис поймал себя на мысли, что скучает по этой тупой скотине.

Напившись крови, Кеннис стал намного сильнее и быстрее. Он перестал шаркать, как дряхлый старик. Да и думать стало полегче – в голове как будто прояснилось.

Наверное, теперь он даже может выйти к людям. Те рыбаки не распознали в нем ходячий труп. В кубышке осталось немного золота – можно хотя бы купить новую одежду взамен этого рубища. Ходить в таких лохмотьях... достойно ли это суженого Владычицы Пороков?

Суженого. Кеннис аж скривился от проскользнувшего в голове слова. Какой он ей суженый? Взглянем правде в глаза, для Совиты он – подстилка. Любовник на одну ночь, из которого демоница выпила половину души, а взамен наградила суррогатом вечной жизни. Она отняла у него даже возможность посмертия.

Но обзавестись новой одеждой все равно стоит. Еда Кеннису больше не нужна, но переодеться не помешает. Еще можно купить пару овец или лошадь. Да и просто посмотреть на живых людей... поговорить с ними... пообщаться...

Кеннис не желал себе в этом признаваться, но вкусив теплой крови, он разжег аппетит. Если прежде ему удавалось противиться зверским инстинктам, то теперь он вошел во вкус и жаждал продолжения.

Охотиться сытому было гораздо проще. Зрение стало острее, слух лучше. Кеннис почти за вспашку услышал шорох в листве, за половину вспашки увидел на ветвях гиббона и внезапно для себя с легкостью взлетел по стволу.

Ухватив обезьяну за лапу, он сдернул ее с неожиданной силой. Гиббон заверещал почти как человек. Почему-то Кенниса это только распалило, он вывернул зверю руки, перехватил поудобнее и впился клыками в горло.

Кровь текла по губам, по подбородку. Как сквозь решето. Кеннис хлебал жадно, восторженно. Прана обезьяны, так похожей на уродливого мохнатого человечка, не терялась вместе с кровью. И энергии она давала гораздо больше, чем прана птиц и грызунов.

Это было уже почти то, что нужно... но Кеннис чувствовал, что все еще может получить больше.

Когда гиббон перестал дергаться, Кеннис тоже ненадолго замер. Он может сейчас прерваться. Обезьяна выживет. Когда она наберется сил, ее снова можно будет поймать и снова напиться. Это будет более разумно, чем использовать бурдюк полностью, но всего один раз.

Однако это дикое животное. Настолько обескровленное, оно станет легкой добычей для хищников. Они есть в этих лесах, их довольно много. Почти наверняка гиббон вскоре попадется кому-то на зуб и накормит кого-то другого. Не его.

С этой мыслью Кеннис снова принял к артерии.

Из леса он вышел только через час, и успел за это время выпить еще двух животных. Молодого оленя и довольно крупного дикобраза. С последним разобраться было непросто, но сытый Кеннис оказался куда сильнее голодного. Вовсе не замечая шипов, он разодрал зверя голыми руками.

Но это все было не совсем то. И когда Кеннис появился возле заробы, колючего забора, его взгляд жадно метался.

Даже в охватившем его безумии Кеннису хватило ума сначала ополоснуть лицо, руки и грудь. Но на тунике все равно остались кровавые потеки. Проходящая мимо женщина при виде него ахнула, едва не уронила корзину с бельем и бросилась бежать.

Ходячий мертвец на минутку замер. Он все еще не был уверен, что собирается делать. Пока что Кеннис ел только животных – а животных и люди едят. Он еще не совершил неоправданного.

Но издали донеслись крики – и Кеннис решился. Он перемахнул через колючую изгородь. Перепрыгнул с какой-то волшебной легкостью. Быстрее молнии метнулся вперед – и перескочил еще через чей-то плетень. Там Кеннис присел и затаился в зарослях малины.

Наверное, зря он пришел сюда днем. Ночью было бы удобнее. И солнце бы не так жгло. Кеннис уже заметил, что ночью ему гораздо комфортнее, но старые привычки пока что были сильнее.

– Вот он, тут был! – доносился издали голос. – Весь в кровавых лохмотьях, а взгляд – безумный!..

– Эва-на... – отвечал другой голос, басовитый. – А оружие было?

Прислушиваясь, Кеннис поводил головой. Он выпил столько крови, что слух обострился до невероятного. Он слышал каждый шаг, каждый шорох.

Слабый треск ветки. Совсем близко. Из хижины, у которой Кеннис прятался, вышел человек. Небольшой, легкий... очень юная девушка... нет, скорее, даже ребенок. Девочка... нет, мальчик.

Кеннис потянул носом. Обоняние тоже обострилось, стало почти звериным. Он понял, что уже не сможет отказаться от крови. Слишком много она ему дала, слишком хорошо он стал себя чувствовать.

Но он все еще сдерживался. Все еще не хотел переступить последнюю черту. Тем более, что это ребенок.

Кеннис надеялся, что он уйдет со двора или хотя бы пойдет в другую сторону. Но он двинулся именно к малиннику. Остановился в каком-то десятке шагов от Кенниса и стал собирать ягоды в корзинку. Но, как и все дети, больше лопал сам.

– Ты там что, опять в рот собираешь?! – донесся женский окрик.

– Не, мам!.. – протянул мальчик, торопливо съедая еще горсть. – Ай!..

Он оцарапался о колючку и невозмутимо слизнул выступившую кровь.

Кеннис чуть слышно захрипел. Он что есть силы пытался успокоиться, выкинуть из головы соблазн. Попытился, пока его не заметили, но наткнулся на плетень.

А с другой стороны по-прежнему доносились голоса. По-прежнему обсуждали чужака в окровавленной тунике. Кеннис подумал, что не стоило ему прятаться – он легко мог отовратиться. Просто сказать, что охотился, но напоролся на кабаньей клык или оленьи рога... хотя нет, на нем нет ран. Но кто бы там стал присматриваться?

Но теперь уже поздно. Надо потихоньку выбраться и уйти в лес. Зря он вообще все это затеял. Лучше вернуться в свою хижину и продолжить жить охотой. Можно наловить живых обезьян, устроить им загон, сытно кормить и время от времени питаться самому.

Отличная идея. Но Кеннису не суждено было претворить ее в жизнь. Ребенок потянулся к очередной ягоде, раздвинул ветки – и увидел сидящего в кустах чужака.

Его глаза резко расширились, а рот распахнулся. Сейчас закричит – и сюда сбежится вся деревня.

Кеннис сам не понял, как это у него вышло – но он заглянул мальчику в глаза, и те остекленели. Утратили осмысленное выражение. Кеннис всей душой захотел, чтобы тот стих – и ребенок так и сделал.

Теперь он сидел, как неживой, все с тем же распахнутым ртом. Кеннис сглотнул, невольно глядя на оцарапанный палец. Там снова набухла капелька крови.

Чуть-чуть. От ребенка не убудет. Он даже и не запомнит, судя по всему. Кеннис почувствовал, что может сейчас приказать мальчику что угодно – и тот исполнит. А потом забудет обо всем и даже знать не будет, что уделил немного крови голодающему.

Кеннис осторожно взял палец мальчика губами и во рту взорвался фонтан вкуса...

– Ярыть, меня сейчас стошнит на кир, – поморщился Дегатти. – Как же это мерзотно.

– Мне пропустить эту часть? – любезно предложил Янгфанхофен.

– Я вообще не знаю, зачем ты рассказываешь в таких деталях. Ты же почти смакуешь.

– Мэтр Дегатти, рассказ – это искусство. Там где нужны детали – они будут. И не перебивай меня больше, у Кенниса там самый разгар трапезы.

Надо ли говорить, что на царапине Кеннис не смог остановиться? И он, разумеется, не ограничился несколькими каплями, как собирался. Дело в том, что вкус человеческой крови оказался таким... таким... рядом с ней меркло все, что он когда-либо пробовал. При жизни и после смерти.

Так что он мягко потянул ребенка в заросли, оттянул ворот рубашонки и впился в тонкую шейку. Прана заструилась в его чрево... столько праны... внутри Кенниса будто вспыхнуло маленькое солнце.

Звездопад. Радуга после дождя. Бокал холодной воды после пересечения пустыни. Какое-то ни с чем не сравнимое удовольствие.

И у Кенниса не нашлось сил его прекратить.

Он пришел в себя только когда услышал женский крик. Мать дважды звала сына, тот не откликался – и она пришла за ним в малинник. А тут увидела... Кенниса.

Еще и на нее он нападать не стал. Ему хватило. Вполне насытившийся, Кеннис отбросил холодное тело, одним взглядом уронил женщину в обморок и пружинисто прыгнул. Приземлился на жерди и встал на ней, держась кончиками пальцев ноги. Тело стало очень легким и каким-то... теплым.

Почти как у живого.

Прана. Кеннис наконец-то понял, как в полной мере высвободить ее потенциал. От чужой крови можно получить столько же энергии, что и от своей – просто вначале ее нужно... присвоить. Собственной у Кенниса больше нет – но она ему больше и не нужна. К его услугам миллионы бурдюков с праной.

Это ли не бесконечное могущество?

Кенниса взял кураж. Он пробежал по изгороди, как пушинка. Стал огромными прыжками сигать с хижины на хижину.

Теперь-то его заметили. Бабы заверещали, мужики схватились за копья. В Кенниса полетели камни. Весь покрытый кровью, с оскаленными клыками, он глумливо смеялся, чувствуя себя владыкой мира.

– Мгновенно окиревший от безнаказанности упырь прыгает по сельским хатам, дразнит деревенщину и чувствует себя владыкой мира, – задумчиво кивнул Бельзедор. – Красиво начал карьеру.

В тот день Кеннис больше никого не убил. Для первого раза ему хватило. Опыневший от крови и ощущения невероятной силы, он еще немного посмеялся над простыми смертными, а потом удрал в лес. Обрато к хижине он несея гораздо быстрее, сигал по ветвям и даже немного парил в воздухе, точно лист на ветру.

Следующую вылазку он совершил уже ночью. Так и правда оказалось гораздо удобнее. Кеннис выследил по запаху и убил сразу двух человек – купающихся в реке парня с девушкой. Хотел сначала оставить их в живых и просто напиться, но снова не смог совладать с дикой жаждой. Впиваясь в артерию, он уплывал на волнах безумного удовольствия и не находил сил это прекратить.

После этого Кеннис на несколько дней сделал паузу. Он был полностью сыт и даже слегка объелся. Теперь он с утра до вечера спал в погребѐ, впадая в какое-то мертвенное оцепенение, а по ночам выбирался на воздух и изучал свои способности. Они проявлялись все новые, сыпались как из бездонного мешка Юмплы.

Во-первых, к нему вернулась вся магия, которой он владел при жизни. Собственно, она и раньше никуда не девалась, просто на нее не было сил. А теперь Кеннис с легкостью применял заклинания, вместо энергии используя поглощенную кровь. В таком виде чужая прана и впрямь действовала не хуже своей – и ее не нужно было беречь, не нужно экономить. Кеннис всегда мог пополнить запасы.

Теперь он мог превращаться в летучую мышь не на несколько минут, как раньше. Да и в других животных. Превращения стали даваться с волшебной легкостью. Кеннис бегал по ночному лесу в облике волка и ягуара, летал над ним в виде совы, вороны и летучей мыши, а пару раз становился огромной виверной и распугивал зверье шипящими криками.

Летать сам по себе он тоже научился быстро. Приток чужой праны делал его мертвое тело удивительно ловким, сильным и быстрым, а кроме того – невероятно легким. Кеннис просто подпрыгивал – и воспарял в воздухе. Поднимался к самым облакам, любовался луной

и бесконечными просторами Сурении. Видел империю Великого Змея с такой высоты, с какой ее видят только птицы.

Охота тоже проходила все легче и легче. Кенниса все слушались. Животным он мог приказывать на большом расстоянии, людей тоже научился цеплять, даже не глядя в глаза. Они сами шли на зов, сами покорно подставляли шею.

Своих следующих жертв Кеннис уже не убивал – он понемногу научился утишать это пьяное безумие. Осознал до конца, что еды всегда будет много, жадничать смысла нет. Гораздо разумнее выпить часть крови, а потом отпустить бурдюк, затуманив ему рассудок. Спустя какое-то время он полностью восстановится, и его снова можно будет «подойти».

Но кроме новых способностей Кеннис обнаружил и некоторые слабости. Он уже понял, что дневной свет жжет ему кожу, некоторые вполне обычные растения отвратительны на вкус и запах, а простая осиновая щепка вводит в мертвенный паралич, оказавшись внутри тела. И у него по-прежнему не получалось пересекать текущую воду... хотя эта проблема отпала, когда он научился летать.

А другое ограничение он обнаружил совершенно внезапно, когда одной лунной ночью решил навестить большую деревню. Он уже бывал здесь, охотился на запоздалых прохожих – но сегодня все сидели по домам, надежно запершись. Слух о Кеннисе уже разошелся по округе.

Их двери и запоры его только насмешили. Хлипкие хижинки с соломенной крышей. Дернуть посильнее... и Кеннис дернул.

Дверь разорвалась, точно кусок картошки. Люди внутри завопили от ужаса, прижимаясь к стенам, прячась под лавками. Кеннис чуть нахмурился, посылая им успокоение, приказывая замолчать и покорно выйти... но в этот раз почему-то не подействовало. Тогда он просто шагнул через порог... но вдруг понял, что не может этого сделать.

Точно как с текущей водой. Никакой реальной преграды – но что-то внутри протестует, отказывается пересечь незримую черту. Кеннис протянул руку – и будто наткнулся на стену.

– ...пш-шел на кир отседа!.. – донесся откуда-то снизу чуть слышный шепоток. – Мой дом!.. мой!..

А, вот что это. Мелкое домашнее божество, дух жилища. Старичина Дзо рассказывал про таких. Они есть далеко не в каждом доме, но там, где есть – властвуют безраздельно. Других духов к себе не пускают.

Выходит, Кеннис не такой уж и всесильный. Его это почему-то задело и он пустил внутрь убивающее заклятие. Однако оно тоже расплескалось о пустоту.

– Мои люди!.. – донесся все тот же злой шепот. – Мои жилища!.. Пшел на кир!..

Люди внутри не слышали голоса домового духа. Зато видели, как Кеннис бьется о дверной проем, словно там по-прежнему висит дверь. Выглядывающая из-под лавки девочка испуганно хихикнула.

– Пусти меня! – гневно воскликнул Кеннис.

Жилища смотрели молча. Они решили, что Кеннис обращается к ним, но ответить никто не осмелился.

– Пусти! – повысил голос Кеннис.

– Нет! – донеслось из-под пола.

– Впусти или будет хуже!

– Мы тут уже все знаем, кто ты такой! – прошипел домовый дух. – Повсюду разнесли! Никто из наших тебя не пустит, паргоронское отродье!

– Ладно, – обманчиво спокойно произнес Кеннис. – Хорошо, не пускай. Тогда я просто подпалю эту хижину. И соседнюю. И вообще всю деревню подпалю. А когда людишки выбегут – устрою кровавую баню.

– Не надо! – воскликнула одна из девушек.

Их было две внутри. Постарше и помладше. И еще их отец, мужчина средних лет, с трясущимся в руках ухватом. И мать, прижимающая к себе младенца. И еще двое детей разного возраста. И скрюченная бабка, шепчущая молитвы незнамо кому.

- Я выйду! – продолжила девушка.
- Не надо! – схватилась за нее мать. – Не смей!
- Он же не может войти! – напомнила ей сестра.
- Бабкиной молитвы напужался! – предположил отец.
- Но он же спалит все!
- Небось не спалит! Огня они смертным страхом боятся!
- Кто они-то, тять?!
- Известно кто! Твари ночные!

Кеннис криво усмехнулся и снял с жердины масляный фонарь. Обычную плошку, в которой плавал горящий фитиль. Покачивая ее в руке, он сделал вид, что бросает на соломенную крышу – и в доме все ахнули от ужаса.

– Ну что – поджигать? – спросил он. – Или кто-то выйдет сам? Сразу скажу – бабкой можете не жертвовать. Старики невкусные. Младенца тоже не надо – его мне будет на один зуб.

– Ах ты ж нечисть поганая!.. – замахал кулаком отец семейства. – Никого мы тебе не отдадим!

– Пошел отседова! – присоединилась мать. – Пошел, пошел!..

А бабка, узнав, что для Кенниса она неаппетитна, резко расхрабрилась. Схватила стоящий у двери веник, да как сунула его мертвецу прямо в рожу! Тот молниеносно его схватил, вырвал, чуть не вытащив из дому и саму бабку, но разок ему все-таки по лицу прилетело.

– Не, ну про веник ты все-таки выдумываешь, признайся, – прищурился Бельзедор. – Кто тебе мог рассказать такие детали? Смертных тех ты вряд ли встречал, а Кеннис точно не стал бы.

– Ты даже не представляешь, сколько разных дивных подробностей я знаю, – ухмыльнулся Янгфранхофен. – В конце-то концов, кто я такой, по-твоему? Я Паргоронский Корчмарь, Бельзедор. Я знаю все и про всех.

– Про меня ты ничего не знаешь.

– Ну вот разве что про тебя. И то лишь потому, что ты мой друг, и я уважаю твои желания.

Кеннис выхватил веник, поджег его и замахнулся. Сейчас кинет, сейчас запалит крышу!.. Они в этой деревне сплошь соломенные – займется мгновенно.

И тогда к нему с криком выбежала девушка. Оттолкнула отца и сестру, вырвалась – и вылетела за дверь.

– Не пали! – взмолилась она. – Меня возьми, других не трогай!

Кеннис ухмыльнулся. Теперь он мог подчинить эту девицу своей воле. Превратить в покорную куклу, как всех остальных.

Но он не стал. Зачем, если она и так подчиняется, сама? Это даже приятнее – смотреть в ее гневные глаза, ощущать ее возмущение.

Возможно, приправленная живым чувством кровь станет еще вкуснее.

К тому же Кеннис невольно тянул с началом трапезы. Девушка была на редкость красивой, и Кеннису хотелось вначале как следует ее рассмотреть. Это было отчасти обычное эстетическое чувство, а отчасти – желание полюбоваться изысканным блюдом.

Кеннис протянул руку и коснулся шеи девушки. Ощутил ее мелкую дрожь, тепло бархатистой кожи. Пульсацию каждого сосуда в ее теле.

– Какая совершенная оболочка, – хрипло произнес он.

Неожиданно для себя он убрал руку и отступил. Кеннис был сыт, в общем-то. И ему вдруг стала неприятна мысль, что этот великолепный сосуд будет разрушен или изуродован.

Тем более такой сильный дух, такое бесстрашие!..

– Твоя храбрость и красота смягчили мое сердце, – произнес он. – Я уйду.

Девушка ничего не ответила. Она до последнего смотрела на Кенниса недоверчиво и выдохнула лишь когда тот скрылся за деревьями.

О своем великодушии Кеннис не пожалел. Конечно, он остался без очередной трапезы, но их в его жизни будет еще много. Зато он впервые сумел сдержаться, отказаться от соблазна – и это его очень воодушевило. Значит, он по-прежнему свободен выбирать, по-прежнему принимает решения сам. Он не стал рабом своего проклятия.

К тому же его прощальные слова точно разнесутся по всей округе. Он уж постарался выдать фразу покрасивее.

Да и девушка... ее лицо все еще стояло перед глазами. Кеннису хотелось увидеть ее еще разок.

И уже на следующую ночь он вернулся в эту деревню. Теперь, правда, невидимкой. Для него это стало несложным – частично уходить в Тень, растворяться в туманах. В таком облике он мог просочиться в любую щель, проскользнуть в замочную скважину.

Немного походив по хижинам, Кеннис убедился, что пройти свободно удастся лишь в некоторые. Либо совсем новые, либо нежилые. Те, где домовые духи либо еще не завелись, либо ушли.

Если же дух на месте – Кеннису хода нет. Разве что кто-то из жильцов сам его впустит. Он проверил – подчинил выбежавшего до ветру паренька, а потом вошел с ним в его дом. Когда тот сам открыл Кеннису дверь, домовый дух сделать ничего не сумел.

Но сегодня Кеннис почти никого не тронул. Только приник на минутку к артерии этого самого паренька, промочил горло. Потом уснул и позволил вернуться в постель.

Сам же тихом поспел ко вчерашней хижине и с любопытством обошел вокруг нее. Дверь хозяева за день повесили новую, да и вообще явно трудились без усталости. Все стены были исписаны молитвами Змею-Охранителю, в окошках были выставлены зеркала, вокруг рассыпана соль, а над входом висели гроздья черемухи.

Интересно. Выходит, деревенские уже прознали, что соль и запах черемухи ему неприятны. Откуда бы? Может, старичина Дзо был не единственным знахарем в округе? Кеннис ведь и сам узнал об этих своих слабостях из его книги.

Слова молитвы Кеннису не навредили. Что есть, что нет. В зеркалах же он по-прежнему не отражался, но смотрел в них спокойно. Наверное, местные перепутали его с василиском.

Кстати, куда все-таки делся Тварька? Кеннису очень хотелось это узнать.

Еще во дворе появилась собака. Но она при появлении ходячего мертвеца забилась в кусты и лежала ни жива ни мертва. Боялась тявкнуть – при том, что Кеннис ее даже не подчинял.

Внутри никто не спал. Кеннис слышал из хижины тихие голоса, слышал биение сердец и неровное дыхание. Они все страшно его боялись.

Один, два, три... так, подождите. Один, два, три... Кеннис нахмурился. Одного человека внутри не хватало. Кажется, той самой девушки, что так ему понравилась.

На этот раз он не стал никого тревожить. Просто воспарил на крышу и чуть-чуть разгреб солому. Под ней был настил из просмоленных веток, но Кеннис проковырял в нем дырочку. Он мог бы скользнуть туда туманным облачком... если бы домовый дух по-прежнему не стоял на страже.

Но он и не собирался. Кеннис просто убедился, что девушки в крохотной хижине и вправду нет. А послушав несколько минут разговоры ее родителей, узнал, что красавицу отослали в другую деревню, к тетке.

Сами бы все ушли с охотой, да некуда. Семья бедная, кроме хижины да клочка земли ничего нет. А просто сняться с места да уйти куда ноги понесут – так первый же егерский дозор остановит. Кто да что, куда путь держите, какому кобрину принадлежите, где разрешение самовольно ходить?

Кеннис им даже посочувствовал. Он слишком хорошо помнил, каково это – бродяжничать, будучи беглым рабом.

Но девушку ему теперь разыскать захотелось еще сильнее. Обернувшись летучей мышью, он полетел над холмом, по словно серебрящемуся в ночи следу. То был не запах, а мимолетное, почти неопишемое ощущение.

Он нашел девушку в деревне по другую сторону холма. Принадлежащей тому же кобрину-предстателю, так что между ними рабам ходить дозволялось свободно. Не слишком далеко и спрятали красавицу.

В эту деревню Кеннис еще не заглядывал. Слухи о нем донеслись и сюда, конечно, но не все им верили. Тут люди еще не боялись выходить из дому ночью. Обернувшись лохматой собакой, Кеннис неспешно трусил по улице, с интересом оценивал новую пажиту.

Вот и знакомый запах. Большой двор, слышен визг свиней и недовольный говор тетки. Отчитывает племянницу, что так внезапно свалилась на голову.

Тетка была еще в самом соку. Последней молодости вдова, в теле, дышащая здоровьем и уж такая полнокровная... Кеннис сразу отметил ее, как заманчивое блюдо.

– Охо-хо... – ворчала она, пока племянница молча выгребала навоз из свинарника. – То василиски, то кровососы какие... Господину кобрину-то на это уже жаловались, дед Итяй со старостой ходили... а он что? Посмеялся только. Глупые людишки, мол. Опять выдумывают невесть что... да ты не врешь ли сама, Инька?

– Нет, – коротко ответила девушка. – Сама видела. Своими глазами. И другие видели. Он в Барсучьем Бору мальчика загрыз, а потом по крышам от мужиков убежал.

Кеннис чуть слышно хмыкнул. Убежал. Кто еще от кого убежал.

Инькой, значит, зовут девушку. Сокращенное от Инаис, если он верно понимает. Красивое имя.

В этой деревне Кеннис никого трогать пока не стал. Вместо этого он всю ночь издали приглядывал за Инаис. Они с теткой быстро пошли спать, и Кеннис в облике тумана повис у окна. Внутрь сунуться не попытался – надоело слышать это злобное «не пущу!».

Он сам не мог сказать, что его в ней привлекает. Есть он ее точно не собирался... или собирался? Кеннис пока не определился. Он испытывал странное влечение, когда похоть смешивается с голодом и желанием обладать... обладать безраздельно, полностью.

Третье желание, что он высказал Совите. Кеннис уже убедился, что первые два исполнились, пусть и не так, как он действительно желал. Но что насчет третьего? Абсолютная власть над своим родом.

Это же не только подчинение людей своей воле, там наверняка есть что-то большее. Да и являются ли люди все еще его родом? Можно ли называть Кенниса человеком?

Он возвращался к Инаис еще несколько раз. Целую луну кружил вокруг дома ее тетки, никого не трогая в округе. Питался далеко, в других деревнях, на землях других предстателей. Теперь Кеннис с легкостью преодолевал огромные расстояния, мог за одну ночь долететь до океана и обратно.

В одну из этих ночей он впервые напал на кобрина. Подстерег вышедшую на балкон дочь предстателя – тоже очень привлекательную. Стройную, с глазами цвета расплавленного золота, недавно сменившую кожу. Кеннис вырос среди кобринов, привык к их облику и видел в нем свою красоту.

Но его ожидало разочарование. Во-первых, подчинить своей воле кобринку не удалось. Она не впала в полусон, не подставила покорно горло. При виде Кенниса зашипела, раздула

капюшон, принялась яростно бороться. А когда кобрины злятся, у них ускоряется ток крови, делая их быстрее и сильнее.

Шипят женщины кобринов гораздо пронзительней мужчин – и слышали ее во всем замке. Кеннис все-таки успел одолеть дочку предстателя, прокусил чешую, глотнул холодной змеиной крови... и с отвращением ее выплюнул. Прана-то в ней была, но не та, что ему годилась. Даже птичья кровь подошла бы лучше.

Такая красивая оболочка – и такая мерзость внутри. За невозможностью стереть кобринке память Кеннис просто свернул ей шею – и растворился туманом.

Нашедший тело дочери предстатель раздул капюшон так, что стал вдвое шире. Погладив золотящуюся в свете луны чешую, он гневно повернулся к слугам и прошипел:

– Отыскать ублюдка. Привести ко мне. И лучше живым. Клянусь Яйцом, я не дам ему легкой смерти.

Его пальцы коснулись следов на шее дочери. Предстатель ковырнул когтем глубокое отверстие, из которого все еще сочилась кровь, потелепал раздвоенным языком и окликнул:

– Исси. Подойди. Что ты там говорил про страшные сказки рабов? Напомни-ка.

Кеннис тем временем продолжал подсматривать за Инаис. Невозможность утолять жажду кобринской кровью огорчила его, но не слишком сильно. Это на востоке империи чешуйчатые господа на каждом шагу, а здесь, на северо-западе, их не враз и встретишь. Пищи довольно, приближаться к замкам предстателей нужды нет.

Только вот кобрины принялись его выслеживать. Предстатель послал гонца к окружному наместнику и выпросил в помощь чародея. По ночам на стенах выставляли караулы, дорожные разъезды удвоили, в деревнях рабов появились часовые.

Кеннис не боялся кобринов, но охотиться стало труднее. Он привык есть спокойно и безнаказанно, подзывая людей одной мыслью и не боясь, что добыча вдруг начнет трепыхаться. Но на кобринов его сила не действовала, а биения их сердец Кеннис не слышал. В любой момент трапезу могли прервать крики, топот, свет факелов.

Возможно, есть смысл перебраться в другое место. Еще западнее, к устью Средиземной реки, на самую окраину империи. Там о нем точно еще не слышали, и там он уж к кобринам лезть не станет.

С другой стороны – как-то это мелко, вести подобную жизнь. Он словно какой-то ночной воришка. Лиса, украдкой таскающая кур. Разве он к этому стремился, разве этого хотел?

Но Кеннис не был готов к тому, чтобы бросать вызов кобринам. Вокруг него по-прежнему империя Великого Змея. Не один чешуйчатый предстатель со своей дружиной, а целая держава – с многочисленным войском, налаженной связью, отличными дорогами...

И чародеями. Не стоит забывать о чародеях.

А Кеннис всего один. И хотя новое могущество буквально опьяняло, на целую империю его точно не хватит. Что ему – вырезать кобринов по очереди, пока не закончатся? Или отправиться в столицу и свергнуть царя-змея и верховного жреца?

Второй вариант не так уж и плох, если подумать. Но даже если Кеннис их убьет – он не получит власть над империей. Кобрины такого владыку не примут, а люди не поднимутся на восстание под водительством мертвеца-кровососа.

Хотя мысль о собственной стране Кеннису понравилась. С каждой ночью она все сильнее его прельщала. Он летал над рисовыми полями, охотился на поздних путников, навевался к девице, что так зацепила его сердце – и не переставал размышлять.

Он был бы хорошим правителем. Справедливым и милостивым. Он бы заботился о своих подданных. Под его руководством они бы жили мирно и процветали...

– П-ха!.. – невольно фыркнул Дегатти.

– А что? – пожал плечами Янгфанхофен. – Кеннис в самом деле так думал. Он не Бельзедор, у него не было мыслей типа: создам Империю Зла и буду всех угнетать!

– Ты забыл про злоеющий хохот, – любезно добавил Бельзедор. – Кеннис ему так и не научился.

Возможно, Кеннис уже убрался бы из этих краев, но девица Инаис его словно приворожила. И он не знал, что с этим делать. Просто забыть о ней казалось невозможным. Убить не поднималась рука. И в то же время он понимал, что склонить ее к близости не выйдет.

Возможно, эти смешанные чувства уйдут, если Кеннис ее отведаст. Немного. Чуть-чуть. Испробует на вкус, узнает, что кровь ее такая же, как у всех остальных...

А если не такая же? Не просто же так он запал именно на нее. Должна быть какая-то причина.

И Кеннис решил проверить.

В один прекрасный день, когда Инаис пошла в лес по ягоды, из-за дерева вышел Кеннис. Он был одет в струящееся одеяние, выкрашенное драгоценным кармином. Алый цвет контрастировал с его мертвенно-бледной кожей и очень выделял среди влажной зелени. И однако Инаис почему-то до последней секунды его не замечала.

В руках Кеннис держал букет цветов – красных и белых. Он очень тщательно их подобрал.

– Не бойся, – сказал он обомлевшей девушке.

– Сейчас же... день, – пролепетала она. – Ты... не можешь... под солнцем...

– Да, жарковато сегодня, – согласился Кеннис. – Но солнце мне не вредит, это вы сами выдумали. Я просто предпочитаю покров ночи. Но ради тебя я сделал исключение.

От страха Инаис уронила корзинку. Кеннис недовольно глянул на рассыпавшиеся ягоды, сверкнул глазами, и те сами собой вернулись обратно.

Его всегда раздражал беспорядок.

– Не стоило, – сказала девушка, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Я все равно не смогу отнести их тете.

– Почему же? – спросил Кеннис.

– Ты же меня сейчас съешь. Ты ведь для этого здесь?

Уголки губ Кенниса изогнулись, из-под них чуть заметно высунулись клыки. Он с иронией рассматривал Инаис. В отличие от Кенниса, одета она была в простое парео – некрашенное, старое, кое-где прохудившееся.

– Нет, не для этого, – чуть помолчав, сказал Кеннис.

Сначала он хотел пошутить. Съязвить что-нибудь насчет цветов – что, мол, да, принес их на могилу положить. Но в последний момент понял, что это будет глупо и грубо, да и девушка запросто может принять за чистую монету.

Она же его до смерти боится. Не смеет даже броситься наутек. И Кеннису хотелось как-нибудь ее успокоить, утешить... но только не волшебством! Это будет не то. Он не хотел, чтобы ее глаза помутнели, как у всех остальных, стали пустыми и покорными.

– Ты права, я чудовище, – еще чуть помолчав, сказал Кеннис. – Людоед и кровопийца. Но это не моя вина – меня таким сделали. Превратили в... того, кто я есть. Но после встречи с тобой... во мне что-то изменилось. Во мне будто снова проснулся человек. Тот, которым я был раньше.

– Ты даже не знаешь моего имени, – все еще настороженно сказала Инаис.

Но корзинку она подобрала. Сделала робкий шаг навстречу Кеннису. И ее сердце забило чуть ровнее – страха поубавилось. Кеннис, это биение пристально слушающий, довольно кивнул. Кажется, он выбрал верный тон.

– Я знаю твое имя, Инаис, – сказал он. – Узнал не так давно. Услышал случайно, когда пролетал мимо Захолмья и вдруг тебя увидел. Ты там кого-то навещала? Твой дом ведь по другую сторону холма, я верно помню?

Девушка несмело кивнула. Кажется, поверила, что Кеннис случайно заметил ее в той, другой деревне. Не стоит говорить, что он почти полторы луны за ней следил. Такое пугает, даже если это делает обычный человек.

– Я навещала тетю, – сказала Инаис. – А ты... ты никого не тронул, когда пролетал мимо?

– А разве у вас там кто-нибудь пропал? – ответил вопросом на вопрос Кеннис.

– Нет... кажется.

– Я давно уже никого не убиваю. С нашей первой встречи. Ты придала мне сил бороться с проклятием, Инаис. Спасибо тебе. Возьмешь? Я долго их собирал.

Он протянул девушке букет, и та неожиданно для себя его приняла. На ее щеки невольно напал румянец, сердце забилося чуть быстрее. Кеннис отчетливо это слышал.

Теперь главное – не спугнуть. Инаис сейчас – как трепещущая лань, которая робко съела с его ладони грушу. Но стоит ему неосторожно двинуться – и умчится в лес.

– Я не Инаис, – вдруг сказала она. – Меня не так зовут.

– Что?.. – изумился Кеннис. – Но я же сам слышал... Инька?..

– Инька, – кивнула девушка. – А полностью – Инеида.

Тут Кеннис впервые стушевался. На востоке империи было имя Инаис, и он подумал... но он не учел, что это противоположный конец материка, тут у людей даже язык другой...

Это он и попытался объяснить. Вышло бессвязно и путано, но от этого взгляд Инеиды чуть заметно потеплел. Кеннис в этот момент выглядел очень человечно. Был неловок, как бывают многие влюбленные мужчины.

Так что даже эта ошибка в итоге сыграла ему на пользу.

После долгих колебаний Инеида согласилась встретиться с ним еще раз. Кеннис умолил ее, сказав, что ее взгляд и голос возвращают его к свету, помогают не рухнуть в пучину проклятия. Девушка не подала виду, но ей это польстило. К тому же она испугалась, что в случае отказа Кеннис снова начнет убивать – и договорилась о свидании на закате.

Кеннис явился точно в срок. Перед этим он предусмотрительно слетал в дальнюю деревню и напился там досыта. Не хотел соблазниться, когда Инеида будет совсем рядом.

Девушка в этот раз оделась наряднее, и Кеннис это отметил. Конечно, это не было что-то дорогое, у обычной-то крестьянки, рабыни кобрина-предстателя. Но было видно, что она надела свое лучшее сари – праздничное, вероятно. То, что держат в дальнем сундуке и достают лишь несколько раз в год, по особым случаям.

Гуляя по лесу, вдали от любопытных глаз, Кеннис рассказал Инеиде почти всю свою историю. Он умолчал о некоторых деталях, сгладил некоторые углы, а кое-что и приукрасил. Эстерляка в его версии обернулась злоущей каргой, которая всю жизнь была Кенниса и издевалась, а старичина Дзо благополучно умер своей смертью, сжимая ладонь приемного сына.

И про Совиту он, конечно, не обмолвился ни словом. В его рассказе Кенниса сделали таким злые кобрины-чародеи. Мол, поймали его в лесу, когда он хоронил доброго огра, уволокли в свою пыточную и там несколько лет колдовали, пока не превратили... вот в это. А потом выпустили, чтобы он носился повсюду и внушал страх своим бывшим сородичам. Чтобы по сильнее трепетали и не пытались бунтовать.

Кеннис рассказывал так проникновенно, что даже сам почти поверил – все именно так и было. Он бы всплакнул, но глаза мертвеца не выдавили ни слезинки.

А вот Инеиду проняло. Она смотрела теперь на Кенниса с сочувствием, ее грудь вздымалась, дыхание стало прерывистым. Она как будто сдерживала рыдания.

– И что же... нет никакого способа?.. – пролепетала она. – Снять проклятие... вылечить?..

– Я такого не знаю, – покачал головой Кеннис. – Это же не сказка, в которой исцелить может поцелуй любви.

– Да, это не сказка... – вздохнула Инеида, отвернувшись.

Тут следует заметить, что несмотря на свою новую сущность, Кеннис оставался очень привлекательным мужчиной. После смерти он стал даже еще привлекательней – теперь к этому прибавился какой-то эльфийский магнетизм, своеобразное темное очарование. Слушая историю, Инеида то и дело украдкой на него поглядывала. Ей было все жальче несчастного отверженного, а его образ приобрел романтический флёр.

Мужчина с драматичной и мрачной судьбой. Испокон веку это заставляло трепетать девичьи сердца. Кеннис умело играл на струнах души Инеиды – изначальное чувство отвращения сменилось сочувствием, а то – симпатией.

И в конце первого свидания Инеида согласилась на второе. Правда, сама она еще не воспринимала их как свидания. Гнала от себя эту мысль, по-прежнему держа в голове – перед ней не человек, а ночная тварь.

В то же время ей это отчасти льстило. Ночная тварь при виде нее оттринула свою кровожадность. Бесстрастное чудовище вспыхнуло к Инеиде чувством искренней любви.

Даже если женщины себе в этом не признаются, им такое всегда приятно. Недаром же существует столько сказаний, где красавица спасает чудовище. Очень архетипичный сюжет, идет с древнейших времен.

Только вот Кеннис хоть и вспыхнул к Инеиде чувством, спастись отнюдь не желал. Перед следующим свиданием он опять хорошенько утолил голод. Явился к своей возлюбленной сытым, с довольной улыбкой на устах.

Ел он теперь очень далеко, на землях других предстателей. Не хотел, чтобы до Инеиды донесся даже случайный слух. Убивать он уже давно не убивал, выпивал не больше того, что человек мог потерять без ущерба для себя.

Так получалось выгоднее и для самого Кенниса. Бурдюки становились многообразными, а о его посещениях никто даже не узнавал. Одно дело – пара крохотных ранок на шее и странная слабость поутру, и совсем другое – обескровленный труп.

А прогулки с Инеидой действительно стали для него отрадой. Почти каждый вечер он прилетал на уговоренное место и наслаждался простой беседой. Кеннис даже не представлял, как соскучился по этой возможности. Слишком долго он прожил один в лесу, слишком давно вел с кем-то нормальный разговор.

Инеида с каждым разом вела себя все свободнее. Она уверилась, что Кеннис оправился от проклятья, что он больше никого не трогает, и говорила с ним почти как с другом. Рассказывала о своей жизни, о делах, и расспрашивала о его путешествиях, о колдовстве.

Оказалось, что она слышала о старичине Дзо. Покойный огр был чем-то вроде местной достопримечательности, его многие знали. Инеида была еще девочкой, когда он умер, но хорошо помнила огромную фигуру с коробом, полным целебных снадобий. Деревенские всегда радовались его приходу, норовили поболтать, угостить чем-нибудь.

– Мне тоже его не хватает, – покивал Кеннис. – Мой учитель был добрым стариком.

– А что, он не научил тебя никакому... ну, способу снять проклятье? – осторожно спросила Инеида.

– Это кобринская магия. Темное змеиное колдовство. Дзо о таком и не ведывал.

– Так, может, книги какие остались? Ты не возвращался в его берлогу?

– Хижину. Мы с ним жили в хижине. Хочешь ее увидеть?

– Да она, наверное, далеко...

– Так я умею летать. Хочешь прокатиться?

– Но... меня же тетя ждет... – засомневалась Инеида, хотя пульс ее участился.

– Так мы быстро. Я очень быстро летаю. Разве тебе никогда не хотелось увидеть мир таким, каким видят его птицы?

Соблазн был велик, и девушка согласилась. Кеннис с легкостью взмыл в небо вместе с ней, и над кронами рассыпался залиvistый смех. Инеиде было страшно, она легонько повизгивала – но ее сердце сладко замирало, а дивная панорама привела в восторг.

К старой хижине Кеннис уже давно не возвращался. Подлетая ближе, он внимательно прислушался – не вернулся ли Тварька? Быть беде, если так.

Но василиск не вернулся, и отчасти это Кенниса расстроило.

За пару минувших лун хижина почти не изменилась. Покойный огр строил на века. Разве что травы вокруг выросло еще больше, да птицы угнездились на крыше. Нет, Тварьки поблизости точно нет.

Жилище огра-колдуна привело Инеиду в искреннее восхищение. В сравнении с хижинами деревенских оно казалось настоящим замком. Она в изумлении рассматривала огромный стол, стул и котел, заглянула нерешительно в погреб, полистала огромную книгу и вздохнула. Читать она не умела, разумеется.

Кеннис ей не мешал. Он прислонился к косяку и с иронией рассматривал восторженную девушку. Она и впрямь больше его не боялась.

Хотя стоило бы. Он сегодня остался без трапезы. Собираясь перекусить одной упитанной дояркой, к которой навевался уже трижды, но та нехотела прихворнула. Кеннис видел ее в окне – бедняжка сильно исхудала и побледнела. Возможно, не стоит использовать одни и те же бурдюки так часто, лучше чередовать.

И сейчас взгляд Кенниса нет-нет, и останавливался на шейке Инеиды. Он отчетливо видел там каждую вену, чувствовал каждый сосуд под кожей. Слышал, как бежит по ним кровь, напоенная бесценной праной.

Страшный соблазн. Слово мыш, бегающая под самым носом у кошки. Но здесь на Кенниса как будто смотрел дух покойного Дзо – и недобро так смотрел, с осуждением.

Нет-нет, не так это должно быть. Не здесь. Кеннис слишком долго готовил это блюдо, он не может вкисить его как попало. Это будет совершенно особенная трапеза.

Но жажда все усиливается. Он может терпеть, но не когда совсем рядом ходит такой соблазнительный бурдюк. Нужно распрощаться с Инеидой и отправиться на охоту... но он сам неосторожно увез ее в самое сердце леса. Домой она сама дорогу не найдет, да и опасно тут бывает ночью.

Значит, нужно и обратно отвезти. Но при одной мысли о том, что это тугое трепещущее тело снова прильнет к нему, что он снова будет собственной кожей чувствовать биение ее сердца... нет, он может сорваться. Даже очень легко.

Змеиное дерьмо. Кеннис сам себя загнал в ловушку.

– Инеида... – хрипло позвал он, пока девушка рассматривала картинки в книге. – Ты... ты сможешь дойти домой сама?..

– Что?.. Отсюда?.. – растерялась Инеида. – Не... не смогу. Я не запомнила дорогу... А ты меня разве не?..

– Тогда подожди меня здесь... до утра... – попросил Кеннис. – Мне нужно... скрыться...

– Что?.. Где?.. Почему?.. Меня тетка убьет!.. – взмолилась Инеида. – Она и так уже плохо обо мне думает!

– Луна... – указал трясущейся рукой Кеннис. – Сегодня полнолуние... я совсем забыл...

– О чем забыл?..

– Когда луна полная, проклятие усиливается... становится совсем неумолимой... Я должен уйти подальше ото всех, иначе не выдержу... вцеплюсь в кого-нибудь...

Инеида спала с лица. Невольно отступила, прижалась к стене.

– Нет... нет... тебя я не трону... – немного картинно прикрылся рукой Кеннис. – Никогда... Я... я уйду в лес... Оставайся в хижине до утра... не выходи...

– Но это же значит, что ты пойдешь и убьешь кого-то другого?!

– Я... я попробую добраться до моей пещеры... Там есть бурдюк свиной крови... в полнолуние я отпиваю немного и мне легче... но сегодня я забыл...

– Так почему бы тебе не зарезать в лесу дикого зверя?! – предложила Инеида. – Тут полно зайцев и агути! Или скотину в деревне!

Кеннис на миг запнулся. Змеиное дерьмо. Инеида оказалась сообразительней, чем он думал. Недооценил. Не стоило давать столько подробностей, вранье этого не любит. Теперь нужно как-то обосновать, почему он не может убить зверя, а после упоминания свиной крови это будет сложно.

– Охотиться на дичь в таком состоянии я не могу... – отвел взгляд Кеннис. – А скотина... я ведь в тот раз тоже хотел напасть только на скотину... Помнишь, когда мы впервые встретились? Мне нельзя даже приближаться к людям, проклятие сильнее меня...

– Но ведь тогда не было полнолуния, – припомнила Инеида.

– Да, но это было до нашей встречи с тобой, – уже чуть раздраженно ответил Кеннис. – Твое влияние ослабило проклятие и теперь оно набирает полную силу только в полнолуние. А раньше у меня так было почти каждую ночь.

– Но...

– Нет, я больше не могу! Я должен!.. – выбежал в дверь Кеннис.

Но не слишком быстро. Он мог двигаться быстрее пущенного из пращи камня, но в этот раз нарочно начал ковылять, шаркать. Давал Инеиде время сообразить, догадаться.

И она догадалась. В ее взгляде промелькнула решимость, и она крикнула вслед:

– А тебе обязательно убивать, чтобы облегчить проклятие?!

– Нет! – тут же развернулся Кеннис. – Достаточно пары глотков... нескольких капель!..

– Тогда возьми у меня, – тихо произнесла Инеида. – Сколько нужно.

– Ты... ты уверена? – вдруг оказался совсем рядом с ней Кеннис. – Ты пойдешь на такую жертву?... ради меня?..

Вместо ответа Инеида подала ему запястье, а сама плотно зажмурилась. Кеннис коснулся ее руки, и девушка мелко задрожала.

– Лучше из шеи, – хрипло произнес он. – В руке вены слишком тонкие. Я могу тебя поранить.

Инеида задрожала еще сильнее, но отступать уже не посмела. Она покорно подставила горло, и Кеннис обнял ее, точно возлюбленный.

Впервые кто-то поил его добровольно – не схваченный силой, не с затуманенным рассудком. Кеннис вонзил клыки в сонную артерию, глотнул – и девушка издала громкий стон.

Но это не был стон боли!.. Инеида откинулась, точно в наслаждении – и сам Кеннис тоже получил прилив энергии огромной силы! Он понял, что не зря так долго готовил это пиршество – оно и впрямь оказалось ни с чем не сравнимым!

Это было что-то совсем новое. Непознанное. Инеида стонала все громче, ее глаза закатились, по шее текла кровь... а Кеннис хотел прерваться, но все медлил, все медлил... жаждал еще одно мгновение, еще один только глоток...

Неимоверным усилием воли он все же остановился. В самый последний момент. Он слишком много вложил в этот бурдюк, чтобы вот так выпить его в один присест.

Инеида безвольно повисла на руках Кенниса. Смертельно побледневшая, она почти перешагнула врата Шиасса. Кеннис почувствовал легкую панику, поспешно уложил девушку на постель и кинулся к столу, где пылились давно заброшенные ступка с пестом, весы, дистиллятор...

Снадобье от малокровия. Кеннис знал его рецепт. Зверобой, тысячелистник, корневище солодки, трава череды и первоцвета, еще кое-какие травы и ягоды... но у него нет этих ингредиентов. Он давно уже этим не занимался.

К тому же это снадобье от хронического малокровия. А у нее большая потеря крови прямо сейчас. Тут нужно дать побольше сладкой воды и надеяться на лучшее.

Но и сладкой воды у Кенниса нет. Здесь вообще нет ничего съестного, и давно уже.

Дыхание Инеиды стало прерывистым. Кеннис встал над ней и нахмурился. Если ничего не сделать, она умрет. Наверное, стоит облегчить ее муки и допить то, что осталось... или нет?.. Что если просто вернуть ей часть праны? Это основа магии крови, кобрины постоянно лечили так друг друга. Кеннис сам когда-то предлагал такое Эстерляке.

Проще и быстрее всего передать напрямую. Кеннис раскрыл Инеиде рот, взял самый острый нож и резанул запястье. Оттуда заструился только сизый дымок, но Кеннис уже знал, что с этим делать. Он сосредоточился, материализовал поток праны, и дым обернулся жидкостью. Тягучей темной кровью.

Почти целую минуту она капала в рот девушки. Кеннис поддерживал голову так, чтобы она не поперхнулась. Не отпускал, пока не уверился – спонтанное решение подействовало, Инеида не умрет.

В сознание она не приходила. Кеннис еще немного поразмыслил, а потом поднял девушку и полетел в деревню Захолмье, к ее тетке.

Как он и думал, с Инеидой на руках он смог войти в дом свободно. Тетка уже спала. Кеннис уложил возлюбленную в постель и выскользнул в окно.

– Возлюбленную, – закатил глаза Дегатти. – Возлюбленную. Янгфанхофен, ты уж ври, да не завирайся.

– Ну он ее так воспринимал, – развел руками Янгфанхофен.

– Он же ее как бурдюк крови воспринимал.

– Но это возлюбленный бурдюк крови. Самый аппетитный.

После этого Кеннис решил дать Инеиде несколько дней на передышку. Пусть пока побудет одна. Потом он навестит ее, осторожно выяснит, как она ко всему этому отнеслась... ну а там посмотрим. Если после этой ночи Инеида больше не захочет его видеть... что ж, он поймет. Допьет то, что в ней осталось, и забудет об этой женщине навсегда.

Хотя ему не хотелось забывать. Кровь, отданная добровольно, оказалась самой лакомой. В ней было столько энергии, что следующие две ночи Кеннис вовсе не летал на охоту. Ему просто не хотелось, он был слишком сыт. Вернувшись в хижину старичины Дзо, он ночами валялся на постели, а днем залезал в погреб. И не переставал думать об Инеиде.

А на третью ночь Инеида явилась к нему сама. Кеннис как раз выбрался из погреба, как раз стал размышлять, что вот сегодня уже можно и слетать за свежатиной... когда дверь распахнулась.

На пороге стояла растрепанная окровавленная женщина. Кеннис не сразу узнал в ней Инеиду – так сильно она изменилась. Лицо стало белей бумаги, черты лица впали и заострились, а из-под верхней губы... торчали клыки.

– Что ты со мной сделал?! – возопила девушка.

– Инеида, я... – изумленно начал Кеннис, но закончить не успел. Инеида прыгнула на него и ударила с такой силой, что Кеннис упал.

Не удержав равновесия, он рухнул обратно в погреб. Следом уже летела Инеида – она схватила один из висящих под потолком крюков и засадила его Кеннису в грудь.

– Оф-ф, – произнес он растерянно. – Знаешь, этим меня не убить.

– Меня теперь тоже! – отчаянно воскликнула Инеида, колотя и рубя Кенниса. – Они пытались!

– Кто?.. а-ах!.. прекрати!.. Инька, я не знал!.. Такого раньше не было!..

– С чего... мне... тебе... верить?! – вопила Инеида между ударами.

– Прекрати! – повысил голос Кеннис.

Он подпустил в него власти – и Инеида послушалась. Ее руки как будто обмякли, крюк выпал. Девушка упала на колени и зарыдала... без слез. Глаза остались сухими, как оставались всегда у Кенниса.

– Я действительно не знал, – произнес Кеннис, пока у него смыкалась грудная клетка. – Я бы не заставил тебя через это проходить.

– Что мне теперь делать? – мертвым голосом спросила Инеида. – Я убила тетю Асси. Я пила ее кровь. Соседи знают. Они пытались меня убить. Я убежала. Я не знала, куда еще идти.

– Ну-ну, – приобнял ее Кеннис.

– Не трогай меня! – вызверилась Инеида.

Кеннис встал над ней, сложив руки на груди. Он чувствовал, что может просто ей приказать, и она подчинится. Но он не стал этого делать. Внутри Кенниса все пело, потому что он наконец понял, как исполнилось его третье желание. Пусть случайно, но он узнал, как создавать ему подобных.

И он станет их лидером. Всесильным патриархом. От него пойдет новый род – бессмертных могущественных существ. Настоящих королей и королев ночи.

Когда Инеида успокоилась, то согласилась выйти наверх и поговорить. До самого рассвета они с Кеннисом беседовали – теперь как равные. Инеида больше ему не верила, а от симпатии не осталось даже следа, но теперь она стала странным образом повязана с тем, кто ее обратил. Между ними будто протянулась нерасторжимая связь, незримая ментальная нить.

– Я знала, где ты, – уныло говорила Инеида. – Я откуда-то знала это точно. Я не хотела идти... но мне больше некуда было идти.

– Ну-ну, – повторил Кеннис. – Не все так плохо. Теперь ты навечно останешься молодой и прекрасной.

– И буду пить кровь. Убивать.

– Убивать необязательно.

– Ты меня убил.

– Убил?.. или улучшил?..

– Убил.

– Обсудим это позже, – поднялся на ноги Кеннис. – По-моему, у нас гости.

По утреннему лесу двигался розыскной отряд. Полтора десятка кобринов – в полном боевом облачении, верхом на двуногих ящерах. Впереди с клетотом семенили василиски – целых пять охотничьих василисков. Без колпачков, убивающие взглядом все, что видели.

– Кобрины, ящеры и василиски, – цокнул языком Кеннис. – Как назло. Я слегка проголодался, но тут только несъедобные.

– Кобрины несъедобные?.. – переспросила Инеида.

– Они рептилии. У них кровь холодная. Нам годится только звериная и птичья.

– И человеческая.

– Эта лучше всех. Но ты и сама уже поняла.

– С ними василиски, – указала Инеида. – Мы трупы.

– Мы трупы, да, – ухмыльнулся Кеннис. – Глупые кобрины. Василиск не может убить то, что уже мертво.

– Так я все-таки мертва, – посмотрела на свои ладони Инеида.

– Мертва, – кивнул Кеннис. – Ты прости уж.

На этом их разговор прервался – кобрины подъехали к хижине.

– Ты умеешь скрываться в Тени? – быстро спросил Кеннис.

– Что?..

– Ладно, я скрою нас обоих.

Прежде, чем их успели заметить, два мертвеца обратились в туман. Гортанно выкрикивая, кобрины спешили, разбежались вокруг хижины, заглянули и в нее саму. Василиски носились кругами, искали след. Они шли по нему от самого Захолмья.

А один из василисков отделился от остальных, вспорхнул на крышу и убил взглядом гнездящихся на ней птиц. Злобно курлыча, он принялся разорять гнездо, совсем забыв о командах.

– Ярыть, да пристрелите уже кто-нибудь эту дворнягу! – прошипел один из кобринов. – Зря я вообще взял его в свору!

Василиск покосился на него безумным взглядом и выпустил тугую струю. Кеннис при виде этого невольно ахнул и вышел из Тени.

– Тварька?.. – недоверчиво спросил он.

– Вот он! – зателепали языками кобрины. – Вампир!

Вампир?.. Кеннис нахмурился. Ему не понравилось это слово. Кобрины называют так персонажей старых сказок, оживших мертвецов-кровососов... а, хотя да. Справедливо.

Впрочем, это все неважно. Важно то, что...

– Тварька!.. – позвал Кеннис.

Василиск заклекотал. Это точно был он – и он сразу узнал Кенниса.

И, разумеется, тут же попытался его убить.

– Не выйдет, – ласково сказал Кеннис, почесывая василиску шею. – Тварька тупой. Тупой Тварька.

Курлыча, Тварька уместился у Кенниса на руках. А он повернулся к опешившим кобринам и воскликнул:

– Спасибо, что вернули моего питомца! Но, мне кажется, ради такого дела не стоило собирать целый отряд!

– Оно... оно говорит! – выпучил глаза какой-то кобрин. – Вампир говорит!

– Это значит, что он убивал сознательно, – мрачно произнес предстатель. – И это отягчает вину.

В воздухе просвистели дротики. Погонщик василисков хлестнул языком, и те разом усталились на Кенниса. Сверлили его взглядами, как бешеные. Кобрин-чародей крутанул обручи на запястьях, и из надрезанных особым образом чешуек заструилась кровь.

Выпущенная прана оформилась в заклятие. Незримый для остальных лиловый клуб накрыл Кенниса, и тело налилось мертвенным холодом. Перед глазами все поплыло.

– Я упокою тебя навек, неживое! – гортанно прошипел маг. Татуировки на его чешуе засветились красным.

– Тварька, в хижину, – приказал Кеннис, отпуская василиска.

Тот истошно закурлыкал и умчался в лес. Кеннис закатил глаза.

В живот вонзился дротик. Еще один – проломил ребра и застрял в груди. Чародей продолжал крутить руками, обращая капельки собственной крови в дурманящие чары, навевая Кеннису сонное оцепенение.

Но больно ему от этого не было. На мгновение всего Кеннис задумался, а потом... исчез. Обернулся туманом, расплылся на всю поляну. Кобрины заматались, выставили свои серпообразные клинки...

– Спокойствие! – гаркнул предстатель. – Спиной к спине!

Один кобрин вскрикнул. Прямо за его спиной возник Кеннис – и одним движением сломал шею. Хрустнул твердый хребет, на миг вздулся капюшон – и чешуйчатый воин опал.

– Колдун!.. – воззвал к чародею предстатель.

Тот уже ворожил иное. Его татуировки светились все сильнее, над головой висела пурпурная взвесь. Щелчок!.. и туман рассеялся. Кеннис стал виден – как серебрящийся безликий силуэт, но виден.

И Инеида показалась тоже.

– Там второй!.. – указал кто-то на нее.

– Великий Змей, их уже двое!..

– Инька, беги! – крикнул Кеннис.

В воздухе уже пахло рябиной. Среди кобринов тоже нашлись те, кто знал, что делать с живыми мертвецами. И Кеннис не мог просто отвести им взгляды, подчинить разумы – на холоднокровных его сила не действовала.

– Глупе-е-ец! – насмешливо прошипел чародей. – Теперь я знаю ее имя!

– Значит, ты умрешь прямо сейчас, – переместился к нему Кеннис.

Верхушки деревьев уже позолотил рассвет, но поляны свет еще не достиг. Кеннис не знал, насколько сильно солнце будет обжигать Инеиду, а потому торопился. Сам обратившись к магии, он обернулся огромной виверной – и чародея схватили страшные когти.

Чешую будто прорвали стальные клещи. Кровь хлынула у чародея горлом, но он снова крутанул запястьем. Весь этот алый поток враз отдал свою прану, весь обернулся заклинанием – и Кенниса объяло огнем. Бушующим пламенем.

Виверна упала наземь, снова становясь человеком. Заметавшись, Кеннис сорвал с себя плащ – а тут его еще и пронзили копьями. Восемь воинов сразу насадили его на пики – а остальные бежали в хижину во главе с предстателем.

Кеннис не насыщался уже трое суток. Но в нем еще бурлила энергия, полученная от Инеиды. Он не чувствовал себя сытым, но сил было вдоволь. Не чувствуя боли, он резко крутанулся – и сломал все копья разом. Наконечники остались внутри, но Кеннис того даже не заметил. Метнувшись вперед, он выпустил когти – и отшвырнул сразу два трупа.

Еще через минуту погибли и остальные. Бессмертное чудовище металось вихрем, выпущкая кишки и разбрызгивая кровь. Кеннис оторвал головы цепным василискам, разорвал в клочья верховых ящеров. Его охватило какое-то безумие, желание убивать.

А Инеида пятилась, огрызаясь на кобринов. Четыре воина и предстатель все плотнее прижимали ее к стене. Кто-то швырнул факел, постель занялась пламенем. Воины потрясали копьями, не давали двинуться, а предстатель... предстатель целил в сердце Инеиды красивым мечом с блестящей вязью.

Девушка не сильно-то и противилась. Ей было страшно умирать, но и жить вот такой она не хотела. Инеиде не доставало духу просто шагнуть вперед, самой насадиться на копья – но она почти надеялась, что это случится.

– Инеида, я сказал – беги! – рывкнул Кеннис, появляясь в дверном проеме.

Но ей некуда было бежать. И в последний раз улыбнувшись, Инеида все-таки шагнула вперед.

Прямо на меч предстателя.

Кеннис в первый момент даже не испугался. Наоборот – изогнул губы в усмешке. Кто-то, а он многократно уже выяснил, насколько безвреден ему подобным острый металл. Будь это осиновая щепка, дело другое, но кто пойдет в бой с деревянным мечом?

Однако... Инеида не осталась на ногах. Когда клинок вошел в ее тело, она страшно закричала и... и повалилась кулем!

Секундой спустя предстателю оторвало голову, остальных воинов разбрызгало в кашу, а Кеннис вырвал меч из тела Инеиды. Та лежала, не подавая признаков жизни.

– И в чем тут секрет?.. – задумчиво молвил он, рассматривая меч. – Магия?.. Не чувствую. Хм... обычная сталь... Рисунок... руны?.. нет... серебро?.. Любопытно, любопытно...

Отпихнув мертвую Инеиду ногой, Кеннис увлеченно принялся изучать новую игрушку. Ему стало очень интересно – что же это за сила способна все-таки убить вампира?

Кеннис даже не заметил, что уже сам называет себя этим кобринским словом – вампир.

Когда Инеида очнулась, вокруг было темно. Она повела руками и наткнулась на дерево. Пол слегка покачивался, слышался приглушенный шум... будто вода плещется.

Сначала она решила, что лежит в гробу. Что ее похоронили. Но толкнув посильнее, она открыла крышку – и оказалось, что это просто большой сундук, стоящий в огромном... погребе?... В ногах у Инеиды почему-то лежала бухта толстой веревки, а сама она была накрыта штукой полотна.

– Где я?... – обратилась она в никуда.

– На нашем замечательном корабле «Новая надежда», – прозвучал голос. – Доброе утро, дорогая. Хорошо ли тебе спалось?

Инеида в легком отчаянии уставилась на Кенниса. Тот сидел на бочке и обманчиво мягко улыбался.

– Я не умерла, – упавшим голосом произнесла она.

– Нет, не умерла. Если б это было так просто, мы бы тут не стояли, – спокойно сказал Кеннис. – Я много раз пытался. Нас ничто не берет. Хотя серебро действует надежнее всего остального. Я даже думал, что ты умерла окончательно – но нет, ты вернулась. Хотя и спустя целый год.

– Год?!

– Год, год. Пойдем, покажу наш корабль.

Что ей оставалось? Инеида выбралась из пыльного сундука и покорно двинулась за Кеннисом.

– Извини, что пробуждение не было торжественным, – сказал он. – Я не знал, когда ты очнешься. Почувствовал в самый последний момент. Кстати, хочешь подкрепиться? По себе знаю, после долгого сна голод страшный.

У Инеиды глаза полезли из орбит. На втором ярусе трюма были прикованы живые люди. Рабы. Не меньше трех десятков – все обнаженные, со множеством ранок на теле.

– Наши запасы в дорогу, – объяснил Кеннис. – Угощайся. Только вот этого и этого не трогай – их кусали слишком часто, а клетки упырей переполнены.

Инеида резко обернулась – и увидела эти самые клетки. В них тоже сидели люди... только жуткие, изуродованные. Чем-то похожие на нее саму и на Кенниса, но с пустыми взглядами и искореженными телами. Их плоть частично разложилась и ужасно воняла.

– Я обнаружил эту проблему уже в плавании, – досадливо произнес Кеннис. – Я постарался подготовиться ко всему, но это оказалось сюрпризом. Надеюсь, тебя не слишком побеспокоит их общество, дорогая. Я собираюсь с ними экспериментировать, так что в море выкидывать не хочу. Хотя придется, если появятся новые.

Инеида издала сдавленный стон. Кеннис, не обращая внимания, вывел ее наверх, на палубу – и она увидела вокруг бескрайние волны. Они мерцали в лунном свете.

Море. Инеида много слышала о нем и всегда мечтала увидеть. Даже сейчас, даже при таких обстоятельствах она невольно подошла к фальшборту и зачарованно воззрилась на горизонт.

– Куда мы плывем? – спросила она.

– Сам пока не знаю, – ответил Кеннис. – Куда-нибудь в новые земли. Туда, где нет кобринов, а есть только люди. Там я создам новую страну – только для нас. Для вампиров. Кстати, ты еще не видела свою каюту. Пойдем. Покажу тебе все сразу.

Инеида никогда не была на кораблях. Оторвавшись от разглядывания волн, она посмотрела на мачты, на паруса... их как раз натягивали двое мужчин. Двигались они вяло, у одного по подбородку текла слюна.

– Сначала я хотел обратить в вампиров целую команду, – поделился Кеннис. – Но тогда бы мне никакого трюма не хватило, чтобы всех прокормить. Так что все эти запасы внизу – это только для нас троих... ну, теперь четверых.

– Троих?... четверых?..

– Да. Познакомься с Афессой и Тейниной.

За дверью открылась комната, битком набитая сокровищами. Золото, шелка, драгоценная утварь. Посреди всего этого высилась громадная кровать с пуховыми подушками, а на них восседали две бледные красавицы... хотя прямо сейчас их было сложно таковыми назвать. Они красили друг другу лица, но словно специально старались сделать это похуже.

– Господин, очень трудно без зеркала! – пожаловалась рыжеволосая. – Можно что-нибудь с этим сделать?

– Нет, – отрезал Кеннис. – Только наслаждаться естественной красотой. Что прямо сейчас сделать сложно, ведь вы похожи на ведра с помоями. Позорите меня перед моей первой и самой любимой невестой.

– А?... Что?... – обменялись злыми взглядами Афесса и Тейнина.

– Ты меня снова накарсила пострашнее, да?! – воскликнула одна.

– Потому что я знала, что ты сделаешь то же самое! – парировала другая.

А Инеида почти что осела на пол. Этого оказалось слишком много для одного раза.

Но Кеннис ее подхватил. Держа вампиршу на руках, он ласково сказал:

– Ты совсем ослабела. Надо поесть. Пойдем.

– Не... не хочу... – прошептала она.

– Пойдем-пойдем... так, Тварька, отвали! Я тебя наружу не пущу, ты и так половину команды извел!

Василиск злобно зашипел и клюнул Кенниса в ногу.

Интерлюдия

– Янгфанхофен, – вздохнул Бельзедор. – Я просил рассказать историю повеселее. А ты опять драму закатил. В ней веселыми были только эпизоды с Тварькой. И то я подозреваю, что ты их сам выдумал.

– Нет, Тварька существовал на самом деле, – возразил Янгфанхофен. – Это исторический факт. Все знают, что у Кровавого Князя был ручной василиск. Он потом даже статую в его виде заказал, на фонтан установил. Это еще один исторический факт... и угадай, откуда лилась вода?

– Ха-ха, фекальный юмор от Паргоронского Корчмаря, – покачал головой Бельзедор. – Низкий сорт, Янгфанхофен, низкий сорт.

– Шутка специально для тебя, любитель веселых побасенок.

– По крайней мере, теперь понятно, почему все думали, что Кенниса создали кобрины, как оружие против теплокровных, – задумчиво сказал Дегатти, прерывая перебранку. – Я ведь тоже всегда так считал. Думал, что он просто вышел из-под контроля.

– Так многие думали, – подтвердил Янгфанхофен. – Кеннис сам распространил эту версию, и в Парифатской империи она стала чуть ли не общепринятой. Кобрины с этого хлебнули много горя, им потом Кенниса долго еще припоминали. Сам понимаешь, подлинную историю знали только сам Кеннис и Совита.

– А тебе эту историю Совита рассказала? – спросил Бельзедор.

– Кто же еще? Конечно, она.

– А других вампиров она создавала?

– И неоднократно. Да и иных тварей ночи. И на вашем Парифате, и в других мирах. Но Кеннис, конечно, самое удачное ее творение. Удивительно получился живучий и вредоносный. В одиночку принес вашему Парифату больше вреда, чем все наши демолорды, вместе взятые.

– Спорно, – возразил Бельзедор.

– Очень спорно, – согласился Дегатти. – Тем более, что Кенниса тоже создал демолорд. Зачем вообще Совита создавала всяких тварей?

– Она всегда завидовала Мазекресс, нашей Матери Демонов, – подал очередному посетителю стопку блинов Янгфанхофен. – Пыталась порождать новые виды бессмертных. Но она все-таки послабее, поэтому до нормальных демонов ее создания никогда не дотягивали.

Дегатти покосился на этого самого посетителя. Не демолорд – их-то он всех знал в лицо. И не кто-то из обычной высшей аристократии Паргорона – их всего шесть видов. Кто-то неизвестный – либо уникальный тип, либо из иного мира.

– Кто это? – спросил он, когда незнакомец уселся за одним из столиков и отгородился ширмой. – Тоже демон? По ауре непонятно.

– Мэтр Дегатти, не все мои гости – демоны, – наставительно произнес Янгфанхофен. – Я рад видеть у себя любого. Ты же ведь не демон и даже не бессмертный.

– Кстати, как ты вообще попал на второй этаж «Соелу»? – спросил Бельзедор. – Сюда обычно не пускают всяких проходимцев.

– Тебя же пустили, – огрызнулся Дегатти.

– О, мы-то с Янгфанхофеном дружим очень давно, – насмешливо ответил Бельзедор. – Я клиент, проверенный веками. А вот тебя я тут раньше не видел. Тебе Лахджа пропуск подарила, что ли?

– Это так не работает, – возразил Янгфанхофен. – Гостям малого зала разрешено приводить спутников, но вип-членство в «Соелу» я выдаю только лично.

– И что тебя побудило выдать его какому-то занюханному колдунцу?

– Я не занюханный! – возмутился Дегатти. – Я лауреат премии Бриара!

– Третьей степени, – хмыкнул Бельзедор. – Велика заслуга. Вас таких сотни.

– Вообще-то, дело именно в премии, – сказал ему Янгфанхофен. – Мэтр Дегатти мой почетный клиент уже восемь лет – с того самого дня, как ему вручили премию Бриара.

– А ты всем лауреатам премии Бриара VIP-пропуск посылаешь, что ли? – удивился Бельзедор.

– Ну да. Правда, они редко пользуются. Думают, что я с умыслом каким-то.

– А ты без умысла?

– Мэтр Дегатти, не хотите еще наливочки?

– Хочу, – пододвинул стакан волшебник. – Но ты не думай, что я не заметил, как ты ушел от ответа.

Следующие несколько минут эти трое сидели молча. Янгфанхофен взял передышку после ужасно длинного рассказа, так что он просто налил всем крепкого, выставил тарелки с закусками, и те понемногу пустели, пока за окнами все ярче разгорался Нижний Свет.

К демону за столиком тем временем присоединился еще один, Янгфанхофен ненадолго отошел к их нише, вернулся и с ухмылкой предложил:

– Ну что, еще одну историю?

– Не откажусь, – повертел в руках бокал Бельзедор. – Только в этот раз все-таки что-нибудь повеселее, уж будь добр.

– А можно спросить? – заговорил Дегатти. – Совита обратила Кенниса в вампира. А Мазекресс обращает смертных в демонов. Полноценных. Иногда даже высших. Как такое возможно? Как так получается, что обычный, не злой, даже добрый человек – и становится демоном?

– Мэтр Дегатти, не ходите вокруг да около, – сказал Янгфанхофен. – Я прекрасно понимаю, о ком именно тебе так жаждалось услышать. Ты хочешь узнать, как демоном стала Лахджа, не так ли?

– Да, – угрюмо кивнул Дегатти. – Она мне рассказала... но не в подробностях.

– Ну так за чем же дело стало? Я все подробности знаю – и с удовольствием эту историю расскажу.

Рождение демона

1512 год Н.Э., Паргорон, лабиринт Хальтрекарока.

Лахджа смотрела в кэ-око. Эту причудливую штуку, что заменяет в Паргороне телевизор и Интернет. Такая пурпурная нить, заканчивающаяся толстой луковицей – автономный «нейрон» демона кэ-миало. Над ним висит переливающееся облако – туда можно просто смотреть со стороны, а можно сунуть голову и полностью погрузиться в поток информации. Только за это уже придется заплатить «провайдеру».

Бесплатно в кэ-очах показывают почти то же самое, что и дома, на Земле. Новости, реалити- и ток-шоу, всякие тупые передачи. Удивительно, насколько в этом отношении демоны похожи на людей.

Хотя почему бы и нет? Мыслят они почти так же, только циничнее. И время убивают почти так же.

Только циничнее.

Прямо сейчас там шло ток-шоу. Его врубила Сидзука, новая соседка Лахджи. Явилась с ведром каких-то странных лакомств, спихнула с дивана и принялась смотреть, облизывая пальцы.

– Муж назвал меня тварью! – доносился из кэ-ока визгливый голос. – За это я сожрала ему лицо!

Лахджа забилась поглубже в кресло. Она уже привыкла к ужасам и чудовищам, но все еще замирала, когда видела что-то новое и запредельное. А глядя в кэ-очи – не могла выбросить из головы, что они, вообще-то, еще и передатчики материи. В них можно влезть целиком – и оказаться прямо на той стороне.

Или, наоборот, кто-то с той стороны может вылезти к тебе.

Демоницу, что сейчас там разорялась, взяли бы сниматься в любой ужастик. Многоногое чудовище с пастью на брюхе, кучей вислых грудей и пенисов. По бокам у нее вспухали уродливые зародыши, которые тоже пытались вставить слово. «Мать» давила их, как прыщи, но новые вырастали прямо на глазах.

Иногда – в буквальном смысле.

– Правильно, подруга! – прочавкала Сидзука, когда демоница вцепилась своему мужу в волосы. – Так его! Откуси ему нос!

– Сидзука, а вот ты бы так не смогла, – подала голос Лахджа. – Кишка тонка.

– Конечно, не смогла бы, – согласилась Сидзука. – У меня муж демолорд, а не лошара какой-нибудь. Хочешь сэжков?

– Давай. А что это?

– Яйца кайтранов.

– Снова на рынок ходила?

– Ага.

Лахджа вздохнула. Ее пробила дрожь. Сама она выйти за пределы дворца не решалась. Знала, чем это для нее чревато.

Это Сидзука тут уже давно, доверие мужа заслужила и теперь ходит, где хочет. Обычно все-таки в компании других наложниц и с охранниками-храпоидами – но тем не менее передвигается почти свободно.

Если ей верить, она даже не огорчилась, когда ее похитили.

Это же так романтично. Темный принц ёкаев влюбился в нее, простую японскую школьницу... студентку, и лично явился, чтобы похитить прямо из ванной. Прямо как в манге.

– В какой манге? – кисло спросила Лахджа, в очередной раз выслушивая эту историю прекрасной любви.

– В любой! – широко улыбнулась Сидзука.

Лахджа не стала спорить. Если Сидзуку все устраивает – на здоровье.

И то сказать – в плане роскоши и удобств Хальтрекарок своих жен не ограничивает. Все, что душа пожелает. И Сидзуке этого вполне достаточно. Она очень последовательная девушка и блага ценит только материальные.

Но Лахдже тут не нравилось. Она четвертый месяц вела жизнь наложницы демона, но по-прежнему этим тяготилась. Притерпелась, конечно, со временем... человек ко всему привыкает.

Особенно когда она убедилась, что ее не убьют после того, как натешатся.

Сам Хальтрекарок перестал ею интересоваться очень быстро. У него целых двести жен. Он даже по именам помнит только самых любимых, которые все время где-то рядом и везде его сопровождают. Сидзука упорно старается войти в их число, но пока что не дотягивает. Судя по составленному ею лично рейтингу, она сейчас на девятнадцатом месте.

Лахджа же по рейтингу Сидзуки болтается где-то в самом низу. Как только у Хальтрекарока прошла новизна ощущений, и он оставил Лахджу в покое, та постаралась забиться в самый дальний уголок и не отвечивать.

– Лахджа, я пойду в купальни, – сказала Сидзука, когда шоу закончилась. – Бери полотенце, идем со мной. Хотя лучше не бери. Пойдем так.

– Я не хочу, – отказалась Лахджа. – Захочу помыться, помоюсь тут.

– Там будет наш муж, – сообщила Сидзука. – Если повезет – попадемся ему на глаза.

– Тем более не пойду.

– Зря ты так, – посуровела Сидзука. – Неправильная стратегия. Ты из моего мира, Лахджа, так что мне плевать на тебя чуть меньше, чем на всех остальных. Поэтому я дам бесплатный совет – постарайся продвинуться в рейтинге повыше. Знаешь, какое у тебя сейчас место?

– Какое?

– Сто девяносто пятое. Это плохо. Это очень плохо.

– Сидзука, ты этот рейтинг сама составляешь. Хальтрекарок о нем даже не знает.

– Это сложная аналитика, Лахджа! – потрясла листком бумаги Сидзука. – Знать все его капризы! Следить за остальными женами! Подсчитывать, кто, когда и сколько раз его ублажил! Кто и чем его расстроил! Вычислять его отношение ко всем нам! Ты даже не представляешь, сколько времени я на это трачу!

– Представляю. Только не поняла, зачем.

– Затем, что у меня сейчас девятнадцатое место. Еще чуть-чуть – и будет восемнадцатое. И я в безопасности, Лахджа. Даже если завтра Хальтрекарок проснется в таком поганом настроении, что захочет истребить половину гарема просто потому что... просто потому что!.. Даже в этом случае – я в безопасности. А ты – нет.

– Хочешь сказать, что он может так сделать? – насторожилась Лахджа.

– Нет, ну с половиной гарема это я перегнула... возможно, – согласилась Сидзука. – Но ты же в курсе, что у него всегда двести жен? Ровно двести. Но новые лица время от времени появляются. Как ты сама появилась. А старые лица куда-то исчезают. Угадай, куда. Так что подумай как следует. Как следует. И пошли к Хальтрекароку.

– Нет, не хочу.

– Не кобенься. Не нравится тебе Хальтрекарок – представь на его месте Киану Ривза.

– Все равно не хочу.

– Пожалеешь. Тебе же хуже будет. Пропадешь без меня.

Покачивая бедрами, Сидзука удалилась. А Лахджа осталась размышлять о своем будущем.

В чем-то Сидзука права, конечно. Жены Хальтрекарока живут, чтобы потакать его желаниям. Служить этому тупому, избалованному, но почти всемогущему выродку. И Лахджа тоже послушно выполняла его желания – быстро усвоила, что иначе будет очень больно.

Чему-чему, а покорности ее Хальтрекарок научил.

Но не уважению. Хальтрекарок вызывает не липкий зловещий ужас, а скорее животный страх перед его непредсказуемостью. Он как жестокий ребенок, а они – его игрушки. Он копит их, собирает повсюду, носится с ними и играет... но совсем не ценит. Даже просто как часть коллекции – не ценит.

Он легко забывает их, когда получает новые.

А когда надоедают – ломает.

Какое-то время Лахджа надеялась на стокгольмский синдром. Думала, что со временем притерпится к своему похитителю, начнет испытывать что-то, похожее на симпатию. Искала в Хальтрекароке скрытые положительные черты. Что-нибудь хорошее под этой мерзкой оболочкой.

Ничего не нашла.

Лахджа пыталась сбежать трижды. Точнее, в самый первый раз она попыталась упрямить самого Хальтрекарока ее отпустить. Вернуть домой. Когда он... наигрался, ей показалось, что теперь у нее есть шанс. Что она ему больше не интересна, и он не будет против.

Это было глупо. Пытаться подбирать ключи к демону, как к человеку. Услышав, что Лахджа не мечтает до конца дней своих ублажать его, великолепного Темного Балаганщика, Хальтрекарок страшно взбесился. Он наказал ее, и пребольно. А потом посадил на несколько дней в карцер и лишил еды.

И это еще было мягкое наказание. Хальтрекарок все-таки сделал скидку на то, что она тут недавно, что она еще новенькая. Попробуй Лахджа попросить у него такое сейчас – он ее попросту сожрет. В этом она была почти уверена.

Вторая попытка закончилась еще бесславней. Какое-то время пронаблюдав за Хальтрекароком, Лахджа выстроила его психологический портрет и пришла к выводу, что если она просто удерет, искать ее не будут.

Скорее всего, Хальтрекарок даже не хватится. У него очень много жен и очень короткая память. А если даже хватится, если узнает о пропаже – просто слегка огорчится. Как ребенок слегка огорчается, если узнает о пропавшей игрушке, с которой все равно давно не играл.

В погоню точно не бросится – для такого Хальтрекарок патологически ленив.

Так что Лахджа в один прекрасный день собрала еду, вышла за пределы дворцового комплекса и углубилась в Мглистые Земли.

Обычная смертная. Простая человеческая девушка. Ну вы поняли, чем это закончилось.

– Что, померла? – саркастично произнес Бельзедор. – Наверное, разорвали в клочья.

– Нет, она просто поняла свою ошибку и вернулась, – ответил Янгфанхофен.

Кроме еды Лахджа прихватила оружие. Украла у другой наложницы что-то вроде бластера. Тут девушки из самых разных миров, в том числе далеко опередивших Землю в развитии.

Увы, она недооценила местную фауну. Бластер, надо заметить, спас ей жизнь, и одно чудовище она все-таки сумела пристрелить, но это был всего лишь маст. Демон-стервятник, пожиратель падали. По меркам Паргорона они сущие дохляки и на других демонов никогда не нападают – но человек этой твари вполне по зубам.

Если, конечно, у этого человека нет бластера.

Но стоя над дымящимся трупом и слыша рев какого-то другого монстра, Лахджа посмотрела на уровень заряда, прикинула, сколько выстрелов у нее еще есть... и повернула обратно.

Но это все-таки была самая удачная попытка из трех. Она хотя бы вышла сухой из воды. Ничего не приобрела, но и ничего не потеряла. О ее неудаче никто даже не узнал.

А худшей из всех оказалась третья попытка. Над Лахджой зло подшутили другие наложницы, якобы сговорившись сбежать вместе. Сейчас она ни за что бы не доверилась Абхилагаше, да и вообще любому гхьетшедарию, но тогда она не разбиралась в местных обитателях. Ей казалось, что все наложницы тяготятся своим положением. Казалось, что все они хотят отсюда спастись.

К тому же она еще не отличала гхьетшедариев от людей.

Увы, это оказалось жестоким розыгрышем. Абхилагаша и две ее подпевалы «помогли» Лахдже выбраться из дворца, а там завели в лабиринт с ловушками и чудовищами.

Очень может быть, что там бы она и сгинула, но о игре прознал сам Хальтрекарок и тоже решил поучаствовать. Снова поиграл с Лахджой в свои любимые салки, только теперь с препятствиями.

А потом к нему присоединились еще и друзья... Впрочем, это к делу уже не относится. Скажем только, что это был второй из самых кошмарных дней в жизни Лахджи.

С тех пор Лахджа зареклась просить о чем-либо наложниц-демониц, да и к людям стала относиться настороженно. Она вообще почти перестала выходить из покоя, который делила с Сидзукой.

Но сейчас она сидела и думала, что Сидзука в целом права. Она не может прятаться тут вечно. Надо переломить себя и попытаться хоть как-то улучшить свое положение.

Надеяться ведь не на кого. Первое время Лахджа еще надеялась, что ее спасут... не полиция, понятно, а какие-нибудь светлые силы. Ведь если существуют демоны, то должны существовать и ангелы, верно? Должен существовать Бог. Это как-то само собой вытекает из того, что она уже увидела.

Но ее никто не спас, никто не помог. Демон похитил ее, взял в наложницы, многократно мучил и насиловал... и ничего. Никто ему не помешал.

Лахджа была христианкой чисто для галочки. В младенчестве ее крестили по просьбе одной из бабушек, в детстве она пару раз была в храме и каждый год отмечала с родителями Рождество. Вот и все.

Но разве это делает ее плохим человеком? Разве из-за этого она заслуживает ада... ну, не ада, но чего-то очень похожего? Нет, не заслуживает. И никто из похищенных Хальтрекароком девушек не заслуживает.

Но высшие силы не вступились ни за кого из них. Наверное, им просто плевать.

Если они вообще существуют.

– Мне кажется, Янгфанхофен, или ты с некоторым удовольствием рассказываешь о том, как человек клянет высшие силы? – поинтересовался Бельзедор.

– А то! – ухмыльнулся Янгфанхофен. – Всегда приятно видеть чье-то прозрение, скажи?

Возможно, если бы ее похитил тривиальный маньяк, Лахджа не была бы так обижена на мироздание. Ведь такое действительно случается в объективной реальности. От этого никто не застрахован. Маньяки, психопаты, насильники – такие же люди, просто очень скверные и часто с психическим расстройством. Это никакие высшие силы не регулируют, и обижаться на них за это бессмысленно.

А демонов они должны регулировать или как-то бороться с ними... должны ведь? Лахджа понятия не имела, как это все устроено на самом деле. Она постепенно собирала информацию из кэ-очей и от той же Сидзуки, но пока что узнала недостаточно. Во дворце была громадная библиотека, и пару раз Лахджа в нее прокрадывалась, но туда часто заходили гости Хальтрекарока, а с ними ей встречаться не хотелось.

На столе осталась пачка бумаг, исписанных Сидзукой. Лахджа неохотно взяла верхний лист – исчерканный, с кучей помарок. Большая часть надписей на японском, но имена наложниц Сидзука писала латиницей. Кандзи, хирагана и катакана плохо подходят для иностранных слов.

Первое место – Абхилагаша. Второе – Ассантея. Третье – Мистрильда. Четвертое, пятое, шестое... привычных почти нет, все какие-то неземные. Только сама Сидзука, да вот еще Бренда на сто двадцать втором месте. Возможно, тоже землянка.

Себя Лахджа нашла в самом конце. На сто девяносто пятом месте. Причем ее имя было дважды перечеркнуто и дважды внесено заново.

Кажется, Сидзука уже дважды списывала ее со счетов.

А кто те неудачницы, кого она поставила в своем рейтинге даже ниже Лахджи? Киша, Имала, Эллезы, Маш-а-Аха... и что-то непонятное хираганой. То ли тоже японка, то ли Сидзука не знает имени наложницы под номером двести. Видимо, совсем новенькая.

А может быть, Сидзука даже не видит смысла записывать ее имя. Судя по тому, что Лахджа уже узнала, едва Хальтрекарок находит где-то новую жену, как номер двести отправляется в утиль.

От этой мысли внутри все сжалось. Умирать Лахдже не хотелось. Тем более, что здесь смерть вряд ли будет быстрой и легкой... причем даже не факт, что освободит.

Лахджа ведь уже знала, что основа мира демонов – души смертных. Из них Хальтрекарок черпает свою силу. Так что в ее ситуации не поможет даже самоубийство.

Скомкав рейтинг Сидзуки, она заходила по покою. Подошла к туалетному столику, вздохнула и посмотрелась в зеркало. Под глазами темные круги, волосы поблекли, черты лица заострились. Сказались три месяца дикого стресса и жизни в страхе.

Но она все еще красива и полностью здорова. В лабиринте Хальтрекарока она... пострадала, скажем так, но новый муж и повелитель все вылечил щелчком пальцев. По крайней мере этого у него не отнять – чинит свои игрушки он с такой же легкостью, что и ломает.

Ей даже исправили зрение. Раньше Лахджа была довольно близорука, а теперь прекрасно все видит без очков. Хоть какой-то плюс в ее нынешней ситуации.

Своей косметики у Лахджи не было. Сюда ее притащили в чем была, а обзавестись она не пыталась. Хотя это нетрудно, наложницам гарантированы любые материальные блага. Самое простое принесут слуги, что посложнее – можно заказать через кэ-очи. Лахджа видела, как Сидзука это делала.

Но сама она еще не научилась, так что просто цапнула косметичку соседки. Надписи непонятные, все на японском и корейском, но тональный крем всегда можно отличить, просто выдавив каплю на палец. Губную помаду и тушь тоже трудно с чем-то перепутать.

– Интересно, водостойкая или нет? – бормотала Лахджа, крася глаза. – Водостойкая или нет?

Помад целая куча оттенков, но все слишком яркие. Лахджа всегда пользовалась самым минимум косметики, предпочитала стиль а-ля натюрель, но Сидзука относилась к этому иначе. Она как-то упоминала, что если наложница Хальтрекарока хочет оставаться на вершине рейтинга, ей следует иметь какую-то фишку. Что-то, что выделит ее из общей массы.

Сидзука очень старалась выделяться. Она вела себя эпатажно, красилась максимально броско, носила одежду кричащей расцветки, говорила пискляво и пронзительно, душилась сладкими фруктовыми духами. Да еще эта ее особенность... впрочем, в ней Сидзука уже не виновата. Это был очередной извращенный каприз Хальтрекарока.

У других наложниц с вершины рейтинга фишки тоже есть. Абхилагаша, например, знаменита своим происхождением. Дочь двух демолордов, местных князей... королей... Если бы в Паргороне была привычная дворянская система, Абхилагаша называлась бы принцессой. Дру-

гих достоинств у нее нет, и нрав фантастически мерзкий, но происхождение, конечно, возносит ее на самую вершину.

У Ассантеи такого происхождения нет, зато она выбилась на самый верх делами. Она почти что правая рука Хальтрекарока, он постоянно поручает ей то, что лень делать самому. Ассантея вообще редко появляется во дворце, все время в каких-то командировках. Счастливица.

Мистрильда, в отличие от первых двух, не демоница. Она человек. Колдунья. Сидзука завистливо рассказывала, что Мистрильда, в отличие от них, сама выбрала себе такую судьбу. Не была похищена Хальтрекароком, а заключила с ним сделку. Что-то вроде брачного контракта. Отдалась ему душой и телом, а взамен получила гарантии неприкосновенности, вечную жизнь и кучу всяких благ.

– Подожди-ка! – перебил Дегатти. – Ты сейчас говоришь о Мистрильде Орданатти?! Той самой Мистрильде Орданатти, которая была деканом вассального факультета Апеллиума?!

– Да, она самая, – кивнул Янгфанхофен. – А что тебя так удивляет?

– Да я просто удивился... она же пропала лет двести назад. Мне дедушка про нее рассказывал... но подожди, она же была вассалом какого-то природного духа.

– Сменила, дело житейское, – пожал плечами Янгфанхофен. – Видишь ли, прошлый сеньор не мог дать ей вечную жизнь, а Хальтрекарок мог. Выбор очевиден.

Лахджа вышла было уже из покоя, но в последний момент вернулась и залезла в мини-бар. Там в основном были легкие вина и сакэ, но нашлась и бутылка водки. Лахджа выдохнула, опрокинула рюмку, немного подумала... и выпила еще одну.

Пойти к Хальтрекароку трезвой у нее решимости не хватило. Не сегодня. Не в этот раз.

Водка, кстати, была отменная. Пилась, как водица ключевая. Почти не уступала тому эликсиру, что подают в «Соелу», лучшем заведении Паргорона, о котором Лахджа уже много слышала и которое мечтала однажды посетить...

– Янгфанхофен, прекрати, – поморщился Бельзедор. – Тебе самому-то не стыдно? Мы сидим прямо здесь, перед тобой. Просто предложи свою водку.

– А вот и не предложу теперь, – обиделся Янгфанхофен.

– Мне все-таки налей, – попросил Дегатти, слушающий рассказ с угрюмым видом.

По коридорам Лахджа на этот раз шла подчеркнуто спокойно. Обычно она во время своих вылазок старалась прокрасться незаметно, бочком, а лучше всего – по техническим проходам. Их во дворце много – Хальтрекарок не любит, когда слуги мельтешат на виду, мешают развлечениям.

К слугам Лахджа уже привыкла. Те же Безликие выглядят жутко, этикие Слендермены на минималках... но они оказались самой безобидной частью этого мира. Вреда не причиняли, всегда хранили молчание, а любой приказ исполняли с полуслова.

Харгаллы ее тоже быстро перестали пугать. Эти Железные Дровосеки беспрекословно уже не подчинялись, но плохого тоже никому не делали. Все время ремонтировали что-то, стараясь лишний раз не попадаться Хальтрекароку.

– Я чувствую твой страх, – раздался над ухом шепоток.

– Отстань, – взмахнула рукой Лахджа.

Паргоронский котенок мелко захихикал, дернул ее за волосы и пискнул:

– Смотри, окно! Можно выйти туда и больше не бояться!

Лахджа сделала вид, что ничего не слышит. Паргоронские котята выглядят милашками и сами по себе не опасны, но обожают мелко пакостить. Нашептывают гадости, дают дурные советы, сеют рознь и смуту. Причем для обычных людей они еще и невидимы, а их голоса кажутся собственными мыслями.

– Я тебя вижу, – сказала Лахджа котенку. – Не подействует.

– Но совет-то все равно хороший, – мяукнул крохотный демон. – Еще стопку для храбрости – и сигай! Мы на седьмом этаже, мучиться не будешь!

Теперь Лахджа точно убедилась, что самоубийство – не выход. И задумалась, что будет, если оторвать паргоронскому котенку крылышки. Вырастут ли они заново?

Демон ее мысли услышал, злобно фукнул и сам вылетел в окно.

В дворцовой купальне дым стоял коромыслом. Лахджа колебалась и собиралась как минимум час, но Хальтрекарок любит развлекаться подолгу. Если уж пирушка – то пока из ртов не полезет, если игра на свежем воздухе – то пока все с ног не повалятся, а если оргия – то пока в кровь всем не сотрет.

Это Лахджа знала по собственному опыту.

Купался он тоже подолгу. Кстати, совмещая с пиром, игрой и оргией. Огромную парную заполнял жаркий туман, в бассейне рыбами плескались наложницы, а прямо в воздухе парил вкушающий виноград Хальтрекарок. Время от времени он обращал взор на одну из красавиц, подбрасывал ее к себе усилием воли, и девушка с визгом насаживалась... Лахджа невольно отвела взгляд. Она все еще не привыкла.

Войти она постаралась незамеченной. Уселась в самом дальнем конце. Ее сразу заметила Сидзука, подплыла поближе и пристроилась рядом, постаравшись прижаться поплотнее.

– Молодец, – шепнула она, жарко дыша Лахдже в ухо. – Давай вместе пробиваться на вершину рейтинга. Как лучшие подруги. Почти сестры.

Она начала покрывать шею Лахджи поцелуями, а ее рука скользнула лодочкой вниз, лаская тело соседки.

– Убери оттуда руку, сестра, – сухо произнесла Лахджа.

– М-м... нет, – отказалась Сидзука. – Смотри, Хальтрекарок нас заметил. Давай, подыгрывай мне. Подыгрывай! Ему интересно!

Лахджа на мгновение зажмурилась, а потом неохотно стала подыгрывать, для начала ответив на поцелуй Сидзуки. Незаметно для себя она тоже стала распляться – умелые ласки соседки возымели эффект. Лахджа немного неловко изучала тело Сидзуки – с женщинами она раньше дел не имела, – но быстро сообразила, что сложного тут ничего нет. Сидзуке нравится то же, что и самой Лахдже.

Хотя нет, не совсем. Глаза Сидзуки подернулись поволокой, и она несколько требовательно потянула руку Лахджи вниз, напоминая о том, чего действительно бы сейчас хотела.

Немного погодя Лахджа утратила скованность, да и водка сыграла свою роль. Девушки ублажали друг друга уже не из напускного энтузиазма, мало заботясь о реакции со стороны.

И Хальтрекарок действительно заинтересовался. Он уже месяца полтора не видел Лахджу и, кажется, успел ее позабыть. А, как известно, все новое – это хорошо забытое старое.

Так что Хальтрекарок сам направился к ним, чтобы принять участие. Обняв одной рукой Сидзуку, а другой Лахджу, он без лишних слов...

– Янгфанхофен, не надо, – процедил Дегатти. – Прекрати, а то я уйду.

– Что, не нравится? – ухмыльнулся Бельзедор. – А вот мы с Янгфанхофеном тебя не перебивали.

– Постоянно перебивали, – огрызнулся Дегатти. – И я серьезно. Я не хочу слышать такие подробности.

– Ладно, ладно, опуцу эту часть истории, – согласился Янгфанхофен. – Хотя ты многое теряешь. Я много кому это уже рассказывал, и до тебя все только радовались таким подробностям.

Дегатти шарахнул кружкой по столу, а Бельзедор расхохотался.

После того, как Лахджа переломила себя, положение стало менее неприятным. В глубине души она себя презирала, но одновременно и чувствовала облегчение. Сидзука, которой было трудно без надежной партнерши, всячески ее поддерживала и помогала, так что спустя три месяца Лахджа смогла продвинуться аж до сто пятьдесят третьего места. Сама Сидзука тоже поднялась до семнадцатого и бурно этому радовалась.

Да, так жить оказалось проще. Хальтрекарок – отличный любовник, этого у него не отнять. Неутомимый, искусный и с многовековым опытом. Если закрыть глаза на его личность и расслабиться... не так уж и плохо. Главное – старательно изображать энтузиазм. Подходить к делу с фантазией.

А все остальное время можно заниматься чем захочется.

Узнав Хальтрекарока поближе, Лахджа научилась правильно себя с ним вести. Его поступки не всегда хорошо прогнозируемы, но он все-таки не психопат. Не сумасшедший. Довольно-таки глуп, крайне самолюбив и капризен, феноменально ленив и не интересуется ничем за пределами своего дворца развлечений... но к нему тоже можно подобрать ключик.

К тому же у него все-таки нашлись и достоинства. Немного, но нашлись. К своим женам, например, он бесконечно щедр. Если желания не приобретают немыслимого размаха или не идут вразрез с его собственными, отказа не будет ни в чем.

И со временем Лахджа даже стала получать некоторое удовольствие. Было нелегко, но она очень старалась. Справилась же та наложница из турецкого сериала... раньше Лахдже очень нравился этот сериал. Она смотрела второй сезон, когда ее похитили. И сейчас ей ничто не мешало продолжать его смотреть через кэ-око или земной компьютер в библиотеке... но что-то уже не хотелось. Жизнь в гареме как-то поутратила очарование.

Но о побеге она больше не думала. Слишком хорошо убедилась, что в этом мире простой смертной не выжить. Уж лучше так и оставаться во дворце Хальтрекарока – здесь сравнительно безопасно и со всех сторон забота.

А вернуться на Землю практически невозможно. Способы-то есть, но для простой смертной они опять-таки недоступны. Никто из тех, кто может ей помочь, против воли демолорда не пойдет. Уж как минимум не за спасибо.

Но по крайней мере она уже не так боялась за свою жизнь. Сидзука удивительно тонко чувствует настроения Хальтрекарока, так что ее рейтингу можно доверять. Даже если она ошибается мест на двадцать, до нижней точки Лахдже все равно еще далеко. Она как будто переместилась из красной зоны в желтую.

Однако теперь ей стало хотеться в зеленую. Туда, где давно уостила задницу та же Сидзука. В число первых. Тогда ее тоже будут брать на всякие мероприятия и сажать в ложу для почетных гостей. Она сможет общаться с другими высшими демонами и даже демолордами. Возможно, сумеет наладить какие-то полезные контакты.

А если совсем уж повезет, ей позволят самостоятельно гулять по другим мирам. Как той же Ассантее... кстати, давно она уже что-то не возвращается из очередной командировки. Сидзука даже поставила вопросительный знак рядом с ее именем.

Свои соображения Лахджа однажды высказала Сидзуке. Это было, когда они сидели в библиотеке – Лахджа лежала у камина с книгой, Сидзука играла в симулятор свиданий. Она обожала такие игры.

Камин тут был не нужен, во дворце везде была идеальная температура. Хальтрекарок сотворил его просто для антуража, как декорацию. Как те бессмысленные каминны, которые и на Земле иногда ставят всякие выпендрожники.

Но уют он создавал, спору нет. Потрескивали нестораемые дрова, плескалось алое пламя, а Лахджа лениво перелистывала страницы. Сегодня она нашла в библиотечных залежах очередную книгу с Земли, да еще и на шведском. Лахджа предпочла бы на финском или английском, но шведский она тоже понимала.

Вообще-то, ей повезло. Здесь были книги из сотен миров, на тысячах разных языков. После похищения Лахджа волшебным образом стала понимать язык демонов, паргоронский, но именно на нем тут книг почти и не оказалось. Хальтрекарок не любил читать, и библиотека у него пополнялась стихийно, от случая к случаю. Что-то заказывали наложницы, что-то попадало сюда с жертвами лабиринта или награбленными сокровищами, что-то дарили гости... Хальтрекароку почему-то часто дарили книги.

Так что Лахджа читала, что удавалось найти. Сегодня вот ей попала книга про викингов. Науч-поп, и довольно занимательный. Оперши голову на ладонь, девушка прочла вслух:

«В Скандинавии была естественна ситуация, когда в споре двух незаконнорожденных один говорит другому: „Ты ни на что не имеешь права: ты бастард“, хотя оба появились вне брака. Логика этого высказывания объясняется тем, что один произошел от наложницы знатного рода, а другой – от наложницы-рабыни, служанки или женичины низкого происхождения».

– И тут притеснения, – промолвила Лахджа. – Даже мои голимые предки подвели меня.

– Вряд ли ты потомок викингов, – прокомментировала Сидзука. – Ты же финка.

– Я на четверть шведка, – возразила Лахджа. – Так что потомок.

– А я на четверть японка, – с вызовом сказала Сидзука.

– А на остальные три четверти?

– Тоже японка. Повезло мне.

Лахджа отложила книгу и задумалась. Предки, потомки, бастарды, рабыни, знатные наложницы... это навело ее на мысль.

Она уже заметила, что большая часть любимых жен – демоницы. Есть исключения, вроде той волшебницы и пронырливой Сидзуки, но большинство в первой тридцатке – демоницы. Смертные котируются намного ниже.

Аналогично и с детьми от смертных. Лахджа успела выяснить, что детей у Хальтрекарока много. Очень. Она еще не посещала дворцовые ясли, но знала, что наложницы периодически рожают. Хотя многие как-то предохраняются сами, потому что Хальтрекароку контрацепция безразлична.

Но дети по дворцу не бегают. Хальтрекароку они не нужны и даже слегка раздражают. Они растут в отдельном крыле, а едва достигнув совершеннолетия – убираются куда подальше.

А куда именно – зависит от того, кто мать. К детям от смертных отношение тут презрительное, как к низшей касте. Даже если второй родитель – демолорд. Обычно таких сплавляют куда-то в колонии, на мелкие должности.

А вот полноценные демоны с рождения принадлежат к аристократии. Если мать из низших демонов, то не очень высокого класса, но все равно к аристократии.

А уж если мать из высших демонов или вообще сама потомок демолорда, как та же Абхилагаша... ну это сразу джекпот. Такой ребенок и на наследство претендовать может. Вряд ли когда-то его получит, конечно, они тут все бессмертные, но и при жизни родителя что-то будет перепадать. Имя есть, гарантия хорошего брака – есть, да и теплое место в иерархии обеспечено.

Можно сказать, что это будет принц или принцесса.

Залетать от Хальтрекарока Лахджа не собиралась. Контрацепцией не пренебрегала. Но все равно это только вопрос времени, когда ее все-таки обрюхатят. Демоны страшно плодотворны, и семя у них крепкое.

– Янгфанхофен, ты это почему так самодовольно произнес? – уставился на него Дегатти. – Нам на кой кир знать про ваши семя?

– Я вообще сомневаюсь, что Лахджа действительно об этом думала, – добавил Бельзедор. – Уж не такими словами.

– Да ладно, я же не вам в упрек, – ухмыльнулся Янгфанхофен. – Просто к слову пришлось.

Дочитав книжку про викингов, Лахджа стала искать другие. Что угодно, лишь бы на понятном языке. Процесс немного ускорился благодаря аурометру – этакой лозе-рогульке, которая показывала всякие дополнительные сведения. Наведешь на предмет – и сразу видишь его вес, размер, возраст, место происхождения, материал, наличие магии и владельца, если он есть. Лахджа водила им вдоль книжных полок, глядя на одну строчку – мир происхождения.

– Джаханнам, Эри, Парифат, Вайкунтха, Каабар, Кристальная Тьма... о, Земля!

– Привет, – махнула рукой Сидзука.

– А, это ты, – досадливо произнесла Лахджа. – Человек степной, сто пятьдесят восемь сантиметров, пятьдесят килограммов, двадцать шесть лет, город Токио, принадлежит Хальтрекароку...

– Эй, убери от меня эту штуку, – потребовала Сидзука.

– Смертная, – прочла очередную графу Лахджа. – Хм.

Он перевела аурометр на болтающих в другом конце библиотеки демонов.

– Ага, – задумчиво произнесла она. – Абхилагаша. Гхьетшедарий, сто семьдесят шесть сантиметров, шестьдесят пять килограммов, триста сорок один год, Царство Суккубов, принадлежит Хальтрекароку, на пятьдесят процентов состоит из дерьма и на пятьдесят – из стервозности...

– Там и это показывается?! – не поверила Сидзука. – Дай посмотреть!

– Нет, это я выдумала. Но, думаю, ошиблась не сильно. Хм... бессмертная. Сидзука, в чем различие между смертными и бессмертными?

– Лахджа, что за тупой вопрос? Смертные умирают, а бессмертные нет.

– Их в принципе ничем нельзя убить или ты имеешь в виду что-то другое? – въедливо спросила Лахджа.

– М-м... нет. Их просто сложно убить и они не стареют... твари.

– Но ты же теперь тоже не стареешь. Ты мне шесть раз хвасталась.

– Ну да, но это другое. Это просто Хальтрекарок так захотел, потому что он меня любит. Его жены не стареют. Но мы все равно смертные, это просто искусственная ситуация.

– То есть мне теперь всегда будет двадцать семь лет?

– Да, пока не надоешь Хальтрекароку. А там, знаешь... на смерть от старости все равно не рассчитывай.

Лахджа снова задумалась. Посмотрела на Абхилагашу, сама поймала ее безразличный взгляд. Номер один в гареме Хальтрекарока не помнила, кто она такая. Тот мелкий эпизод с розыгрышем давно стерся из ее памяти.

Для Абхилагашы существовала только Абхилагаша.

Конечно, она покорно служила Хальтрекароку, но все равно ухитрялась делать это пассивно-агрессивно. Любые приказы исполняла с такой миной, словно оказывает величайшее одолжение.

А среди товарок по гарему она замечала только других высших демониц. Смертных и низших демонов считала челядью, никчемным сором. Даже Мистрильду, которая номер три в гареме, да еще и волшебница.

Демоницы кучкуются вместе. Высшие с высшими, низшие с низшими. Не в смысле дружат – просто между собой у них есть темы для разговоров, а о чем говорить со смертными? Все равно, что пытаться вести светскую беседу со скотиной в хлеву. Они не выражают своего презрения слишком открыто – не при Хальтрекароке, во всяком случае. Но всегда ясно дают понять, что со смертными у них общих дел нет.

Подойди сейчас Лахджа к той компании – сделают вид, что не видят в упор. Абхилагаша разве что нос наморщит, будто унюхала какую-то гадость. Низшие чуть менее высокомерны, но перед смертными все равно выпендриваются, берут пример с высших.

Абхилагаша что-то сказала своим подпевалам, и те угодливо захихикали. Их было три, постоянно ходящих хвостом за Абхилагашей. Лаиссална, Оошона и Нагалинара, две гхьетшедарии и рогатая гохерримка. Вчетвером они обступили пятую наложницу, синекожую демоницу из низших.

Лахджа наострила уши и незаметно подошла чуть ближе. Абхилагаша что-то говорила синекожей, а та хлопала глазами и глупо улыбалась.

– ...Вот так ты собираешься ублажать взгляд нашего господина? – донеслось до Лахджи.

– А что не так? – растерялась низшая демоница.

Лахджа тоже не поняла, в чем дело. Девушка была как раз во вкусе Хальтрекарока – очень красивая и очень фигуристая. Более угловатая и коренастая, чем человек, с синей кожей и небывало широкой шеей... но все равно очень привлекательная, если не быть расистом.

Кажется, этот вид демонов называется «храк». В Паргороне они чуть ли не самые многочисленные и стоят в самом низу иерархии. Занимаются в основном сельским хозяйством, кормят всех остальных.

И одета она была действительно как фермерская дочка. В очень простое, как будто домо- тканое платье с нелепым огромным бантом на спине.

Видимо, новенькая, недавно в гареме.

– Ты одета, как клуша! – наставительно произнесла Абхилагаша. – Словно несущка с хутора твоего папочки! Либо разденься совсем, либо надень что-нибудь более приличествующее!

Девушка неохотно расстегнула одну из бретелек. Ей явно не хотелось раздеваться перед толпой насмешливо скалящихся баб. Это гхьетшедарии, как Лахджа уже поняла, с рождения нудисты и на подсознательном уровне не терпят одежду. Храки, кажется, в этом отношении более стыдливы.

При этом Абхилагаша вряд ли вообще что-то понимает в моде. Просто решила докопаться. Она любит потешаться над новенькими, сразу указывать им их место.

– Быстрее, – требовала она, глядя на медлящую храчку. – Быстрее! Что ты возишься?!

А та переволновалась и путалась в пуговицах. Абхилагаша нетерпеливо притопывала ногой, а потом вздохнула и сказала:

– Нет, кажется, ты не хочешь быть хорошей женой нашему господину. Тебе лучше вернуться в свой птичник и нести там яйца.

И она прищелкнула пальцами.

Между ней и храчкой будто сверкнула молния, и синекожая девушка заверещала. Вся натужившись, она присела, издала вопль... и на полу осталось крупное белое яйцо!

Абхилагаша криво усмехнулась, ее подпевалы захохотали. Храчка посмотрела на отложенное яйцо, разрыдалась и убежала из библиотеки.

Лахджа нервно сглотнула и постаралась прикрыться книгой. Не дай бог обратят внимание и захотят продолжить развлечение.

Она уже не раз такое видела. Низшие демоны не так уж сильно отличаются от смертных, но вот высшие... все высшие умеют колдовать. У них у всех есть какие-то мистические способности – они это называют демонической силой.

И Лахджа невольно завидовала. Ей тоже такое хотелось. То есть не издеваться над другими наложницами, конечно, а просто уметь... всякое.

На самом деле жить в мире демонов не так уж и плохо... если ты демон. Лучше всего высший. Смертные ищут твоего расположения, тебе доступна эта самая демоническая сила, ты бессмертна и другие демоны в той или иной мере начинают считаться с тобой. По крайней мере низшие.

На самом деле, очень много плюсов. Лахджа уже неоднократно возвращалась к этим мыслям.

– Сидзука, а вот ты бы хотела стать демоном? – спросила она соседку, вернувшуюся к своему симулятору свиданий.

– Нет, – ответила та, проматывая бесконечный диалог.

– Почему не хочешь?

– Ты ж демоном станешь, – постучала по виску Сидзука. – Твоя душа будет проклята.

– И что это изменит в нашем нынешнем положении?

– Так ты останешься человеком и попадешь после смерти в рай. А демон туда всяко не попадет.

– Сидзука, я очень сомневаюсь, что из преисподней, где мы сейчас ублажаем Хальтрекарока, в принципе можно попасть в рай.

– Все равно не то. Ты же изменишься. Станешь... ну такой. Худшей версией себя. Или вообще чокнутой тварью, – сказала Сидзука, покосившись на Абхилагашу.

– Я здесь и так уже стала худшей версией себя, и все еще становлюсь.

– Все равно не хочу. Меня и так уже немного... изменили. Мне хватит.

– А я бы рискнула... Стать худшей версией себя не так уж плохо, когда у тебя такое токсичное окружение.

– Ты на что это намекаешь, а? – повернулась к ней Сидзука.

– Да не на тебя, не на тебя... – тоже покосилась на Абхилагашу Лахджа.

На самом деле ей действительно все сильнее хотелось стать демоном. Тогда она смогла бы летать. Она смогла бы творить чудеса. Она стала бы бессмертной не тем бессмертием, которым всегда будет обязана Хальтрекароку, а настоящим – своим собственным.

К тому же это несколько улучшит ее положение. А там... а там посмотрим. Можно добиться положения доверенной слуги. Или, напротив, получить возможность стать самостоятельной. Оставаясь человеком, она обречена на роль... в лучшем случае домашней зверушки.

Может быть, она даже смогла бы свалить отсюда навсегда. Если не из Паргорона, то хотя бы от Хальтрекарока.

А еще она бы сожрала Абхилагашу.

– Все-таки, – снова заговорила Лахджа. – Ты знаешь, как стать демоном?

– Не знаю, – отрезала Сидзука. – Забудь об этом. Я не хочу, чтобы моя соседка стала злобной стервой, как... о, привет, Абхилагаша!

– О чем болтаете, девочки? – вальяжно протянула королева гарема, подходя ближе. – Это частный разговор или всем можно участвовать?

Сидзука неопределенно пожала плечами. Она не слишком боялась Абхилагашу. Раньше – да, но сейчас, поднявшись в верхние строчки негласного рейтинга... В случае чего она и Хальтрекароку может пожаловаться. Сидзуку он более-менее помнит и заметит, если та вдруг пропадет или превратится в какую-нибудь гадость.

Абхилагаша тоже тщательно следила, кто на каком месте. Поэтому на Сидзуку она даже не посмотрела, а вот Лахджу приобняла за плечи и проворковала:

– Я тут нечаянно услышала часть вашего разговора. Интере-е-сно!..

– Интересно? – попыталась высвободиться Лахджа.

Не получилось. Гхьетшедарии выглядят обычными людьми, но могут вязать узлами рельсы. Даже юные девушки, каковой кажется Абхилагаша.

– Интересно, очень. Ты что же, хочешь стать демоном? Ты, смертная?

– Ну... это я так... гипотетически... А это возможно? Ну, демонизация?

– Демонизация? – хлопнула глазами Абхилагаша. – А что это? Девчонки, вы слышали когда-нибудь такое слово?

– Я слышала, – сразу подключилась Оошона. – Демонизация – это роспуск войск.

– Да нет, это демобилизация! – возразила Нагалинара. – А демонизация – это старческое слабоумие у смертных.

– Да нет, это деменция! – хлопнула ее по груди Лаиссална. – Демонизация – это внедрение демократических принципов!

– Да нет, дура, это демократизация! – фыркнула Абхилагаша. – Демонизация – это наука о призыве демонов!

– Что ты, Абхилагаша, это же демонология! – снова включилась Оошона. – Демонизация – это публичный показ!

– Да нет же, это демонстрация! – вспылила Нагалинара. – Демонизация – это наука о воспроизводстве населения!

– Что ты, это же демография! – возразила Лаиссална. – Демонизация – это упадок нравственных ценностей!

– Хватит пороть чушь, это деморализация! – возмутилась Абхилагаша. – Демонизация – это разрушение на мелкие частицы!

– Это дезинтеграция! – воскликнула Оошона. – А демонизация – это избавление от внутренних червей!

– Это дегельминтизация, дура! – повысила голос Нагалинара. – Демонизация – это уменьшение стоимости денежных знаков!

– Это деноминация! – возразила Лаиссална. – Демонизация – это выделение кала!

– Да это же дефекация, идиотка! – закричала Абхилагаша, едва сдерживая хохот. – Демонизация – это выделение информационного сигнала из колебания высокой частоты!

– Это демодуляция, – внезапно подала голос Сидзука. – И ты откуда такие слова знаешь?

– Я гхьетшедарий, глупая смертная, – бросила ей Абхилагаша. – Мои знания не зависят от того, что я узнала сама, как у вас. Я родилась со всем, что нужно.

На Сидзуку она смотрела злобно. Перебила. Испортила игру. Испортила шутку.

– Я помогу твоей подружке, – ухмыльнулась она. – Давайте, девчонки, все вместе. Превратим... как тебя?.. Лахджа?.. превратим Лахджу в какой-нибудь гадкий комочек!

– Да-да, давайте превратим ее в шука! – восторженно запищала Оошона.

– Нет-нет, лучше в куржуй! – предложила Лаиссална. – Превратим ее в куржуй!

С рефлексами у Лахджи все было хорошо. Она резко развернулась и бросилась наутек. Абхилагаша хохотала ей вслед, а потом просто дернулась – и возникла впереди Лахджи. Та едва успела притормозить.

– Убегать бесполезно, – насмешливо произнесла жена номер один. – Но расслабься – я не смогу превратить тебя в демона, даже если очень захочу. В цыпленка вот смогу. А сделать тебя демоном сможет только демолорд. Попроси Хальтрекарока... если осмелишься!

– Спасибо за совет, – неуверенно кивнула Лахджа.

– Правда, ты не сможешь его попросить, если у тебя не будет рта, – ухмыльнулась Абхилагаша, поднимая руку.

Лахджа замерла от ужаса. Но, к ее счастью, щелкнуть пальцами Абхилагаша не успела. В библиотеку как раз вошел пушистый рыжий кот.

– Абхилагаша! – гневно воскликнул он.

– А... Совнар?.. – повернулась к нему демоница. – Я чем-то могу тебе помочь?

– Можешь, можешь, – покивал кот. – Потрудись-ка для начала объяснить вот эти счета.

В воздухе вспыхнули голубые письма. Бесконечные путанные строки, колонки цифр, значки и рисунки.

– Не понимаю, о чем ты, – лишь бегло глянула на них Абхилагаша.

– За последнюю неделю твои расходы составили две тысячи условий! – воскликнул кот. – А за предыдущую – три!

– И что? – поджала губы Абхилагаша. – Я же любимая жена моего мужа. У меня неограниченный кредит.

– Неограниченный... но в пределах разумного! Ты за две недели спустила на всякую дрянь пять тысяч условных душ! Пять тысяч душ, Абхилагаша! Ты что там, города скупаешь?! Что с тобой такое?!

– У Хальтрекарока этих условий сто пятьдесят миллионов, – отмахнулась Абхилагаша.

– И поэтому их можно швырять направо и налево? – возмутился Совнар. – Давай вот посмотрим, что ты там такое накупила! Ну-ка, ну-ка...

– Не надо, это мое личное! – замахала руками Абхилагаша, рассеивая светящиеся письма. – Совнар, что ты себе позволяешь?! Я любимая жена Хальтрекарока и дочь двух демо-лордов! У меня большие потребности! Если Хальтрекарок не может зарабатывать быстрее, чем я трачу, значит, ему надо лучше стараться!

– Хорошо, я ему так и передам, – кивнул Совнар. – А следующей наложнице-транжире я просто покажу твоё чучело.

– Вы никогда не посмеете, – усмехнулась Абхилагаша. – Мои родители будут в гневе. Особенно мама.

– Думаю, откупиться от их гнева обойдется дешевле, чем продолжать тебя содержать, – быстро что-то подсчитал Совнар. – И думаю, что хозяин со мной согласится.

И засеменил прочь. Абхилагаша какую-то секунду пыжилась и надувалась, но потом бросилась следом и принялась уговаривать Совнара не докладывать ее любименькому пусику-лапуску. Рыжий кот пренебрежительно отводил голову.

Лахджа выдохнула с облегчением. Без Абхилагашаи ее подпевалы сразу потеряли интерес к издевательствам и разошлись. Сидзука достала откуда-то свой листок с рейтингом и принялась высчитывать, как изменится расстановка сил, если из Абхилагашаи сделают чучело.

Лахджа посмотрела на это, посмотрела... и тихо удалилась.

Найти Хальтрекарока несложно. Нужно просто идти на шум. На звон бокалов, хихиканье наложниц, охи-вздохи и раскатистый хохот. Хальтрекарок всегда в самом центре веселья, и раньше Лахджа использовала это, чтобы держаться от него подальше.

Но сегодня она ринулась с головой в пучину распутства. Получилось не с первой попытки, желающих и без нее хватало. Но в конце концов ей удалось доползти до своего господина и получить возможность перед ним лебезить.

За последние месяцы Лахджа в этом поднаторела. Хальтрекарок – не слишком сложная натура. Любую лесть принимает за чистую монету и воспринимает как должное. В развлечениях особых изысков тоже не ищет, стандартный разврат его вполне устраивает.

Ну как стандартный... по земным меркам оргии тут безумные, с кучей извращений. Но по крайней мере никакого членовредительства, никаких золотых дождей, гомосексуализма и педофилии. Лахджа слышала, что многим гхьетшедариям подобное еще как заходит, но Хальтрекарок сношает только сочных половозрелых девиц.

Пока Лахджа добралась до него самого...

Дегатти смерил Янгфанхофена тяжелым взглядом.

...ей пришлось через многое пройти. Она устала, обессилела и уже плоховато соображала. Еще один аргумент в пользу демонизации – от оргий ей точно не отвертеться, а демоны в этом плане гораздо выносливей.

Самого Хальтрекарока утомить вообще невозможно. Он работал, как на конвейере, и ему явно не надоедало. Демолорд барственно развалился на громадном ложе, восседал королем среди десятков наложниц. Ему с нескольких рук подносили кушанья, разминали плечи и ступни, а пенис ни секунды не оставался без внимания.

Лахджа прекрасно понимала, что не сможет сделать для Хальтрекарока ничего существенного. Ничего, чтобы заслужить его благодарность или хотя бы обратить на себя внимание. Разве что звезды сложатся как-то немыслимо удачно – но этого можно ждать всю жизнь и не дожидаться.

Поэтому она просто выжидала правильного момента. Сумев постепенно переместиться к нему вплотную, она прошла через его «конвейер», но не отправилась восвояси, как делала обычно, а примостилась под бочком. Тоже стала подавать кушанья и разминать плечи, как бы невзначай оттесняя других наложниц. Те в ответ пихались локтями, но так, чтобы не побеспокоить Хальтрекарока.

За его спиной всегда шла подковерная борьба красавиц, но каждая старалась, чтобы хозяин ничего не замечал. Его страшно бесили склоки между наложницами, так что он если и наказывал, то либо всех подряд, либо кого попало.

– Господин, осмелюсь заметить, что сегодняшнее шоу было великолепным, – рискнула наконец подать голос Лахджа.

– Хм?.. – с легким недовольством произнес Хальтрекарок. – А...

– Разумеется, все предыдущие тоже были великолепны, – быстро добавила Лахджа. – Но мне кажется, сегодня твой гений вышел на новый уровень.

– А, тут ты права, – разгладился лоб Хальтрекарока. – Это действительно так, я постоянно совершенствуюсь.

– Да, господин! Вы неподражаемы, господин! – раздалось со всех сторон.

Лахджа тоже продолжала осыпать Хальтрекарока грубой лестью, с горечью размышляя, как низко она пала. Была подающим надежды психиатром, стажировалась в лучшей клинике Хельсинки, могла многого достичь – а теперь стелется перед каким-то тупым бесом... которому сама же случайно помогла.

Причем Хальтрекарок по-своему ей даже благодарен. Проблема в том, что лучшей наградой он считает возможность круглосуточно лицезреть его прекрасный лик.

А у нее ведь на Земле родители остались. Друзья. У нее парень был... они недавно начали встречаться, пока ничего серьезного, но... а, какого черта. Теперь она здесь. Надо как-то выживать.

И Лахджа продолжила мурчать Хальтрекароку милые пустяки на ухо. Какой он потрясающий, да какой он чудесный, да какой он красивый, да как она его любит, жить без него не может. Хальтрекарок довольно улыбался, слыша именно то, что хотел слышать. Он настолько был уверен, что все вокруг им восторгаются, что у него даже на миг не возникало сомнений: Лахджа говорит именно то, что думает.

– Я люблю тебя, мой господин, – как можно искренней произносила она.

– Я тебя тоже люблю, – милостиво погладил ее по голове Хальтрекарок. Словно собачонку потрепал.

– Но я люблю тебя сильнее! – хихикнула Лахджа самым глупым своим голосом.

– Да, ты сильнее, – согласился Хальтрекарок.

– А разве ты не должен был сказать, что это ты любишь меня сильнее?.. – надула губки Лахджа.

– Давай не перегибать палку, – лениво ответил Хальтрекарок. – В конце концов, я это вообще только из вежливости сказал.

– Из вежливости?.. – опешила и на секунду вышла из роли Лахджа. – Знаешь, а это обидно.

– Почему обидно? Я же проявил вежливость. Тебе должно быть лестно, что я делаю вид, будто ты мне небезразлична. Ну же, улыбнись. УЛЫБНИСЬ! – рявкнул Хальтрекарок.

Лахджа угодливо заулыбалась, пока хозяин ее не заставил. А то с него станется – Хальтрекарок запросто может наколдовать ей вечную, не сходящую с уст улыбку. Как у Джокера или того героя Гюго... как же его?.. Гуинплен, точно.

– Мой господин, прости свою глупую наложницу, – постаралась подпустить в голос грусти она. – Трудно улыбаться, когда знаешь, что не можешь быть полезной для того, кого любишь больше всех на свете...

– Как это не можешь быть полезной? – удивился Хальтрекарок. – Можешь.

И склонил ее голову к своему паху. Лахджа досадливо пошла по второму кругу, напряженно про себя размышляя, как же подвести разговор к нужной теме. Желательно так, чтобы Хальтрекарок не разъярился, не возмутился ее неблагодарностью... в общем, чтобы хотя бы уйти живой.

Лахджа старалась изо всех сил, так что Хальтрекарок остался довольным и расслабленным. И когда она снова смогла говорить, Лахджа просто выпалила:

– Я хочу быть полезной больше!

– Еще больше? – обрадовался Хальтрекарок. – Похвально! Мне нравится!

Когда закончился третий круг, Лахджа устало сказала:

– Я... я не это имею в виду. Мне бесконечно это нравится, но я имела в виду – быть полезной и за пределами постели.

– Это как же? – не понял Хальтрекарок.

– Так, как бывают тебе полезны другие жены... Ассантея, например... Помогать тебе в каких-нибудь делах, выполнять те задачи, что слишком ничтожны для твоего величия...

– А, вот ты о чем, – задумался Хальтрекарок. – Да, что-то я Ассантею давно не видел... А Абхилагаша проваливает все поручения... хм... Похвально, что ты сама вызываешься, но ты же смертная. Даже если я одарю тебя колдовской силой... ты все равно останешься смертной.

– А нет ли способа... я, возможно, глупость сейчас скажу, я всего лишь простая девушка и мне далеко до мудрости моего господина... но нет ли способа обратить меня в демона? Хотя бы в самого простого, как Безликие.

Хальтрекарок удивленно повернулся к Лахдже. Впервые его взгляд стал серьезным, а на лице отразилась работа мысли. Лахдже показалось, что внутри этой головы заскрипели ржавые шестерни. С шумом и скрежетом они стали набирать ход после долгого простоя.

– Твое желание естественно и понятно, – немного подумав, кивнул Хальтрекарок. – К тому же так ты действительно станешь полезнее для меня. Я даю тебе разрешение.

– Спасибо, господин! – впервые воскликнула Лахджа с совершенно искренней радостью. – Но как происходит перерождение в демона? Что я должна буду сделать?

– Ты?.. Тебе ничего не надо делать. Я договарюсь с Матерью Демонов, и она создаст мне из тебя нового демона, какого я закажу.

Лахдже не особо понравилась такая формулировка. Что значит – какого он закажет?.. Она очень некстати вспомнила, как Хальтрекарок изменил Сидзуку, и ей захотелось пойти на попятную.

Но было поздно. Хальтрекароку явно понравилась мысль сделать ее демоном. Воодушевленный донельзя, он одним взмахом рук прогнал всех наложниц, воспарил над полом и воскликнул:

– Какая же замечательная идея пришла мне в голову! Раз Ассантея где-то шляется, а другие демоницы тупы и бесталанны – сотворю себе новую служанку для мелких поручений! Из тебя!

– Да, отличная идея, – чуть ослабевшим голосом сказала Лахджа. – Я, наверное, пойду тогда, подготовлюсь...

– Незачем тянуть, отправляемся прямо сейчас! – отмахнулся Хальтрекарок.

Он снова привлек ее к себе – и зал с постелью-аэродромом исчез. Сменился... господи. Лахджу передернуло от места, в которое они переместились.

Ее даже немножко затошнило.

– Эй, не блей на Матерь Демонов, – почувствовал это Хальтрекарок. – Прояви уважение. Лахджа слабо кивнула. Взгляд не отрывался от гигантского чудовища.

Они оказались в чуть более освещенных местах, чем те, что окружали дворец Хальтрекарока. В небе виднелось что-то вроде очень яркой звезды... возможно, так выглядит Солнце с Плутона. В ее синеватом мерцании поднимались огромные жуткие растения. Накапывал дождь, шелестела листва, издали доносился рев и клекот неведомых монстров.

Но на все это Лахджа поначалу даже не взглянула. Ее полностью поглотила исполинская пульсирующая туша. Что-то вроде вросшего в землю куска мяса с десятками скользких хоботов. Не было ни глаз, ни ртов, хотя как-то Лахджа почувствовала, что существо их заметило.

От него исходило нечто... невидимое, неощутимое, но ужасно давящее на рассудок. Трудно было оставаться на ногах, трудно было сохранять сознание. К тому же вокруг царил ужасная мешанина органических запахов, что тоже вносило свой вклад.

А вот Хальтрекарок по-прежнему сиял, как начищенный пенни.

– Привет, Мазекресс! – взмахнул он рукой. – Доброго тебе здоровья! Отвлеку на пару минут?

Хальтрекарок кинул Лахджу прямо в грязь, подлетел к гигантскому чудовищу, и между ними будто замерцал воздух. Шло какое-то безмолвное общение. Хальтрекарок жестикулировал, показывал что-то руками, рисовал в воздухе огромные круги...

Лахджу тем временем окружили крошечные демоны. Шуки. Она их уже знала – во дворце Хальтрекарока таких полно.

Но тут они просто кишмя кишели. Размером с ладонь, с тонкими хвостами и четырьмя гибкими рожками, они облепляли Мазекресс будто живым ковром. Носились повсюду тысячами, чистили ее, тарасились немигающими черными глазками.

Лахджа при падении даже раздавила парочку. Ей стало стыдно, но остальные шуки ничуть не огорчились. Аккуратно отодвинув вторженку, целая их толпа расчленила трупик и тут же утилизировала в собственных желудках.

Мазекресс они тоже кормили. Таскали отовсюду какую-то дрянь, вкладывали в ее хоботы – а из других вытаскивали слизь и еще какую-то мерзость. Возможно, ее выделения.

Лахджа испугалась, что к ней шуки тоже проявят гастрономический интерес. Они, конечно, лилипуты, но их бессчетные тысячи и у них очень острые зубки.

А потом Хальтрекарок закончил свою беззвучную беседу с Мазекресс и... растворился в воздухе. Просто исчез, даже не сказав ничего Лахдже.

И шуки сразу бросились со всех сторон. Лахджа заорала как резаная – и почувствовала, что падает. Какая-то невидимая сила бросила ее на землю, отовсюду нахлынули шуки... здесь бедная девушка мысленно простилась с жизнью.

Но оказалось, что шуки ее не едят, а просто тащат к одному из хоботов. Лахджа сначала обрадовалась, а потом стало еще страшнее.

Какая разница, съедят ли ее крохотные демоны или огромный?!

Но Мазекресс ее тоже есть не стала. Когда шуки втащили Лахджу в скользкий хобот, откуда-то зазвучал мелодичный женский голос:

– Твой господин сообщил мне о твоём желании, существо. Является ли желание искренним и осознанным? Не испытываешь ли ты сомнений?

– Нет, – решительно ответила Лахджа, стараясь не задевать стенки.

– Хорошо. Хорошо. Чем сильнее создание желает этого, чем сильнее само по себе сходно с демоном, тем проще и быстрее проходит перерождение. Тем выше шанс на достижение желаемого результата. Какие-нибудь пожелания? Каким именно демоном ты хочешь стать?

– Я просто хочу стать демоном. Любым. Без условий. Без договоренностей. Делайте так, чтобы нравилось самой, – попыталась отшутиться Лахджа.

– Хорошо. Очень хорошо. Твои покорность и доверие не останутся без внимания при выборе формы. И желания твоего господина, в первую очередь.

– Желания моего господина?.. – насторожилась Лахджа.

– Да, – с легким отвращением произнесла Мазекресс. – Он мужчина, и он гхьетшедарий. Их желания обычно не сильно затрудняют мою работу. Но кроме того он заказал для тебя дополнительный пакет. Радуйся, существо, в тебя хорошо вкладываются. Я награжу тебя новыми способностями. Выдам тебе Ме.

Это Лахджу обнадежило. Она уже знала, что такое Ме. Слышала. По сути это суперсилы.

– *Суперсилы?..* – не понял Дегатти.

– *Это их земной сленг,* – пояснил Янгфанхофен.

– А какие у меня будут Ме? – уже с предвкушением спросила Лахджа. – Можно самой выбрать?

– Они будут формироваться вместе с тобой и будут зависеть от твоих личных особенностей. Твоего характера, твоих знаний и умений, твоих глубинных стремлений. Ты можешь выбрать только их количество.

– Количество?..

– Твой муж заплатил щедро, так что общий объем велик. Но тебе выбирать, на сколько частей его разделить. Ты можешь получить двадцать-тридцать слабых Ме, три-пять сильных или одно предельной мощности. Выбирай, но думай быстрее.

Лахджа напряженно задумалась. Хочется, конечно, иметь целую кучу способностей... но тогда все они будут жалкими. Пустяковыми фокусами, от которых мало толку. У некоторых наложниц есть такие – Хальтрекарок иногда их сам раздает, как султан монеты бедноте.

С другой стороны, если она возьмет Ме предельной мощности, то оно будет всего одно. И заранее не узнать, какое. Вдруг выпадет что-нибудь специфическое или не очень нужное? Мазекресс, правда, сказала, что они будут формироваться из ее собственной личности, но мало ли что там из нее сформируется. Достанется какое-нибудь умение создавать острова – и что с ним потом делать?

– А можно взять два? – спросила Лахджа.

– Можно. Тогда они будут очень сильными, но все же ограниченными.

– Тогда я хочу два. Спасибо.

К этому моменту течение принесло Лахджу в самый центр Мазекресс. Она оказалась в чем-то вроде гигантской утробы – алые стены пульсировали, сверху свисали гроздьи яиц, пол тоже усеивали яйца и большие капсулы-саркофаги.

К одному из таких шуки Лахджу и подтащили. Она пыталась вырваться и пойти самой, но выбора ей не предоставляли.

С тихим чмоканьем мембрана раздвинулась. Лахджу запихали внутрь, и над ней в последний раз прозвучал голос Мазекресс:

– Кстати, твой господин ведь предупредил тебя, что из проходящих перерождение в моей утробе выживает примерно половина?

– Что?.. – заморгала Лахджа. – Нет!.. Не предупредил!..

– Ему следовало бы. Но теперь неважно, договор заключен. Ложись поудобнее – твоя демонизация займет около года.

– Года?! – завопила Лахджа.

Ее охватила паника – но было уже поздно. Капсула закрылась и отовсюду хлынула черная слизь.

Она сразу полилась в рот и ноздри. Лахдже стало дурно, она пыталась кричать, но делала только хуже. Эта субстанция не была едкой или горячей, но все равно причиняла невыносимые страдания. Ее тело будто подверглось ускоренной энтропии, она одновременно стремительно старела и разлагалась заживо.

Муки были нестерпимые – но еще сильнее терзалась душа. Лахджу разом охватил жуткий страх, бесконечная тоска и невероятная злость. Ее колотило в ознобе и трясло в горячке. Она ненавидела притащившего ее сюда Хальтрекарока, ненавидела делающую это с ней Мазекресс и ненавидела себя за глупость, которая теперь приведет ее к смерти.

Последнее, что она увидела гниющими глазами – как от нее заживо отваливаются куски.

Можно сказать, что в чреве Мазекресс Лахджа умерла. В некотором роде. И все-таки это не было смертью в полном смысле. Ее прежнее тело расточилось, погибло, но из той плоти сформировалось тело новое. А душа претерпевала долгие и сложные метаморфозы.

Лахджа плохо запомнила этот процесс. Она как будто спала и видела странные сны. Была словно под наркозом – но недостаточным наркозом. Когда доза слишком мала, и больной лежит, ничего не может сказать, но при этом чувствует, как его режут.

Она ощущала происходящие изменения, но смутно. Ее тело ломало и коверкало, сознание искажалось. Превращение в демона оказалось долгим и болезненным. Иногда она приходила в себя, билась в стены, рыдала, звала на помощь – но молчание было ответом.

В конце концов она просто стала терпеть, сопротивляясь изменениям личности. В ее душу вливалась Тьма, но Лахджа это понимала и по мере сил боролась. Ей казалось, что она сражается с ужасным чудовищем, пытающимся ее сожрать – и покусать оно ее все же покусало. Оно являлось из окружающей мглы в разных обликах, иногда носило ее собственное лицо. Чтобы противостоять ему, Лахджа сама стала менять форму, превращаться то в одно, то в другое – однако от нее отрывали все новые куски, и Лахджа болезненно переживала каждую потерю.

Но часть ее прежней сохранилась. И довольно весомая часть. Когда капсула наконец исторгла дрожащий комок, в нем еще оставалось недобитое человеческое начало.

Но только глубоко внутри, на самых задворках души. Тело же... тело стало демоническим на все сто процентов.

После пробуждения Лахджа некоторое время просто лежала неподвижно. Новорожденная демоница пыталась для начала вспомнить свое имя. Даже это получилось далеко не сразу.

Прежняя жизнь вообще подернулась какой-то дымкой. Мутной завесой. Будто вчерашний сон – отдельные эпизоды мелькают перед глазами, но было это не с тобой и не взаправду.

– Лахджа, – наконец произнесла демоница. – Я Лахджа Ка... Лахджа Ка...

Фамилию вспомнить не удалось, и Лахджа махнула на нее рукой. Хватит пока с нее имени.

Теперь бы еще понять, кто она такая, как сюда попала и где вообще находится. Вся нужная информация в голове была, но добраться до нее не получалось.

Для начала Лахджа поднесла к глазам руку. Та была узнаваема и неузнаваема разом. Вроде как и ее... но как будто и чужая.

У нее всегда были такие пальцы? Всегда были такие когти? Лахджа не была уверена.

Она попыталась встать и ощерилась. Остатки крови и слизи присохли к коже и теперь стали трескаться. Почесываясь, Лахджа все-таки сумела перевернуться и поднялась на ноги.

Что ж, у нее две руки и две ноги. Это знакомо.

На руках пять пальцев. Но ногтей нет... вместо них когти. Втягивающиеся, как у кошек. В спокойном состоянии почти незаметны, но если чуть напрячься – вылезают почти на длину фаланги. Забавное новшество... кажется, новшество.

Потом она развернула крылья и вытянула хвост... так, а вот этого у нее раньше не было точно.

Крылья оказались большими. Пока Лахджа лежала комочком, они были свернуты, и в складках осталась жидкая слизь. Теперь она падала вниз комьями, стекала по ногам и ягодичам... так, вот ягодичы точно стали больше. Лахджа была абсолютно уверена.

И грудь тоже увеличилась. Глупо. Если у нее крылья, она должна летать. А значит, большая грудь снизит аэродинамичность.

Ощупав себя со всех сторон, Лахджа выяснила, что фигурой ее не обидели. Она смутно помнила, что у нее и раньше с этим все было хорошо, но теперь все выпуклости стали еще выпуклее, а впадины – впадинее.

Но все же не до гротеска. Не до гипертрофии. Остались в разумных пределах.

И пениса нет. Фух. Почему-то Лахджу вдруг встревожило, не появился ли он.

Нет, из новых деталей появились только когти, крылья и хвост.

Рогов нет. Странно. Почему-то подсознательно они ожидались. Хотя это хорошо, что их нет – совершенно бесполезные наросты, зря утяжеляющие голову и мешающие спать.

И кожа... расчистив участок на руке, Лахджа увидела, что кожа теперь красивого серебристого оттенка. Будто состоящая из мельчайших чешуек. Очень шелковистая на ощупь, но явно прочнее человеческой.

Выпрямившись во весь рост, Лахджа почувствовала внезапную тошноту. Поддавшись ей, она выблевала ком слизи. А потом еще один.

Очистив внутренности от амниотической жидкости, она сделала первый, неуверенный шаг. Ноги слушались плохо, но слушались.

– Кто я такая? – произнесла в пустоту Лахджа. – Мне кажется, я сейчас вспомню... но я не помню.

– Ты моя дочь, – раздался мелодичный женский голос. – Новорожденная.

– Твоя дочь?... – подняла голову Лахджа. – А кто ты такая сама?

– Я твоя мать. И мать бесчисленного множества других демонов. Все они – мои любимые дети, и теперь ты – одна из них.

Голос был приятным. Очень величественным, но в то же время нежным. Он словно наполнял каким-то теплом, его хотелось просто слушать, как хорошую музыку.

Мазекресс. В голове Лахджи всплыло слово и, чуть напрягшись, она вспомнила, что это имя. Имя Матери Демонов, некоронованной царицы Паргорона.

– Что мне теперь делать? – задала вопрос в никуда Лахджа. – Куда идти?

Но ответа не было. То ли Мазекресс утратила интерес к новорожденной дочери, то ли желала дать ей разобраться во всем самой.

А Лахджа уже хотела есть. Как только она очистила желудок, ее накрыл зверский, мучительный голод. Она бы просто вцепилась зубами в окружающую со всех сторон плоть, в эту алую пульсирующую массу, но что-то ее удерживало. Лахджа смутно помнила, что этого делать нельзя, что все вокруг – всемогущий демолорд.

Кусать его будет чертовской глупостью.

В ее родильную камеру уже набегали шуки. Крошечные демоны суетились вокруг, вычищая остатки мембраны и слизи, убирая остатки развалившегося саркофага, в котором Лахджа провела... интересно, сколько времени заняло перерождение?

– Где выход?! – хрипло спросила Лахджа, молниеносно схватив одного шука.

Рука дернулась с какой-то невозможной быстротой. Ни один смертный человек так бы не сумел. Но Лахджу это не удивило, она восприняла это как должное.

Но шук не ответил. Они разумные, но не слишком толковые. Крохотный демон просто запищал и укусил Лахджу за палец. Брызнула кровь, и демоница вскрикнула. Крепко сжав ладонь, она заставила шука смолкнуть – и уставилась на раздавленное тельце.

А потом сожрала.

Другие шуки заверещали и разбежались во все стороны. Лахджа посмотрела на свой палец – ранка уже затянулась, словно ее никогда не было.

А из темного тоннеля выступил Безликий. Демон-слуга коснулся плеча Лахджи и указал на один из проходов. Жестами дал понять, что выход там.

– Спасибо, – буркнула Лахджа.

В голове неприятно свербело. Она чувствовала беспокойство из-за того, что съела другого демона. Разумное существо. Вроде и ничего такого, но как-то это... неправильно.

Хотя почему неправильно? Что значит «неправильно»? Она могла его съесть и хотела его съесть. Что тут может быть неправильно?

Возможно, дело в смутных воспоминаниях о человеческой жизни. Прежняя Лахджа бы так не поступила. Но теперь она демон, так что все по-другому, верно?

– Уйди, прежняя Лахджа, – зло пробормотала она себе под нос. – Ты больше не нужна. Ты умерла, а я родилась.

Она довольно быстро вышла из Мазекресс. Матерь Демонов – громадное чудовище, но размером все-таки не с город, а скорее с очень большой дом. Несколько минут блужданий по склизким тоннелям – и под ногами уже земля. Мокрая, хлюпающая, но обычная земля, а не живая плоть.

Туманное Днище – снова всплыло в голове. Все названия там были, Лахджа сохранила прежнюю память. Просто та словно переместилась в туго завязанный мешок и теперь иногда просыпалась через прорехи.

Лахджа обернулась и посмотрела на ту, что назвала себя ее матерью. Какая огромная. Но не слишком заботливая, кажется. Так и не заговорила с Лахджой повторно.

Ладно, она сама справится. Вокруг и без шуков кипела жизнь, сновали бесчисленные демоны. Душебои кормили Мазекресс свежей добычей... Лахджа невольно повела носом, так сладко это пахло. Повсюду стояли чрепокожие, храпоиды и развраги – они охраняли свою королеву. Рабочие демоны чистили ее саму и территорию вокруг.

При взгляде на большинство демонов в голове всплывало название их вида. Вон те синекожие труженики – храки. Орущие уроды с содранной кожей – Жертвенные. Парящие в небе огромные глаза – злобоглазы. А та ключевая участница собачьей свадьбы – самогалер.

Но один из видов остался нераспознанным. Они единственные не занимались ничем полезным – просто потерянно расхаживали вокруг. Иногда вдруг набрасывались на других демонов, пожирали мелких существ, начинали драться или спариваться.

И они, кажется, похожи на саму Лахджу. Тоже крылатые и хвостатые, с кошачьими когтями. Кожа только разных цветов – серебристая, золотистая, бронзовая, медная, серо-стальная, черное железо...

– Еще один фархеррим, – донеслось до нее недовольное бормотание. – Хватит уже этих тупорылых тварей.

Шуки. Несколько крошечных демонов сидели на пригорочке и таращились на нее, на Лахджу. Они говорили очень тихо, но ее слух очень обострился.

– Я слышу вас, ублюдки, – повернулась к ним Лахджа. – Кто это тут тупорылая тварь?

Шуки в страхе запищали и разбежались по щелям. Лахджа не стала их ловить. Ее больше заботил поиск воды – попить и умыться.

Но что ж, теперь она хотя бы знает название своего вида. Фархеррим. На паргоронском это означает... хм... что-то вроде «гонец», кажется.

Раньше она о таких демонах не слышала.

– Я тоже о таких не слышал, – сказал Бельзедор. – А мне казалось, что я знаю всех демонов Паргорона.

– Мазекресс сделала их всего пару сотен, – ответил Янгфанхофен. – Она пыталась создать новый вид высших демонов.

– И как, получилось?

– Время покажет, – уклончиво сказал Янгфанхофен. – Они пока что слишком молоды, и большую часть Мазекресс держит при себе.

Чистую воду Лахджа нашла минут через десять. Небольшая запруда на ручье и совсем маленький водопад. Пришлось немного углубиться в джунгли, чтобы до него добраться.

Джунгли ее больше не пугали. На секунду она почувствовала прежний человеческий страх перед живущими здесь тварями, но тот сразу прошел. И то сказать – зверодемоны теперь сами ее избегали.

Пока она мылась, память продолжала подбрасывать какие-то осколки прежней жизни. Всплывали отдельные эпизоды, имена, события. Лахджа вдруг вспомнила, что в детстве у нее был красный велосипед.

Воспоминания возвращались вразнобой, бессистемно. Лахджа все еще не могла назвать имен своих человеческих родителей, зато восстановила всех дедушек и бабушек. Дедушка Антеро и бабушка Астрид, дедушка Ханну и бабушка Вероника...

Вспомнились вкуснейшие пирожки бабушки Вероники. Она любила приговаривать, что это семейный рецепт, что ее научила мама. Кажется, прабабушка Лахджи была родом из какой-то соседней страны и эмигрировала из-за... войны?... революции?... детали появлялись очень обрывочно...

Почему-то перед глазами предстал здоровенный сельский кот, который ужасно восхищал маленькую Лахджу. Он жил у соседей и никогда не давался погладиться.

Вспомнился автобус, на котором Лахджа ездила в школу, когда они жили в... Порвоо?... да, кажется.

Вспомнилось, как дедушка Антеро учил ее рыбачить. Он это очень любил и не оставлял попыток привить внукам свое хобби.

Это были приятные воспоминания. Стоя под струями относительно чистой воды, Лахджа ненадолго забыла, что находится посреди джунглей, кишящих монстрами. Она давно вымылась, но продолжала плескаться. Хотелось восстановить как можно больше своей прежней жизни.

А потом ее схватили за руку и дернули с такой силой, что кость вышла из сустава.

Лахджа завопила от боли, раскрыла глаза и толкнула напавшего. Тот не удержался на ногах и повалился в воду. Всплеск был сильный – детина оказался здоровенный.

Фархеррим. Такой же, как сама Лахджа – с серебристой шкурой, крыльями и хвостом. Только мужского пола, на полторы головы выше и с плечами игрока в регби.

– Грымм, – произнес он, хмуря густые брови. – Ты чего?

– А ты чего? – растерялась Лахджа.

Рука уже почти не болела и снова нормально двигалась. Вывих прошел сам собой и поразительно быстро.

– Чего ты, чего ты? – повторил фархеррим, распрямляясь во весь рост.

Лахджа посмотрела ему в глаза. Взгляд разумного существа, но не особо осмысленный. В голове вдруг появилось воспоминание о палате для умственно отсталых. Их водили туда... хотя кого их?.. и зачем?..

Возможно, она бы вспомнила более отчетливо. Но тут фархеррим снова на нее прыгнул. Он то ли очень хотел есть, то ли самку, то ли просто драться.

А может быть, что и все сразу одновременно.

– Не трогай меня, я тебе хлебало отгрызу! – пригрозила Лахджа, выпуская когти.

Раньше она бы остереглась связываться с таким амбалом – будь он хоть демон, хоть человек. Попыталась бы убежать. Но страх остался где-то в прошлой жизни. Умер вместе с прежней Лахджой. И сейчас она просто метнулась вперед и бесстрашно вцепилась в фархеррима.

Тот загоготал, решив, что с ним тоже играют. Шарахнул что есть силы кулачищем... но тот врезался в костяной нарост, выросший из груди Лахджи на манер кия.

– О!.. – воскликнула она, инстинктивно удлиняя когти. – Ого!.. Это что-то новенькое!..

– Хочу не больно! – завыл фархеррим, получив когтями в рожу. – Хочу приятно! Хочу есть! И трахаться!

Лахджа начала злиться. Этот урод ей кого-то неприятно напомнил.

Тело послушно отозвалось на эмоции. Резко разрослось во все стороны, выпустило когти на длинных щупальцах, огромную пасть в брюхе... Лахджа не совсем понимала, как это делает, но ей понравилось.

– Кыш! – рывкнула она, вставая на четыре костяные ножищи. – Пошел вон!

Ей вдруг пришло в голову, что перед ней такой же фархеррим. Наверное, он тоже так умеет. Сейчас выдаст что-нибудь эдакое... но он не выдал. Тупой демон продолжал драться просто когтями и кулаками. Вцепился ей в ногу и принялся грызть небольшими, почти человеческими зубами.

Лахджа в ответ его пнула. Отшвырнула на берег легким усилием. И сейчас бы фархерриму как раз и смекнуть, что добыча ему не по зубам, что Лахджа сильнее его... кстати, приятный сюрприз... но он не смекнул. Словно упорный, но безмозглый пес, он снова бросился на нее, выкрикивая оскорбления.

– Мне почему-то кажется, что эти фархерримы получились не особо удачными, – заметил Бельзедор.

– Да, большая часть первое время была немного не в себе, – подтвердил Янгфранхофен. – Сам понимаешь, Тьма – очень суровый инструмент. Большая часть творений получаются... не слишком адекватными. Но мы никогда не знаем точно, останутся ли они такими навсегда или с возрастом поуменьют.

Тогда Лахджа и сама осатанела. Какой раздражающий ублюдок. Что она ему сделала-то вообще?! Инстинктивно меняя свое новое великолепное тело, она отрастила шипастый хобот, схватила фархеррима поперек торса и встряхнула. Ее нижняя часть стала такой огромной и массивной, что противник уже не казался здоровяком.

А потом из ее плеч высунулась пара огромных клешней. Лахджа не успела даже ничего сообразить, как одна отхватила фархерриму ноги, а вторая – голову.

– Ну вот что ты наделала, – донесся до нее издали голос. Там стоял еще один фархеррим, со стального цвета кожей и почему-то рогатый. – Теперь нам за это придется тебя наказать.

У него взгляд был вполне осмысленный, но жесткий, колючий. Лахджа перепугалась, что убила невинного... то есть не совсем невинного, конечно, но просто кого-то не того. Либо какого-нибудь местного юродивого, либо вообще инспектора, который проверял ее таким вот странным методом.

А что, всякое бывает.

И она бросилась бежать. Фархеррим расхохотался, развел руки – и от него отслоилось еще полтора десятка копий! Все они бросились за Лахджой – одни вприпрыжку и ужасающе быстро, другие поднялись в воздух, взмахивая крыльями.

– погоди, красавица! – кричал вслед Лахдже демон. – погоди, давай поболтаем!

Но та не слушала. После нечаянного, но настоящего убийства ее охватила настоящая буря эмоций. До этого она уже убила шука, но тот воспринимался скорее как зверек, чем как разумное существо.

А теперь... она словно утратила девственность. Впервые лишила жизни кого-то себе подобного. И хотя демоническое начало говорило Лахдже, что в этом нет ничего плохого, человеческое противно зудело, что это было неправильно, что так нельзя, что теперь ее накажут. Со всех сторон нахлынули отвращение, страх и стыд.

А она-то думала, что страх остался в прошлой жизни.

От всех этих чувств Лахджа схватилась за голову и заорала. Она давно уже не выглядела бесформенным чудовищем – сама не заметила, как снова превратилась в фархеррима. Свое обычное состояние.

Клоны того второго фархеррима преследовали Лахджу еще минут десять. Но инстинктивно меняя форму, она сначала ускорила еще больше, а потом резко уменьшилась, превратилась в шука и спряталась под корнями.

– ...превратим Лахджу в какой-нибудь гадкий комочек!.. – вдруг прозвучало в голове. – Да-да, давайте превратим ее в шука!

Какие мерзкие голоса... откуда бы это? Лахджа не помнила, но невольно зашипела от злости. Писклявым шипением крохотного шука.

Клоны фархеррима шныряли наверху. Искали ее. Но через несколько минут им надоело, они снова слились в одного демона, и тот уселся на поваленный ствол.

– Ладно, – вздохнул он. – Жаль.

Когда он убрался восвояси, Лахджа тоже осторожно выбралась из укрытия. Прислушиваясь и приглядываясь, она двинулась по сумеречному лесу. Понятия не имея, куда именно. Просто в поисках приключений.

И еды.

– О, яблоки! – обрадовалась она, подпрыгивая за алым плодом... очень высоко подпрыгивая. Ноги сами подбросили ее метра на три, а рука вытянулась, удлинилась вдвое.

Правда, яблоко оказалось не яблоком. В руке Лахджи оно тут же развернулось, зашипело и выплеснуло струйку кислоты. Лицо запылало огнем, перед левым глазом все помутилось... но тут же вернулось в норму. Все волшебным образом зажило.

– Сволочь! – выдохнула демоница, швыряя «яблоко» на землю и раздавливая ногой. Ступня послушно огрубела почти до каменной твердости.

Суровая тут флора... фауна. Тоже демон, наверное. Тут все – демоны. Она сама теперь демон.

К счастью, с неплохими способностями, а то бы уже сыграла в ящик.

И Лахджа принялась экспериментировать с новыми возможностями. Ее нынешнее тело оказалось ужасно интересным! Стоило даже не пожелать, а просто подумать в каком-то направлении – и оно мгновенно меняло форму! Лахджа с легкостью превратилась в человека, в кошку, в слона, в бронтозавра... стала увеличиваться еще сильнее, но в какой-то момент застопорилась.

Уменьшиться тоже вышло только до определенного предела. Немного поколебавшись вверх-вниз, от крохотных созданий до гигантских, Лахджа пришла к выводу, что пределы у нее примерно тысячекратные. Может быть, даже в точности тысячекратные – это же что-то вроде волшебства, верно? Тут вполне могут быть круглые числа.

Таким образом, если она сейчас весит... интересно, сколько она сейчас весит? До похищения весила шестьдесят килограммов... с хвостиком. Совсем маленьким. Во дворце Хальтрекарока она слегка похудела от стресса. Но теперь весит явно больше – хвост же прибавился, крылья... да и выше она стала, кажется... хотя мужчины фархерримов еще выше...

Так, минуточку. Похищение?.. Хальтрекарок?.. Лахджа вдруг сообразила, что ненароком вспомнила еще один ключевой кусок своей жизни. Собственно, тот самый, который в итоге привел ее сюда и сделал вот такой.

– Перкеле, – произнесла она. – Так я этого сама добивалась, что ли?..

Ладно. Значит, винить особо некого. То есть похитил ее все равно Хальтрекарок, но стать демоном она выбрала сама.

И ей повезло, можно сказать. Она не умерла в процессе демонизации и не превратилась в бесформенное месиво. Утратила человеческий облик, но осталась привлекательной с человеческой точки зрения.

За это, видимо, надо сказать спасибо Хальтрекароку. Это наверняка он потребовал, чтобы Лахджа не перестала соответствовать его вкусам. Видимо, теперь она соответствует им даже еще сильнее.

И она получила Ме... точно, теперь вспомнила! Два больших Ме, как обещала Мазекресс! И ей с ними очень повезло! Одно – это точно умение превращаться, а второе... хм... интересно, регенерация – это Ме, или просто часть ее новой физиологии? Другие демоны тоже умеют быстро излечиваться, Лахджа уже знала.

Хотя превращаться во всякое они тоже умеют.

Ладно, неважно. Главное, что она это умеет, а с такими тонкостями разберется потом.

Что делать-то теперь? Вернуться к Мазекресс? Может быть, тот демон и не был опасен... хотя глупость. Какой смысл возвращаться к Мазекресс? В демона она Лахджу уже превратила, на контакт больше не выходит. Поблагодарить за хороший результат можно и письмом.

Значит, наверное, имеет смысл вернуться во дворец Хальтрекарока... не то чтобы ей этого хотелось, но это место она хотя бы знает. Там ее ждут.

Хотя ждут ли? Лахджа вдруг вспомнила, что ее демонизация длилась где-то год. А если ее не встретил никто из слуг, Хальтрекарок не оставил на этот счет никаких распоряжений. Вполне возможно, что он давно о ней забыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.